

ИЗМЕНА

АРИ ДАЛЕ

ГЕНЕРАЛА

Моя жизнь похожа на идеальную картинку. Идеальный муж-генерал. Идеальный дом. Идеальный сад, в котором мне нравится возиться. Сказка. Но сказкам суждено рушиться. Это и происходит, когда я отвечаю на звонок в телефоне мужа. «Милый, тебя сегодня ждать? Я купила красное белье. Кружевное. Тебе должно понравиться.» Теперь у меня одно желание — уйти. Но что делать, если поймают?

Глава 1

— Милый, тебя сегодня ждать? — приторно-сладкий голосок вырывает меня из полудремы. — Я купила красное белье. Кружевное. Тебе должно понравиться.

Резко распахиваю глаза и смотрю на экран. Номер незнакомый. И телефон не мой, а... моего мужа. Я сажусь на кровати и прикладываю телефон к уху. Одеядло сползает к ногам, обнажая грудь, прикрытую лишь белой кружевной ночнушкой.

— Не могу забыть вчерашний вечер. То, как ты меня брал, м-м-м. У меня до сих пор между ног горит, и уже начали проявляться синяки. И отпечаток твоей ладони на попе остался, — девушка чуть ли не мурлыкает. — А еще-е-е... свяжи меня снова. Ну-у-у, пожа-а-алуйста. Или может, я тебя?

Хихиканье растворяется в стуке моего сердце, который отдается в ушах, и смешивается с шумом душа.

Я хмурюсь и снова смотрю на телефон. Наверное, это какая-то ошибка. Я уже тянусь к кнопке отклонить, как слышу приглушенное:

— Ди-и-имочка.

Сердце останавливает. Всего на секунду. Но этого хватает, чтобы понять — не ошибка. Руки трясутся, когда я откидываю одеядло. Не глядя, нахожу тапочки на холодном полу и встаю.

— Дима, — вся приторность из голоса неизвестной девушки исчезает, теперь слышна обеспокоенность. — Ты меня слышишь?

Я нажимаю на отбой и бросаю телефон на кровать. Он тонет в пуховом одеядле. А я не могу отвести от него взгляда. Хочу убежать, скрыться, забыть. Но лишь смотрю на телефон и осознаю.

Нет! Не может быть! Не может!

Шум душа стихает, и я разворачиваюсь, чтобы пойти к мужу, когда его телефон пищит.

Невольно, медленно я смотрю на кровать. Экран телефона светится. А на нем появляется зеленый значок, пришедшего сообщения. Я не осознаю, что делаю, когда тянусь за телефоном, когда беру его, когда ввожу пароль мужа, когда открываю сообщение.

«Позвони, когда освободишься».

И фото... фото, из-за которого я сажусь прямо на пол. Заправляю темные волосы за ухо и снова смотрю на изображение, из-за которого вот-вот должна измениться моя жизнь.

Голубоглазая блондинка с растрепанными волосами, красными губами и, явно перекаченными буферами, лежит на мужского груди. На груди с кельтскими татуировками. С татуировками, которые были только у меня мужа. И я не могла ошибиться. Не могла.

Глаза начинает жечь, горло сводит, дыхание застревает в груди. Я кусаю губу. Сильно. Так сильно, что становится больно.

Я... я... я...

Нет.

Только не это.

Шаги раздаются в ванной, соединенной со спальней.

Я резко встаю. Голова кружится, но мне не до этого. Я кладу телефон на прикроватную тумбочку и бегу к двери. Нужно скрыться. И быстро. Но тапочек слетает с ноги, и цепляюсь за ручку дверцы шкафа, чтобы не распластаться на паркете.

Мимолетно смотрю на себя и осознаю, что я полная противоположность блондинки. У меня нет третьего размера груди, и глаза немного раскосые карие — спасибо маме и ее татарским корням.

Ручка на двери в ванну начинает опускаться, и я срываюсь с места, наплевав на тапочек. В два шага добегаю до двери и выскакиваю в коридор ровно в тот момент, когда напротив распахивается дверь душа и на пороге появляется муж в одном полотенце. Его подтянутое тело блестит от воды. Сердце колотится. Но останавливаться я точно не собираюсь. Не тогда, когда захлопываю дверь прямо перед мужем. Снимаю тапочек, беру его в руки и бегу по длинному коридору с белыми стенами к лестнице. Дверь за дверью по обе стороны коридора остается за спиной, когда я кладу руку на перила и начинаю быстро спускаться по деревянным ступенькам, в которых можно увидеть отражение. Я пару раз даже проскальзывала по ним, когда спускалась в носках. Но босые ноги не дают мне прокатиться до первого этажа на заднице. Зато каменная плитка, которой выложен пол на первом этаже, встречает меня холодом. Я его почти не чувствую. Мне нужно убежать. Нужно скрыться. Нужно решить, что делать дальше.

Сама не понимая, как оказываюсь на кухне. Современный интерьер подбирал дизайнер. Муж не дал мне заняться обустройством дома самой, поэтому я вынуждена наслаждаться серостью в разных ее оттенках: серые шкафчики, серый стол, серые стены. Только пару черных пятен в виде плиты и посудомоечной машины выделяются среди этого уныния.

Я огибаю стол и уже хочу выбежать на террасу, а потом на задний двор, чтобы впервые за утро вдохнуть полной грудью, как через стеклянную дверь замечаю дождь. Он стеной стоит, буквально.

Это осознание позволяет мне немного замедлиться.

Нельзя принимать поспешных решений. Не с моим мужем.

Если сбегу, он найдет меня. Где угодно. Генерал же чертов.

Нужен план.

Вместо того, чтобы выбежать под ливень и смыть с себя аромат предательства, который пах точно также, как мой муж: хвоей и мускусом, я просто распахиваю дверь.

Глубокий вдох наполняет мои легкие прохладным воздухом, наполненным озоном. Он медленно, словно накрывая с головы до ног, помогает остудить сначала разум, а потом и тело, разгоряченное после бега.

Нужен план.

Я разворачиваюсь на пятках и направляюсь к кофеварке. Несколько отточенных движений, и аромат кофе накрывает кухню. Я сажусь за стол и наблюдаю за тем, как коричневая жидкость заполняет дно прозрачной кружки, а после чего становится молочно-коричневой. Кофемашина перестает жужжать.

Я беру теплую почти горячую кружку обеими руками и снова подхожу к распахнутой двери. Руки больше не трясутся. Сердце не стучит, как бешеное. Бьется ровно, размеренно, а я делаю глоток мягкой с легкой горчинкой жидкости и смотрю, как заливает идеально подстриженный газон, как стебли ивы опускаются почти до земли, как гамак, висящий между двух груш, промокает до нитки. Шум бьющего по крыше дождя заглушает все мысли, из-за которых ком подкатывает к горлу и не хочет сглатываться. Глаза жжет, но слезы не льются. Все, что я могу делать — так крепко сжимать кружку в руках, что пальцы начинают гореть.

Я смотрю на нескончаемый поток воды, льющейся с неба, но не вижу его. Перед глазами другая картина.

... обнаженная блондинка привязана к изголовью кровати...

... мой муж, сжимающий ее бедра так сильно, что остаются следы...

... член, входящий в разгоряченную плоть резкими толчками, такими сильными, что даже силиконовая грудь подпрыгивает...

... стон, переходящий в крик, после которого срывает голос...

... стон хриплый, сдержанный, грубый...

— Доброе утро, — большие ладони сжимают мои плечи, а на щеке остается след от горячих губ.

Я сжимаюсь, задерживаю дыхание, но не вздрагиваю. Зато блеск молнии и следующий за ним гром скрывает мой шумный выход, когда я перестаю чувствовать присутствие мужа. Когда его хвойный мускусный запах начинает исчезать.

— Доброе, — удается выдавить из себя.

Напряжение все сильнее сковывает тело. Дождь не может скрыть тяжелые шаги за спиной. Я слышу каждый хлопок дверью, каждое шуршание целлофановой обертки от продуктов, каждый звон посуды, ударяющейся друг о друга. Пытаюсь дышать ровно и размеренно, но тело меня подводит. Из меня вырываются короткие вдохи и слишком длинные выдохи.

— Ты завтракать будешь?

Я качаю головой, надеюсь, что муж за мной наблюдает и мне не придется еще что-то произносить вслух. Боюсь, потому что в этот момент не знаю себя. Кажется, стоит хотя бы слову вырваться, меня будет не оставить. А мне нельзя... нельзя показывать, что я знаю.

Слышу глухой стук и скрип стула по полу.

Вдох.

— Почему ты босиком?

Черт! Черт! Черт!

Выдох.

Я пожимаю плечами. Дождь постепенно начинает стихать. Я цепляюсь за кружку с почти остывающим кофе. Меня начинает бить дрожь, но не из-за холода. Перед глазами стоит фото. Фото, которое доказывает, что...

Я кусаю язык. Сильно. До боли.

Металлический привкус появляется во рту, но не может унести воспоминания.

Татуировка. Та самая, края которой я обводила вчера ночью. Та самая, к которой муж прижал мою ладонь. Та самая, под которой чувствовалось биение его сердца и скрывался глубокий шрам. Ровное. Сильное. Мощное. Не чита моему. Тем более сейчас.

Сердце начинает биться еще сильнее, когда я слышу скрип стула, а за ним звон посуды, поставленной в раковину.

Я больше не чувствую пальцы. Даже теплый кофе их не согревает. Руки заледенели, как и я изнутри. Я будто ледяной коркой покрываюсь. Но она такая тонкая, что готова треснуть под волной эмоций, которые застряли где-то в горле. Нужно всего одно слово или неловкое движение, и будет взрыв.

На плечи ложиться что-то мягкое и теплое. Я невольно опускаю взгляд и вижу плед. Тот самый, в который я укутывалась, сидя на террасе теплыми вечерами, читая книгу. Тот самый, который принес мне муж, когда заметил эту мою привычку. Тот самый, которым я

накрывала его много раз, когда он засыпал прямо в кресле, засиживаясь за работой.

Глаза начинает наполнять влага. Но ни слезинки не проливается.

— Ты же помнишь, что через три недели прием у шейха, на который нас пригласили?

Я машинально киваю, хотя сложно сообразить, о чем вообще речь. В голове крутится только один вопрос: «Почему?».

Боже, как же мне хочется его задать. Он рвется из меня. Но я молчу. Впиваюсь зубами в язык еще сильнее, и молчу. Нельзя. Не сейчас. Никогда.

— Надеюсь, ты уже начала продумывать свой образ? От этого приема зависит очень важная сделка, — муж гладит мои плечи и проводит по рукам.

Благо, плед становится барьером между нам. Потому что каждое его прикосновение напоминает только об одном — он прикасается не только ко мне!

Я так сильно сжимаю кружку, что становится больно. Сделка? Вот, что на самом деле для него важно. Работа. Нескончаемые сделки. Контракты для Минобороны.

— Буду поздно. Не жди меня, — он оставляет едва ощутимый поцелуй на моей макушке, и я вздрагиваю, когда чувствую его щетину.

Тишина на кухне становится оглушительной. Даже дождь стихает, оставляя меня наедине со своей ошибкой. Если муж заставит меня сейчас повернуться, он все поймет. И у меня не останется ни шанса.

— Все в порядке? — голос вкрадчивый, настороженный.

Я быстро киваю, впиваясь зубами в нижнюю губу. Задерживаю дыхание.

Пожалуйста. Пожалуйста. Пожалуйста.

— Ладно, — Я выдыхаю. — Увидимся, скорее всего, только завтра.

Он гладит меня по рукам, после чего отпускает и я слышу шаги. Хлопок входной двери. Звук, заведенного двигателя. Гравий под шинами.

Я разворачиваюсь и бросаю кружку в стену. Осколки градом сыплются на пол, оставляя на стене влажное стекающее вниз пятно.

Бежать! Бежать! Бежать!

«Помоги мне», — я отправила это сообщение почти сутки назад.

С тех пор, не находила себе места. Пыталась отвлечься в саду, но постоянно что-то роняла, разливала и даже обрезала стебель моей любимой красной кустовой розы. Кофе, который обычно успокаивал, на этот раз почему-то вызвал лишь дрожь в руках. И чтение тоже не помогало — буквы разбегались. Мне снова и снова приходилось возвращаться к одному и тому же предложению, пока я вовсе не захлопнула книгу.

Даже сейчас, лежа в кровати, я смотрю в потолок, освещаемый рассветными лучами, проникающими через окно, и все, о чем могу думать — муж не ночует дома. Он не удосуживается позвонить. Предупредить. Хотя я-то знаю, где он и что делает. Всю ночь мечусь по смятым простыням и отгоняю картинку, которые подсовывает воображение. Последнее, что мне нужно — представлять, как муж трахает надувную блондинистую куклу в красном кружевном белье. Но мозг похоже не собирается останавливаться, дорисовывая новые и новые подробности.

В итоге, я откидываю одеяло и спускаюсь вниз, чтобы сварить себе кофе. Может, на этот раз он поможет?

Когда я выхожу на веранду и устраиваюсь в любимом кресле, делаю первый глоток кофе. Теплая, немного терпкая с молочным привкусом жидкость разливается по языку. Закрываю глаза и сосредотачиваюсь на прохладном воздухе. Он обдувает лицо. Холодит кожу. Забирается под тонкую ткань белой ночнушки. И я наконец-то забываюсь. Но ненадолго. Приходит долгожданное сообщение: «готово». Сердце пропускает удар и пускается вскачь. Скоро. Скоро все закончится.

Вот только вместо облегчения, в груди что-то сжимается. Глаза наполняются слезами. Я зажмуриваюсь. Нет. Не сейчас. Позже можно будет расслабиться и пожалеть себя. А сейчас нужно собраться с силами и осуществить план.

Я допиваю кофе, совсем не чувствуя вкуса, и иду вверх. Вещи давно собраны в маленький рюкзак. Там только самое необходимое. Пару комплектов сменной одежды, нижнее белье, документы и, конечно же, деньги. Жаль оставлять свою коллекцию платьев, про туфли я вообще молчу, но вызвать подозрение охраны точно нельзя. Иначе мне не удастся скрыться.

А уйти нужно... нужно...

Хорошо будет, если никто не обратит внимания на джинсы, которые я собиралась надеть. Хотя обычно предпочитаю носить платья.

Еще около часа уходит на то, чтобы принять душ и скрыть синяки под глазами, которые появились в результате бессонной ночи. И конечно, без сомнений не обходится. Если муж меня найдет...

В зеркале на фоне белой плитки я вижу девушку с волосами, собранными в конский хвост, легким макияжем и в белом шелковом топе. Она выглядит милой, но в глазах поселилась грусть. Ведь она теряет все, во что верила.

Делаю последний вдох, выдавливаю из себя улыбку и спускаюсь вниз.

— Хорошо выглядите, — охранник и по совместительству водитель, которого представил ко мне муж «для моей безопасности» открывает заднюю дверцу машины.

Уже давно не замечаю его бритую голову и шрамы от ожогов, которые покрыли всю

кожу правой щеке. Тем более они никак не влияют на его профессионализм. Он даже в жару носит черный деловой костюм. И мы с ним каждый раз спорим из-за дресс-кода. Но я всегда проигрываю перед авторитетом мужа, который установил такую форму для охраны.

— Спасибо, Слава, — я сажусь в машину, но не позволяю себе расслабиться.

Ставлю рюкзак на колени и прижимаю к себе. Там моя новая жизнь. Мне нельзя ее потерять. Остается одна маленькая деталь и можно начать сначала.

— Куда едем? — Слава садиться за руль и его голубые глаза смотрят на меня в зеркало заднего вида.

— В аутлет «Черная грязь», мне нужно найти платье для приема, — удивительно, но голос не дрожит.

Я смотрю в отражение окна, которое мелькает на фоне домов, и мне удается рассмотреть в нем спокойную девушку. Ее глаза сухие, хотя слезы так и подкатывают, а ком в горле не дает нормально глотать. Дышу я ровно и размеренно, вот только почти не вижу пейзажа за окном. Перед глазами стоят воспоминания. Наш свадебный танец, когда я не могла оторвать взгляда от почти черных глаз мужа. Наша первая ночь и его нежность. Никто и никогда так ласково ко мне не прикасался. Наша первая годовщина, на которую перенесли свадебное путешествие из-за работы мужа. До второй мы не дотянули совсем чуть-чуть...

За окном мелькают дома, деревья, машины, а я пытаюсь сдержать слезы.

Не мог же он меня разлюбить так быстро?

Или мог?

А любил ли изначально?

Если нет, то зачем тогда женился?

Зачем было добиваться меня, хотя я с самого начала сказала Диме «нет»?

С отцом военным у меня устоялось мнение, что никаких людей в форме в моей жизни больше не будет. Но тут появился он. Смотрел на меня так, будто я была единственной девушкой на планете. Я стала его целью или даже вершиной, которую он обязан был покорить.

Дима «дежурил» у моего университета, чтобы подвести домой.

Привозил подарки из командировок.

Обнимал, когда я поругалась с подругой.

Дима стал моим лучшим другом. И я сама не заметила, как отдалилась от остальных людей в своей жизни. Только с одним человеком я не потеряла контакт, и то все ограничивалось перепиской раз в полгода.

Хотелось проводить время только с мужем. Но чаще всего я проводила время наедине с собой. Читала. Занималась садом. Готовила.

О, как я полюбила готовить. Только в последнее время почти все ужины оказывались в мусорке. Муж не приходил домой...

Я сильнее прижимаю рюкзак к себе. Осталось совсем чуть-чуть. Чуть-чуть, и я смогу позволить эмоциям выбраться наружу. А пока нужно быть сильной.

Машина останавливается у ряда бутиков, и я бросаю Славе улыбку, надеясь, что он получит не сильный нагоняй от мужа, когда тот поймет, что я исчезла.

Выхожу из машины и направляюсь к аутлету, который больше напоминает средневековый замок из кирпича, чем место, где собрались магазины разных брендов.

Слава уезжает на парковку. Хорошо, что у мужа не появилась привычка посылать за мной охрану. Водителя оказалось достаточно. И то, у нас на эту тему возник спор, потому

что я не хотела сопровождения. Зря что ли права получала? Но спорить с мужем, все равно, что со стеной. Если он что-то решил, то его мнение уже не поменять. Никакие ссоры, скандалы и даже слезы не помогут. Лучше подчиниться или сделать вид, что сдалась, а потом сделать по-своему.

Водитель не мешал мне. Раньше. Сегодня же я бы предпочла уехать сама. Но выбора у меня нет. Поэтому пришлось придумать многоэтапный план.

Стеклянные двери разъезжаются передо мной, и я окунаюсь в гвалт из разговоров, приправленный громкой музыкой. Из-за слишком сильного сладкого аромата меня начинает мутить, а желудок бурлит, напоминая, что в нем кроме кофе с самого утра ничего не было. Я кладу руку на живот, успокаивая бурление и делаю шаг к свободе.

Прохожу витрину за витриной, напоминающие старые американские магазинчики. Не останавливаюсь ни у лавочек, ни у фонарей, которые будто бы вытащили из старинных фильмов. Глиняные горшки с деревьями меня тоже мало интересуют. Я вижу свою цель и иду к ней.

Останавливаюсь у охранников у заднего входа и ловлю на себе их внимательные взгляды. Сжимаюсь перед ними и опускаю голову. Меня не покидает ощущение слезки. Оно мурашками спускается вниз по позвоночнику и заставляет постоянно оглядываться. Но я не вижу знакомых лиц. Вот только, зная моего мужа, он мог послать за мной кого угодно: хоть бомжа, хоть девушку с грудным ребенком. У этого человека в руках слишком много власти. Раньше меня это не волновало. Но сейчас...

Я последний раз окидываю взглядом людей позади. Две брюнетки в сиреновом и красном шифоновых платьях сидят на лавочке, что-то живо обсуждая. Мужчина с сединой в сером деловом костюме, стоит с несколькими бумажными пакетами в руке и скучающе рассматривает витрину. Из магазина выбегает девчушка лет восемнадцати, прыгает на шею мужчине, целует его в щеку и передает пакет. Она с двумя русыми косами и драных джинсах разительно отличается от мужчины, который расплывается в улыбке, берет ее за руку и идет к следующему магазину. Другие люди тоже не вызывают подозрение. Все заняты своими делами. Но что-то явно не так. Интуиция меня редко подводит.

Поэтому я быстро ныряю в проход и оказываюсь под затянутым тучами небом. Достая телефон из кармана. Отправляю сообщение: «я на месте». Не проходит и минуты, как рядом тормозит джип.

Я машинально делаю несколько шагов назад. Сердце стучит так сильно, что заглушает визг тормозов.

Я оглядываюсь и хочу рвануть обратно в торговый центр, в относительную безопасность, когда пассажирская дверца распаивается и из темноты машины показывается знакомое лицо со щетиной и русыми волосами. Голубые глаза впиваются в меня, губы поджаты.

— Садись, у нас мало времени! — Артем оставляет дверцу открытой, а сам цепляется за руль.

Как только я забираюсь внутрь, машина срывается с места, а мне на колени падает пухлый конверт. Я открываю его и достаю несколько маленьких книжечек.

— Новые паспорта и водительские права, — Артем резко поворачивает, и мне приходится вцепиться в сиденье, чтобы меня не выбросило из кресла. — Билет на самолет тоже там. Ты летишь во Владивосток, а потом уже сама решишь, куда поправишься. Сначала нужно обратиться подальше из Москвы. Ты наличку приготовила?

— Да, — шепчу я, пока пытаюсь пристегнуться, что выходит крайне плохо с учетом, что Артем обгоняет машину за машиной. Он так крепко сжимает руль, что необъятные бицепсы под черной футболкой напрягаются. — Спасибо тебе. Если бы не ты...

Мне приходится прикусить губу. Перед глазами мутнеет, а грудь сжимается. Скрываемые последние два дня эмоции начинают рваться наружу, как только я оказываюсь в безопасности. Пока рано. Я сильнее впиваюсь зубами в нижнюю губу. Мне наконец удастся пристегнуться. Откидываюсь на спинку кресла и цепляюсь в новые документы. Они — мой единственный шанс.

— Я же говорил, когда ты замуж за него выходила, что что он — не тот человек, каким кажется, — Артем в очередной раз перестраивается.

Остается совсем недалеко до аэропорта.

— Не напоминай, — я прикрываю глаза. — Не сейчас, пожалуйста.

Мой голос еле слышен. А я готова сорваться в бездну. Желудок сводит, глаза горят, нижняя губа трясется. Я сильнее сжимаю челюсти, делаю глубокий вдох и отрываюсь от спинки кресла.

Засовываю документы в рюкзак, и смотрю на Артема. Он сосредоточен на дороге. Его движения хоть резкие, но уверенные. А взгляд не отрывается от цели. Артем — единственный человек, к кому я могла прийти с любой проблемой. Но никогда не думала, что придется просить помощи, чтобы сбежать от мужа.

— Прости, что втянула тебя в это, — я снова обнимаю рюкзак, будто он — мой спасательный круг. — Если Дима узнает, что ты...

— Ничего не будет! — ответ Артема резкий, как и очередной поворот. — Он не всемогущий.

— Надеюсь, ты не ошибаешься, — мой шепот в тишине машины оглушает.

Не хотелось бы, чтобы Артем пострадал из-за меня. Если бы я обратилась к отцу, тот передал бы меня прямо в руки мужу. Тем более тот стал приемником его должности, когда мы поженились. Первое время я думала, что Диме как раз от меня нужно расположение моего отца, но быстро отмела эту мысль. Слишком уж искренним он казался, когда я дала ему шанс. Видимо, зря...

В кармане джинс звонит телефон. Я вздрагиваю. Пальцы дрожат, когда я вытаскиваю его из кармана. А когда смотрю на экран, вовсе роняю гаджет себе на колени. Он продолжает вибрировать, а с экрана меня прожигают карие осуждающие глаза мужа. Да, это была просто фотография, но сомнений не осталось:

«Он знает. Он точно знает. Боже»

Я быстро беру телефон и нажимаю на кнопку сбоку. Экран гаснет, вибрация прекращается. Но... звонок повторяется.

— Он? — голос Артема напряжен, как и я сама.

Переворачиваю телефон экраном вниз и киваю. Только потом вспоминаю, что Артем меня не видит.

— Кажется, он знает, — слова срываются с моих губ.

— Я и не думал, что твой побег надолго от него укроется, — бормочет Артем больше для себя, чем для меня и прибавляет газа.

Я все еще не могу перестать смотреть на белую заднюю крышку телефона. Взгляд натывается на три камеры, и непонятно откуда появляется ощущение, что Дима может следить за мной через них.

Я отклоняю вызов и выключаю телефон быстрее, чем могу сообразить, что делаю.

«Твою же, мать. Теперь он точно знает!»

Но вернуть уже ничего не получится. Тем более, что Артем останавливается у здания аэропорта. Он выскакивает наружу и, пока я отстегиваюсь, огибает машину. Открывает дверцу и протягивает мне руку, которую я моментально принимаю.

— Тут нельзя парковаться, — только успеваю сказать я, когда понимаю, что Артем тащит меня к стеклянной двери.

— Потом разберусь, — шаги Артема широкие и быстрые, мне приходится бежать, чтобы успевать за ним.

Я забрасываю рюкзак на плечо и цепляюсь в шлейку, удерживая от падения. Мы вместе с другими людьми заходим в аэропорт. Теряемся в толпе. Голос диспетчера звучит из динамиков и, кажется, объявляет мой рейс.

— Артем... — я тяну его за руку, но он только ускоряет шаг.

— Не волнуйся, все схвачено, — Артем тащит меня непонятно куда, огибая куча людей, которые либо решили отдохнуть, либо тоже пытаются скрыться. Возможно, от себя самих.

Я быстро переставляю ноги, рюкзак подпрыгивает на спине, дыхание прерывается. Но Артем все также тянет меня вперед, пока не останавливается у стойки регистрации в бизнес-класс.

Мои глаза округляются, а лямка рюкзака падает на сгиб локтя.

Хочется достать билет, но и так понятно, что я там увижу. Сколько Артему стоил мой побег?

— Иди! — Артем тянет меня к девушке в синей форме, которая проверяет билеты на регистрацию. — Срочно.

— Но...

Артем не смотрит на меня. Его взгляд скользит по пространству за моей спиной, но нигде не задерживается. И хорошо...

— Тебе нужно идти, — Артем забирает у меня рюкзак и открывает его. — Прямо сейчас. Я свяжусь с тобой, как только смогу.

Он сует мне документы в руки и подталкивает к стойке регистрации. Я автоматически протягиваю документы девушке. Она их быстро просматривает и отдает мне, даже ничего не спросив. Снова оглядываюсь на Артема, он смотрит на меня пристально и... с грустью.

Хочу сделать шаг к нему, но он качает головой.

— Иди, — одними губами произносит он и делает несколько шагов назад.

Я делаю глубокий вдох, говорю тихое «спасибо» и отворачиваюсь.

Не помню, как прохожу досмотр. Меня куда-то ведут. И я просто иду вперед, ни о чем не думая. Получается очнуться только, когда через стеклянную стену вижу, что парни в черном и с наушниками в ушах останавливаются рядом с Артемом. Замираю. Не могу отвести взгляда. Разговор кажется вежливым до тех пор, пока Артем не отталкивает одного из парней, а на второго замахивается кулаком. Второй парень перехватывает его руку и заламывает за спину. Артем пытается вырваться, но на него наваливается первый. Вдвоем они прижимают Артема лицом к полу и скручивают.

Я вскрикиваю и прикрываю рот рукой. Уже начинаю разворачиваться, чтобы вернуться. Но слышу голос за спиной.

— Что-то случилось?

Оборачиваюсь. Молоденький паренек с ямочками на щеках и в синей форме выглядит

действительно обеспокоенным.

— Мне нужно... — я снова поворачиваюсь к стеклу, но больше не вижу ни Артема, ни парней в черном. Бегаю глазами по залу. Натыкаюсь на разных людей. Кто-то прощается, кто-то обнимается, а кто-то стоит в одиночестве рядом с чемоданом на колесиках. Но Артема нигде нет. Нигде!

— Вам нужно в самолет. Он ждет только вас, — паренек отступает на пару шагов, освобождая для меня путь. Но я не двигаюсь. — Вы понимаете, что самолет без вас не улетит.

Последний раз смотрю через стекло.

Пожалуйста. Пожалуйста. Пожалуйста. Только не это.

Внутренний голос кричит об опасности, но выбора у меня не остается. Сейчас только вперед. Нельзя назад. Пусть только с Артемом все будет в порядке.

До самолета дохожу без приключений. Свое место у иллюминатора тоже нахожу без препятствий. В соседнем кресле никого нет. Чему я в тайне радуюсь. Мне нужно хоть немного уединения. События последних двух дней накрывают меня с головой.

Звонок, сообщение, мои фантазии о сексе мужа с надувной куклой то и дело прерываются воспоминанием о Артеме, которого повалили на пол. Смотрю в иллюминатор и почти ничего не вижу. Первая слезинка скользит по щеке. Я быстро стираю ее.

«Потерпи еще немного. Осталось совсем чуть-чуть», — говорю я себе и делаю глубокий вдох.

— Дорогие пассажиры, — взволнованный голос бортпроводницы звучит через динамик. — Прошу прощение за задержку. Возникли непредвиденные обстоятельства. В течение десяти минут мы взлетим.

Сердце пропускает удар. Боже. Боже. Боже. Хватаюсь за ручки кресла и стараюсь размеренно дышать. Но не могу. Тянусь к ремню безопасности. Хочу его отстегнуть, но руки трясутся. Дергаю. Еще раз и еще. Но у меня ничего не выходит! Господи! Это точно он! Он!

Щелчок защелки становится для меня спасительным звуком. Я готова бежать. Выпрыгнуть из самолета. Только не видеть его. Вот только...

Крупный накаченный мужчина в темно зеленой форме опускается в соседнее кресло, а мне на колени падает что-то.

— Золушка, ты потеряла тапочек.

— Где Артем? — я замираю посреди спальни и впиваюсь взглядом в мужа, который успел переодеться в джинсы и черную футболку. Темный ежик волос влажный. Капли поблескивают в свете от люстры посреди комнаты. Взгляд жесткий, исподлобья.

Я все это время расхаживала по спальне своего же дома и даже выйти не могла! Окно оказалось заколочено, а дверь заперта. За последние несколько часов я успела возненавидеть любимый когда-то пушистый белый ковер и деревянную вставку на стене за кроватью. Тумбочки по обеим сторонам от нее, как и комод напротив, я вывернула в поисках ключа. Что я там только не нашла. Несколько леденцов, кучу разных бумаг, пару своих книг, блокнот, с десяток ручек и карандашей. Но никакого ключа! Шкаф перебирать я не стала. Зато чуть бежевую штору не оборвала, когда пыталась открыть окно. Готова была выпрыгнуть со второго этажа, чтобы больше не видеть лица мужа, который затолкнул меня в спальню, а сам смылся, не удосужившись поговорить.

— Твой любовник? — Дима запирает за собой дверь и ключ кладет в карман. — А есть разница?

— Любовник? — я впадаю в ступор, но ненадолго. — Любовник?! И у тебя язык поворачивается говорить это мне?!

Дима прислоняется плечом к косяку двери, складывает руки на груди и смотрит на меня так пристально, что мне становится не по себе. Щетина на его лице стала гуще и длиннее, видно, что он не брился несколько дней. Глаза выглядят уставшими, словно он не спал. Всю ночь трахал свою куклу и забыл о сне?! Так хочется запустить в него чем-нибудь, но я сдерживаюсь. Понимаю, что ругаться с ним — себе дороже. Хотя, откуда мне знать? Мы за почти два года брака ни разу не ссорились. Спорили, да! Но чтобы ругаться? Да мы почти не говорили. Либо Дима пропадал на работе, либо говорили о чем-то обыденным, либо сексом занимались.

Чуть не скриплю зубами, когда перед глазами встает фото той самой блондинки. Я бы точно чем-нибудь тяжелым стукнула мужа по голове, если бы это помогло стереть невозмутимость с его лица. Но понимание, что у меня всего один шанс исправить ошибку, не дает мне поступить столь опрометчиво.

— Где Артем? — говорю я уже спокойнее, но руки сами сжимаются в кулаки.

— Какая разница? — Дима склоняет голову на бок. Его густые черные брови сдвигаются к переносице, и он делает шаг ко мне.

Я отступаю.

Он наступает.

Я снова отступаю.

Он надвигается на меня до тех пор, пока я ногами не врезаюсь в кровать. Но Дима не останавливается, пока полностью не сокращает расстояние между нами. Я чувствую его дыхание у себя на лице, когда он захватывает в плен мой взгляд. Смотрит на меня так, будто хочет что-то найти в моих глазах. Но не прикасается ко мне. Жар его тела проникает в меня, опалает, пугает мысли. Он всегда напоминал мне печку, о которую можно погреться. Но сейчас это ощущается куда ярче. И мне хочется отодвинуться, чтобы хоть немного остыть, внутри меня бурлит пламя гнева.

Один неверный шаг, и будет взрыв.

— Какого хрена сегодня было? — цедит Дима сквозь стиснутые зубы, не отрывая от меня потемневшего взгляда.

— И ты еще спрашиваешь? — я приподнимаю бровь. Голос звучит хрипло, надломлено. Наполняется злостью, которая скрывает боль и помогает сдерживать слезы.

Кажется, это становится последней каплей, потому что Дима толкает меня. Я не успеваю понять, что происходит, как оказываюсь спиной на кровати, а муж нависает надо мной. Он упирается локтями по обеим сторонам от моей головы. Грудью чувствую его тяжелое дыхание. А между ног упирается его член.

Это осознание возвращает мне разум. Я начинаю ерзать, толкаться, крутиться — делать все, лишь бы выбраться. Он не имеет права прикасаться ко мне! Не после всего!

Но мне удастся лишь немного сдвинуться, чтобы не чувствовать его член между своих ног. А в следующее мгновение, Дима перехватывает мои запястья и фиксирует одной рукой над моей головой. Второй — упирается в кровать рядом с мой лицом. Ногами он обхватывает мои бедра. Зажимает меня в капкане своего тела. И только после этого немного расслабляется. Но недостаточно, чтобы у меня была хоть какая-то надежда на освобождение. Любую попытку он предотвратит. Вот только... это не повод ее не предпринять. Я пытаюсь сдвинуться, но чувствую, как «сети капкана» снова натягиваются.

— Ева, не выводи меня! — голос мужа хриплый.

Он дышит также тяжело, как и я. Его взгляд темный, опасный. Я никогда не видела его таким. Знала, что он может быть жестким. Даже беспощадным. После того, через что ему довелось пройти, странно, что у него остались хоть какие-то чувства.

Хотя... о чем это я вообще? Какие чувства? Обо мне он не думал, когда трахал белобрысую дрянь!

Я стискиваю зубы и вздергиваю подбородок. Смотрю на мужа прямо, ровно. Никакой нежности нет, только отвращение. Его пальцы на запястьях жгут. Боли не чувствую, но прикосновение бурлит во мне настоящей яростью. Она будто следы оставляет: темные, горячие, уничтожающие.

Сердце колотится в груди, а губы превращаются в тонкую белую линию.

Мне нужно только одно, чтобы Дима меня отпустил. Не хочу чувствовать его прикосновения. Мне неприятна тяжесть его тела. И тем более, бесит, что в его руках вся власть.

Наверное, мысли отражаются у меня на лице, потому что густая черная бровь мужа ползет вверх.

— Можешь сказать, что случилось? — Дима все еще крепко держит меня, голос его звучит спокойно. Слишком спокойно.

Мне же хочется кричать, явзить, ерничать!

Хочется назвать его идиотом! Или спросить, может, он такой считает меня? Думает, что я полная дура, раз раньше не узнала про измену? А может он прав?

Силы покидают меня, и я шепчу:

— Отпусти, — прикрываю глаза, — и поговорим.

Несколько мгновений промедления становятся для меня настоящим испытанием. Я чувствую все: его теплое дыхание у себя на коже, свежий аромат с нотками мускуса и хвои, силу его тела.

Время тянется так долго, что картинки измены мужа успевают пронестись перед глазами, но, в итоге, я чувствую желанную легкость.

Дима слезает с меня, после чего поправляет задравшуюся футболку, прислоняется бедрами к комоду и складывает руки на груди. Ждет. Я же отползаю к изголовью кровати, подтягиваю к себе ноги, обнимаю их и бросаю безнадежный взгляд на мужа.

— Ты думал, я не узнаю? — вырывается быстрее, чем я успеваю себя остановить.

Нижняя губа начинает трястись, я прикусываю ее. «Горящие» глаза, кажется, становятся нормой для меня, и нужно обзавестись увлажняющими каплями, потому что эмоции в ближайшее время мне придется засунуть в дальний угол своего сознания.

Осознание, что он меня не отпустит постепенно начинает проникать в разум.

— Говори конкретнее, — Дима склоняет голову к плечу.

Лицо спокойное, но я-то знаю, что он оценивает меня, изучает, планирует.

Его генеральская натура постоянно все анализирует. Ищет лазейки, слабые места, за которые можно зацепиться, а потом ударить туда. Но выбора у меня не остается — теперь нужно говорить правду. Ведь план побега провалился.

— Позавчера я спросонья случайно ответила на звонок на твоём телефоне, — я кладу голову на колени и смотрю в окно — лучше туда, чем на мужа. — Как давно ты мне изменяешь?

Не вижу Диму, но знаю, что он даже не шелохнулся. Ни одна эмоция не проскользнула на его лице. Никакой реакции, кроме пристального оценивающего взгляда, я не получаю.

— С самого начала, — ответ четкий, однозначный.

Прикрываю глаза, прикусываю язык.

Никакой лжи. Ее никогда не было. Просто нужно было задать правильный вопрос, чтобы получить ответ. И чувств моих никто никогда не щадил.

— Почему? — губы еле шевелятся и болят, так сильно я их сжимаю и впииваюсь в них зубами.

— А почему нет?

Давлю в себе порыв слететь с кровати, подскочить к мужу и начать колотить по его каменной груди, за которой скрывается ледяное сердце. Как я раньше не замечала? Оправдывала отстраненное поведение мужа чем угодно: сложной работой, последствиями службы в горячих точках, отсутствием заботы в детстве. Но все оказалось вполне банальнее: он просто меня никогда не любил.

Вместо того, чтобы вылить на мужа боль, которую он мне причинил, продолжаю смотреть в окно. Бетонная стена скрывает множество частных домов, утопающих в деревьях. В каком-нибудь доме, наверняка живет счастливая семья с детками: старшим мальчиком и совсем малышкой девочкой. У них точно есть большой пушистый белый пес и черная кошка, которая больше напоминает черепаху, чем хищника. Ведь в еде ее никто не ограничивает. Перед домом ухоженный сад соседствует с лужайкой, на которой папа обустроил детскую площадку. Он сам выбирал горки, ставил качели, даже машину нанял, чтобы она привезла песок для песочницы.

И каждый вечер, пока мальчик качает сестру на качелях, потом помогает забраться на горку и ловит, когда она соскальзывает по наклоненному вниз металлу, их задорный смех вызывает у родителей улыбку. Пока они пьют чай на террасе, нежась в объятьях друг друга, и наблюдают за детьми.

Мечта, который не судьба осуществиться. Мечта, которая рушится прямо на глазах. Мечта, которой я сама себя лишила.

— Я хочу развестись, — дается мне легко.

Думала, будет невыносимо произносить эти три слова. Думала, язык не повернется. Думала, сердце болезненно сожмется.

Но на самом деле, чувствую только пустоту. Она окутывает тело. Очищает разум. Дает возможность ненадолго забытья.

— Нет! — жестоко, но ожидаемо.

Я усмехаюсь и опускаю ноги на пол, после чего встаю с кровати. На Диму не смотрю, и так знаю, что он превратился в гарпию на крыше замка, которая следит за своей жертвой и ищет удобный момент, чтобы напасть.

— Зачем этот фарс? — я подхожу к окну и вижу себя.

Волосы растрепаны, уголки губ опущены, глаза безжизненные.

Кажется, я начинаю превращаться в статую под стать мужу.

— Ты — моя жена. Такой ответ тебя устроит?

Я резко оборачиваюсь. Как и думала, Дима стоит в той же позе. Кажется, он даже не дышит и сердце его не бьется.

— А если нет? — я вскидываю бровь.

— Это твои проблемы. Развод я тебе не дам!

Наконец-то, Дима отрывается от комода. Я вжимаюсь в подоконник, что от него, конечно, не скрывается. Но вместо того, чтобы пойти ко мне, он разворачивается к двери.

Жесткие мышцы напряжены под футболкой. Волосы на затылке больше напоминают щетину. А массивные руки расслабленно повисли вокруг тела, но я-то знаю, что в любой момент они могут перейти в режим боевой готовности и переломить врага.

Я в растерянности смотрю мужу в след и не знаю, что делать. Надежда покинула меня еще в тот момент, когда он вывел меня из самолета и посадил в свою машину. Она осталась в мусорке вместе с моим телефоном и документами, которые привез мне Артем. Но в груди все еще тлел небольшой уголек на благоразумие мужа. На то, что у нас получится найти решение, которое поможет... поможет что? Восстановить отношения? Расстаться мирно? Найти компромисс?

Я — точно идиотка, раз верила, что есть надежда. Не с моим мужем. Не с его желанием все контролировать. Не с его возможностями.

Дима останавливается прямо у двери и смотрит на меня через плечо.

— Хочешь узнать, где твой Артем? — кривая усмешка появляется на лице мужа.

И мне впервые становится по-настоящему страшно.

Меня мутит.

Я спускаюсь по лестнице и чувствую, как тошнота подкатывает к горлу. Кажется, стены наезжают на меня, а ступени ходят ходуном. Нога соскальзывает, и я полетела бы кубарем вниз, но Дима разворачивается и хватается за талию. Держит крепко и ловит мой взгляд. Его глаза черные. Настолько темные, что в них можно увидеть его истинную натуру.

Я хватаюсь за перила и твердо произношу:

— Отпусти.

Он не слушает. Все еще держит меня одной рукой, когда второй — скользит вверх к плечу, проводит по предплечью к сжимающим перило пальцам. Он обхватывает их, зажимает в своей ладони, и только после этого убирает руку с моей талии.

Не говоря ни слова, Дима разворачивается и продолжает спуск. У меня не остается другого выбора, как следовать за ним. Сосредоточиться не получается. Я не могу оторвать взгляда от его огромной руки, в которой утонула моя ладонь. Жар от прикосновения распространяется по телу. Нужно бы вырвать руку, залепить мужу пощечину, а еще лучше столкнуть с лестницы, но я послушно иду следом за ним.

И тошнота разом проходит.

Совсем не вовремя вспоминаю, как он целовал меня в лоб, проверяя температуру, когда прошлой зимой я неудачно прогулялась на морозе. Он приносил чай, который помогал притупить боль в горле из-за непрекращающегося кашля. Даже кормил меня с ложечки, ведь стоило мне подняться, голова тут же начинала кружиться, и я падала обратно. Дима ухаживал за мной, заботился, даже дела на работе отменил. Он не отходил от меня несколько дней, пока температура не спала окончательно.

Но место нежности, которая начала расцветать в груди, быстро занимает боль предательства. Она щупальцами обхватывает грудь и так сильно сжимает, что становится трудно дышать. Ладонь потеет, но из руки мужа она не выскользывает. Дима держит меня крепко и отпускать не собирается. Хотя я не сомневаюсь, что чувствует не только насколько она влажная, но и как мой пульс растет все сильнее и сильнее.

Нужно успокоиться. Не время поддаваться эмоциям, особенно, когда каждый шаг приближает меня к неизвестности.

Артем...

Он пострадал из-за меня. А то, что Дима встретил его не чаепитием, не вызывает сомнений.

Если бы я не написала Артему... если бы не попыталась сбежать, не чувствовала бы сейчас, как внутренности сжимаются, когда муж проводит меня мимо кухни. Теперь-то я знаю, куда мы направляемся. В конце коридора за кухней всего одно место, где можно держать человека.

Я сглатываю. Дрожь пронесется по телу. Рука мужа сильнее сжимает мои пальцы. Причиняет боль, но я молчу. Даже внимания не обращаю, потому что Дима нажимает на позолоченную ручку деревянной двери и перед нами открывается тьма. Настоящий мрак, который быстро рассеивается, когда Дима нажимает на выключатель на стене. Свет освещает кирпичные стены и бетонные ступени, ведущие в подвал дома, где находится винный погреб.

Я кусаю губу, когда мы начинаем спускаться. Сердце так сильно колотится в груди, что за его стуком я не слышу шум вентиляции. Чем ниже спускаемся, тем холоднее становится. Я содрогаюсь, что не скрывается от мужа. Он ведет плечами, но не оборачивается. Просто ведет меня вниз, пока мы не оказываемся в просторном помещении, отделанном серым натуральным камнем. По стенам тянутся деревянные полки с бутылками из-под вина, а посреди комнаты должен был стоять деревянный стол с высокими стульями. Должен был, но...

— Дмитрий Геннадьевич, — Слава оборачивается.

Он стоит посреди погребка. На его лбу выступает пот. Шрамы на щеке выглядят грубее из-за приглушенного освещения. Верхние пуговицы белой рубашки расстегнуты, а рукава закатаны до локтей. Руки сжаты в кулаки. Костяшки сбиты. На них выступает кровь.

Слышу стон. И закрываю рот рукой.

Из меня не вылетает ни звука, но я не могу оторвать взгляда от привязанной веревкой к ножке стула босой ступни. Слава отшагивает в сторону, и я поднимаюсь взглядом по ноге, обтянутой джинсами. Черная футболка появляется следующей. На груди в нескольких местах она меняет цвет и становится плотнее. У ее края на шее замечаю красное пятно и смотрю выше.

— Боже, — шепчу я и делаю шаг назад.

Пытаюсь вырвать руку из хватки мужа, но он держит так крепко, что кажется одно неверное движение и я сломаю пальцы. Но это меня не останавливает. Тяну руку на себя. Не отпускает. Дергаю. Чувствую резкую боль. Дергаю снова. Снова. И снова.

Но вместо того, чтобы отпустить, Дима перехватывает меня за запястье и подтягивает к себе. Он становится у меня за спиной и кладет руки мне на плечи. Сам же близко прижимается. Так близко, что я чувствую его твердую грудь своей спиной. Его дыхание горячит мою шею и посылает по телу мурашки. Мурашки ужаса.

— Ты хотела знать, где твой Артем, — шепчет Дима мне на ухо. — Смотри.

Я содрогаюсь всем телом, хочу отвернуться или закрыть глаза, но не могу. Смотрю на Артема, и чувствую, как слезы начинают течь по щекам. Его лицо опухло. Один глаз заплыл и покрылся полусохшей, вытекшей из брови, кровью. Губы разбиты. Нос неестественно согнут.

Артем еле держит голову. Она качается: то и дело пытается упасть назад или на грудь. Но все же Артем смотрит на меня. Один глазом, но смотрит. И, кажется, жалеет. Жалеет меня. Хочет что-то сказать, но его губы почти не шевелятся. А из горла вырываются членораздельные звуки. Голова Артема падает на грудь. Он пытается ее поднять, но не может. Не может...

Что же я наделала?

— Зачем? — еле слышно произношу я.

Ноги приросли к земле, а взгляд прикован к Артему. Слышу его вдохи, хриплые, немного булькающие. Боюсь даже представить, что творится под футболкой. А что внутри?

— Зачем? — смешок мужа отражается от стен и звучит словно гром в закрытой комнате. — Он должен понять: нельзя трогать мое.

Я резко разворачиваюсь.

— Твое?! — толкаю мужа в грудь. — Твое?

Наступаю на него. Дима не двигается. Смотрит на меня. Ждет.

А мне срывает крышу.

Я сама иду в пасть к хищнику.

— Твое говоришь? — снова толкаю его, он позволяет. — Тогда какого хрена ты трахал другую бабу? Или даже не одну?

В глазах мужа загорается огонь. Вижу, как искра вспыхивает, и понимаю, что снова попала в капкан. Но отступить или сбежать не успеваю. Муж перехватывает меня, разворачивает и впечатывает спиной в стену. Полки рядом с нами трясутся, но ни одна бутылка не падает.

— Разве есть разница? — Дима шепчет мне прямо в губы. — Какая разница, кого я трахал, если все равно возвращался к тебе?

Дыхание застревает у меня в груди. Я открываю рот, чтобы что-то сказать, и сразу же закрываю. Ни слова не вылетает из меня. А что я могу сказать? Какие аргументы привести? Как переплюнуть извращенную логику мужа?

Стон разносится по комнате, и я пытаюсь выглянуть из-за плеча Димы, но он так крепко прижимает меня к себе, что даже пошевелиться не удастся. Я могу лишь смотреть в его черные глаза и осознавать, в какую трясику меня затащило.

— Ему нужно в больницу, — мой взгляд мечется по жесткому лицу мужа, пока его пальцы впиваются в мои плечи.

Я чувствую своей грудью биение его сердца. Ровное. Сильное. Не чета моему. Мое сердце бешено бьется, а дыхание вторит ему. Губы пересохли, и я не могу сдержать порыв облизать их. Это сразу же привлекает внимание мужа. Его взгляд моментально опускается на губы, а член дергается.

Еще один стон врывается в мое сознание, и я чувствую горячую вину, разливающуюся в моей груди.

— Пожалуйста, — шепчу я, — отправь его в больницу.

Дима не двигается. И кажется, не собирается. Его взгляд возвращается к моим глазам. Что-то ищет там. Пытается докопаться до сути. Найти правду. Но какую, известно только ему.

— Он заслужил все это, — Дима шепчет мне на ухо. — Ты — моя.

Осознание его слов приходит не сразу. Сначала я чувствую, как муж губами скользит по моей шее. Нежно. Почти невесомо. Потом его запах начинает кружить голову и не дает ясно мыслить. Прикосновение сильной руки к бедру посылает волну жара по телу и не дает сосредоточиться. Тело предает меня. Оно подчиняется сильнейшему. Признает своего хозяина.

Но разум... он коварен. В момент, когда я хочу закрыть глаза, отдать всю власть мужу, разум подбрасывает мне воспоминание. Я не понимаю, реальное оно или плод моей фантазии, но то, как муж трахает любовницу, быстро отрезвляет меня. Я начинаю вырываться. Брыкаюсь, толкаю, бью мужа по голени. Вот только ему нипочем. Дима стоит, не шелохнувшись и... улыбается.

Замираю.

За почти два года семейной жизни я только раз или два видела его улыбку. Что вообще происходит?

— Какого хрена? Я сказал, отвалите от меня, — дверь ударяется об стену, а по ступеням в погреб слетает огромное тело.

Чувствую облегчение. Вадим в черной водолазке и в черных спортивных штанах замирает посреди комнаты. Сразу за ним следуют двое охранников. Они чем-то даже

похожи, хотя на самом деле абсолютно разные. Один худощавый, белобрысый и до невозможности высокий. Его впалые щеки так сильно отличаются от отъевшегося лица второго охранника, у которого за черным костюмом явно скрывается мощное тело, если судить по тому, как пиджак натягивается на груди. Возможно, растерянные взгляды, которые они бросают на моего мужа, делают их собачонками в моих глазах. А стоит мужу кивнуть, оба, как болванчики, разворачиваются и начинают подниматься наверх.

Вадим же остается. Он внимательно осматривает помещение. Тело его напряжено. Обычной задорной улыбки нет на лице. Взгляд ястребиный, не упускающий ни одной детали. Он проходится по рукам Славы, по Артему и его повреждениям, после чего остановился на мне с мужем.

Сегодня Вадим как никогда напоминает мне Диму. Та же щетина, тот же нахмуренный взгляд, только глаза не черные, а голубые. Волосы взлохмачены. Такое чувство, что его вырвали из постели или оторвали от важного задания, иначе, вряд ли он обошелся бы без делового костюма.

— Что здесь происходит? — Видим сует руки в карманы штанов, пытается казаться расслабленным, но от меня не скрывается как дергаются желваки на его лице. И этот взгляд... От обычно добродушного брата мужа, не осталось и следа.

— Ты здесь не при чем, — Дима разжимает пальцы, но при этом не отходит и спиной загораживает меня. Либо, что вероятнее, не хочет выпускать меня из вида. Стоит мне дернуться, он поймает, и я буду наказана за непослушание.

— Не при чем? — Вадим вскидывает бровь. — Ты избил моего заместителя, а я не при чем?

— Он переступил черту, — Дима пожимает плечами.

Они напоминают хищников: внешне расслабленные, но в любой момент готовы напасть. И эпичность зашкаливает: брат против брата. Прямо библейская сцена.

Я же бросаю взгляд на Артема. Он выглядит плохо. Голова так и лежит на груди. Несколько капель свежей крови собралось на каменном полу. А еще... он больше не стонет.

— Какую черту он мог переступить, что ты его так? — Вадим обводит рукой неподвижного Артема.

— Тронул то, что ему не принадлежит, — спокойные слова, слетевшие с губ мужа, что-то перещелкивают в моей голове.

Не принадлежит? Не принадлежит?! То есть я тебе принадлежу?! Я не вещь, чтобы принадлежать кому-то!

Со всей силы я толкаю мужа в спину. Он явно не ожидает такого подвоха. Теряет равновесие, спотыкается. Но вместо того, чтобы приземлиться лицом прямо в пол и разбить хотя бы нос, делает шаг и останавливается.

Кажется, разум покидает меня окончательно, потому что вместо того, чтобы сбежать, я подхожу к нему и снова толкаю. Но на этот раз, должного эффекта не получаю. Я словно пытаюсь сдвинуть с места стену. Вот только она еще и поворачивается. Быстро. Грациозно. Вижу глаза мужа. Немного расширенные и явно удивленные.

Хоть что-то я получаю за свой безрассудный поступок. Но мне этого недостаточно. Я замахиваюсь. Но рука не достигает цели. Дима ловит ее прямо у своей щеки. И, прежде чем я успеваю понять, что происходит, мир меняется вверх ногами, а на живот что-то давит.

— Жди в кабинете, — бросает Дима брату и начинает двигаться.

— Пусти меня, — я бью мужа по спине, когда он поднимается по ступеням вверх. — Пусти, кому сказала!

Естественно, никакой реакции не получаю. Тогда пробую оттолкнуться от его спины, и ударяюсь затылком о потолок. Боль такая резкая, что перед глазами темнеет. И я во избежание повторения падаю обратно.

— Ты в порядке?

Это беспокойство скользит в голосе Димы? Я даже замираю, а в это время он выносит меня из погреба. Но потом снова вспоминаю...

Разум словно красная пелена застилает. Я начинаю вырываться. Дергаюсь, кручусь, бью мужа по спине. Но его руки — тиски. Они так крепко сжимают меня, что просто нереально освободиться.

Охранники, которые встречаются по пути, нервно поглядывают на нас. Но даже не пытаются вмешаться. Один только что-то шепчет на ухо другому, и они оба натягивают на себя маску невозмутимости.

Когда Дима поднимает меня на второй этаж, заносит в комнату и запирает за нами дверь, я понимаю, что все кончено.

Бежать некуда. Договориться не получится. От генерала не скрыться.

Я становлюсь пленницей в собственном доме. С тираном мужем. Как в книжках, которые мне так нравилось читать. Вот только в реальности это совсем не романтично. И явно не здорово.

Дима бросает меня на кровать, и я задыхаюсь. Воздух выбивает из тела, а голова ударяется о кровать. Перед глазами мутнеет, но ненадолго. Через мгновение я уже вскакиваю на ноги прямо на кровати и смотрю на мужа, который своей невозмутимостью еще сильнее выводит меня из себя.

Он наблюдает за мной, словно за игрушкой. Ужасно интересной, которую хочется разобрать, чтобы понять как она устроена. За наши почти два года брака я была послушной женой, толком не спорила, я тут такое диво.

Мечусь взглядом по комнате. Сама не понимаю, чего хочу. Найти путь к отступлению или лучше что-то тяжелое, чем можно зарядить по наглой роже мужа.

Как он смеет говорить, что я ему принадлежу?! Штамп в паспорте не дает ему никаких прав!

Ох, нет! Я так просто не сдамся.

На глаза попадается дверь в ванную.

Делаю обманный маневр — шагаю влево, но быстро разворачиваюсь и прыгаю с кровати в другую сторону. Жаль, что постоянно забываю, что мой муж не простой человек. Его инстинкты обострены, как у животного. Он перехватывает меня прямо в полете. И вместо того, чтобы снова бросить на кровать, падает вместе со мной и наваливается сверху. Его тело вдавливают меня в матрас и лишает возможности двигаться.

Я не сдаюсь. Царапаю ногтями его спину. Он шипит и тянется за моими руками. Перехватывает их, но, прежде чем успевает поднять, я впиваюсь зубами в его плечо.

— Ева, блять!

Мои руки вновь зажаты за головой. Он держит меня за подбородок и прижимает мою

голову к кровати.

— Прекрати истерику, — шипит муж сквозь стиснутые зубы.

— И почему я должна это сделать? — пытаюсь покрутить головой, но Дима держит так, что мне не пошевелиться.

— Какого хрена ты вообще творишь? — он впивается в меня взглядом. Это еще больше меня бесит!

— Я какого хрена творю? Ты себе этот вопрос задавал? Сначала заявляешь, что ты спал с другими бабами с самого начала нашего брака? Потом избиваешь моего друга до полусмерти? А после этого еще заявляешь, что я тебе принадлежу? Тебе в плену вообще мозги отшибло? — выплевываю я.

Знаю, что надавливаю на его больную точку. Знаю, что мои слова могут вызвать еще больший гнев. Но остановить себя не могу.

— Ты знала за кого замуж выходила, — Дима смотрит мне прямо в глаза и, кажется, не дышит. Я вообще не уверена, что передо мной живой человек.

— А ты, похоже, совсем не знаешь меня, — слезинка скатывается с уголка глаза.

Пытаюсь отвернуться. Не хочу показывать ему свою слабость. Но он держит меня крепко. Не дает сдвинуться ни на миллиметр. Смотрит прямо в глаза, будто пытается что-то там найти. Какой-то ответ на свой вопрос

— Ты меня совсем не знаешь... — мой голос дрожит, а внутри разливается боль. Тягучая, заполняющая все внутри. Не дающая освободиться и затягивающая в глубь тьмы.

Вся наша жизнь была ложью. Все было ложью. Все...

— Думаешь? — один уголок губ Димы поднимается вверх. — Не знаю?

Его голос наполняется хрипотцой. А мои глаза расширяются.

Я знаю это тон... Знаю...

Дима отпускает мой подбородок. Но вместо того, что слезть с меня скользит ладонью вниз: по шее, ключице, груди...

— Что ты делаешь? — шепчу я.

Не могу отвести взгляда от его глаз, которые под темными бровями кажутся почти черными.

— Я знаю тебе лучше, чем ты думаешь, — шипит он и сжимает мою грудь.

— Пусти меня! — я брыкаюсь, пытаюсь вырваться из железной хватки мужа. Но не могу. Вместо того, чтобы внять моей просьбе, он наваливается на меня и скользит рукой по моему боку вверх, пока не захватывает обеими руками мои запястья. Его горячее дыхание обдувает мои губы, горящие глаза присваивают себе мой взгляд, жар его тела опыляет меня.

Дима молчит.

Я тоже.

Дышу часто, с каждым вдохом втягивая его мускусный, с нотками хвои аромат. Этот аромат, свойственный только ему. Этот аромат, который всегда сводил меня с ума. Но сейчас... сейчас он будит во мне лишь гнев.

Я стискиваю губы и с гордо поднятым подбородком встречаю его наполненный тьмой прошлого взгляд. Он меня никогда не пугал, всегда вызывал желания разгадать, что же за ним скрывается, и сейчас не вызывает ни доли страха. Я готова дать отпор!

Дима склоняет голову на бок, словно наблюдает за новой зверушкой, которую привели ему на перевоспитание.

— Почему я этого раньше в тебе не замечал? — спрашивает он, скорее себя, чем меня.

Но я чувствую, как в моей груди что-то закипает. Сердце начинает стучать быстрее, а жар, который передается мне от мужа, собирается расплавить тело. Ему мало просто изранить душу. Ему нужна я вся.

— Может, потому что предпочитал трахать шлюх вместо того, чтобы уделять время жене?

Дима усмехается. Усмехается!

— Возможно, ты права, — улыбка пропадает с его лица, а тело напрягается. — Нужно это исправить.

Я не успеваю ничего предпринять, как его губы обрушиваются на мои. Он кусает меня за нижнюю губу, я вскрикиваю то ли от резкой боли, то ли от неожиданности. И Дима пользуется ситуацией, его язык проникает в мой рот.

Не могу дышать. Не могу двигаться.

Ничего не понимаю.

Но всего лишь мгновение.

В следующее миг, я впиваюсь зубами в его язык. Сильно! Так, чтобы причинить не просто боль, но и вред. Вот только ничего не получается. Дима не отпускает меня. Наоборот, он сильнее впивается в мой рот.

Он целует меня. Жестко. Как никогда не целовал.

Между нами всегда скользила лишь нежность. Казалось, он боялся меня сломать. Но что в итоге? В итоге, он нашел ту, кого можно было «ломать» как ему всегда хотелось.

Я кусаю его. Снова. На этот раз за губу.

Дима шипит и отстраняется.

— Отвали от меня, — хочется закричать, но голос подводит, и из меня вырывается писк.

Я пытаюсь выгнуться, но Дима слишком тяжелый, чтобы я могла пошевелиться.

— Шлюх своих трахай, — я не оставляю попыток и начинаю выкручивать руки. Кожу жжет, но хватка мужа крепче любых оков, которые могли придумать специально для меня. — А ко мне не прикасайся.

Обхватываю Диму ногами, пытаюсь перевернуть, но вместо этого лишь еще сильнее сближаю нас. Его твердый член оказывается прямо между моих ног. И я замираю.

Наше дыхание смешивается: мое — быстрое, поверхностное, а его — спокойное и тяжелое.

Мои попытки избавиться от него не повлияли даже на его дыхание. Что уж говорить об остальном?

— Сегодня я хочу тебя, — еле слышно произносит он, а я теряю дар речи.

Только открываю рот, но оттуда ничего не вылетает. Даже забываю пошевелиться, когда Дима перехватывает мои запястья одной рукой, а второй — пробирается между нами и пытается расстегнуть пуговицу на моих джинсах.

О боже!

— Нет! Не прикасайся, — я пытаюсь сдвинуться, но не могу. Он все еще дприжимает меня к кровати, оставив между нами лишь небольшой просвет для своей руки.

— Дима, прекрати! Что ты делаешь?

Голос срывается, когда пуговица расстегивается.

— Дима! — я пытаюсь извиваться, но бесполезно.

Он — скала. Мне не сдвинуться. Его сила становится для меня проклятьем. Хотя раньше я ею восхищалась. Чувствовала себя защищенной. Чувствовала его власть и отдавалась ей.

Думала, что такой сильный мужчина принадлежит мне.

Но, когда звук расстегнутой ширинки разносится в тишине комнаты, все уходит на второй план. Остается лишь одно желание — выбраться.

Я не могу быть с ним. Не после других. Больше не могу...

Тяну руки на себя, причиняя себе жгучую боль. Отталкиваюсь пятками от кровати, пытаюсь повернуться. Выгибаюсь, надеюсь, что смогу сбросить его с себя. Но мое сопротивление дает ему лишь больше возможностей для маневра.

Он стаскивает с меня джинсы вместе с трусиками и опускает их середины бедер, тем самым блокируя мои движения. Но не продолжает. Не пытается меня раздеть полностью. Не двигается. Лишь снова ловит мой взгляд и тяжело дышит.

— Дима... — шепот смешивается с глубоким дыханием.

Кажется, его глаза потемнели еще сильнее, когда он начинает пробираться под мою футболку. Медленно, очень медленно поднимает, пока не обнажает кожу и белый лифчик.

— Не надо, — я задерживаю дыхание, когда он стаскивает чашки лифчика вниз.

— Ты сказала, что я тебя не знаю, — Дима с каждым словом еле касается губами моих губ. — Ты даже не представляешь, как ошибаешься.

Он двумя пальцами сжимает мой сосок, а из меня вырывается всхлип. Не боли. Нет. По телу проносится волна тепла. А Дима проводит языком по моим губам.

Я пытаюсь отвернуться, но он ловит мою нижнюю губу зубами. Несильно сжимает, но достаточно, чтобы легкая боль пронеслась еще одной волной по телу. Дима разжимает зубы и зализывает место укуса. На этом не останавливается. Проводит губами по щеке. Едва касаясь. Почти невесомо. Горячее дыхание мужа оставляет на коже следы. А когда его язык касается мочки уха, я забываю, как дышать.

Легкое прикосновение заводит еще сильнее, когда оно сменяется укусом.

Стон вырывается из меня, стоит зубам сомкнуться на мочке, а после этого я снова чувствую влажное тепло его языка.

Муж губами скользят по моей шее, оставляя невесомые укусы и такие же невесомые поцелуи. Он спускается ниже и ниже, пока не достигает груди. Берет в рот один сосок, а второй снова зажимает, а я не могу сдержать стон.

А стоит ему начать сосать его, мир растворяется. Глаза сами закрываются, а порывистые вдохи начинают слетать с губ. Тепло рта в сочетании с легкими посасываниями и сильными укусами, разносит тепло по моему телу.

Я даже не чувствую, когда Дима отпускает мой сосок. Только его прикосновение к клитору заставляет меня очнуться. Но только до тех пор, пока он не начинает кружить по чувствительно бугорку. Размеренные движения заставляют мое дыхание сбиться. А когда он скользит внутрь меня сначала одним пальцем, а потом добавляет в нему второй, я вовсе забываю, что такое «дышать».

Движения мужа ровные, четкие, уверенные. Длинные пальцы проникают глубоко в меня. Так чертовски глубоко. Я закусываю губу, когда основание его ладони касается клитора. И с каждым движением пальцев трет его.

Забываю обо всем, чувствуя, как внизу живота нарастает жар.

Хочу сосредоточиться на этих ощущениях. Хочу позволить себе отпустить контроль. Хочу забыть.

Дима снова нависает надо мной. Он не пытается меня поцеловать или как-то еще прикоснуться. Его пальцы скользят во мне, пока он смотрит на меня. Лишь смотрит, а я

понимаю, что в первый раз вижу его взгляд таким... затуманенным.

Он наблюдает за моей реакцией, когда ускоряет толчки пальцем. Не упускает, как учащается мое дыхание, когда он сильнее прижимает ладонь к клитору. Ловит взглядом тот момент, когда дыхание застревает у меня в груди.

Он делает еще один толчок. Ладонь снова трет клитор.

Узел внизу моего живота взрывается.

Я ловлю ртом воздух. Перед глазами темнеет. Каждая мышца в моем теле напрягается. И также резко расслабляется. Тело содрогается.

Веки начинают закрываться, но я слышу рык:

— Нет, смотри на меня!

Подчиняюсь.

Смотрю в его глаза, когда он делает еще один толчок.

Он посылает еще одну волну удовольствия по моему телу. Кусаю губу.

Он снова толкается в меня, после чего вытаскивает из меня пальцы и начинает кружить ими по клитору. Раз за разом. Круг за кругом. А я уже не могу сдерживать не только стоны — я не могу сдерживать себя.

Начинаю метаться на кровати. Запрокидываю голову. Стону в голос, когда узел снова начинает собираться внизу живота. Он растет. Растет. Растет.

Пока...

Дима не делает последний круг.

Мир разлетается к чертям.

Тело охватывает дрожь. По венам проносится невыносимый жар. Спина выбивается.

Я не вижу и не чувствую ничего. Только истинное удовольствие. Дыхание такое частое, что я не могу быть уверена, попадает ли в мое тело воздух. Все, что я могу — лежать. Лежать и теряться в наслаждении, блаженстве, тепле.

— Посмотри на меня! — приказ мужа звучит отдаленно, но я подчиняюсь.

Еле могу разлепить веки и встречаюсь с его черными глазами. Они так сильно темнеют, что больше напоминают демонические. А полуулыбка добавляет еще пару очков к образу.

Дима подносит пальцы, которые совсем недавно были во мне, к лицу, засовывает их в рот и облизывает.

Я забываю, как дышать. Снова.

Внизу живота что-то сжимается. Снова.

— Мне всегда нравился твой вкус, — протяжные нотки в хриплом голосе, заставляют меня слететь с катушек.

Дима все еще держит меня. Не отстраняется. Не двигается. Но меня это не останавливает. Я тянусь к его губам, и сама целую его. Чувствую свой вкус: терпкий и одновременно мягкий. Теряюсь в ощущениях. Хочу его всего. Хочу прикоснуться к нему. Хочу его в себе!

Дима прерывает поцелуй, мгновение смотрит на меня и тянется к своей ширинке, когда... стук сотрясает дверь в спальню.

— Дмитрий Геннадьевич, у нас проблема.

Сквозь шум в голове, я узнаю голос одного из охранников мужа.

Дима замирает. Его лицо моментально становится жестким. Скулы заостряются, а из глаз исчезает дымка.

— Что случилось? — произносит он громко и спокойно, что не соответствует огню,

полыхающему в его взгляде.

— Ш-шейх... он хочет с вами срочно поговорить, — голос за дверью звучит слишком взволнованно. — Мы пытались сказать, что вы заняты, но...

Дима набирает в грудь воздух и закрывает глаза. Странно, что я не слышу скрипа его зубов.

— Сейчас буду.

Это облегченный выход раздается за дверью? Но он тут же скрывается за чередой быстрых шагов. А вместо жара в глазах мужа вижу только обычное для него спокойствие. Он медленно отпускает меня. Встает. Поправляет одежду, не отводя от меня взгляда. Про член, выпирающий через джинсовую ткань, тоже не забывает.

И все это пока я лежу на кровати и пытаюсь понять, какого хрена только что произошло.

Объяснений не жду. Ни от него. Ни от себя.

Мысленно молю о том, чтобы Дима оставил меня одну. Мне нужно подумать. Нужно понять, как дальше жить... со всем этим.

Но вместо того, чтобы сразу уйти, Дима опять нависает надо мной, опираясь руками по обе стороны от моей головы, и оставляет быстрый поцелуй на моих губах. Снова захватывает мой взгляд в плен, долго смотрит, прежде чем обрушить на меня правду, которую я всеми силами запихивала подальше:

— А говорила, что я не знаю тебя. Твое тело говорит об обратном.

Гад! Какой же он все-таки гад!

Знает он меня! Ага! Сейчас!

Только пусть появится передо мной!

Но нет же, муж оставил меня одну в спальне почти на сутки. Только своих собачонок посылал, чтобы те принесли мне еду. Она, конечно, тут же оказывалась на их головах и, видимо, мужа это устраивало, с учетом того, что через пару часов другая собачонка появлялась перед моей дверью.

Как только он вернется, я ему устрою!

Вытаскиваю из-под головы подушку и запускаю ее в дверь. Глухой удар, и она падает на пол к еще двум. Силы стучать в дверь кулаками, требовать встречи с мужем, кричать во все горло уже давно оставили меня. Я могу лишь лежать на кровати и думать, как моя жизнь превратилась в сказку о красавице и чудовище. Почему я раньше не замечала, что вышла замуж за чудовище?

Я же любила Диму. Правда, любила.

И даже представить не могла, чем моя любовь обернется для меня же.

Сутки взаперти заставляют меня переосмыслить жизнь. Я четко осознаю, что мне нужно уйти от мужа. Неважно как! Главное, это сделать. Иначе, он меня сломает. Жестокое прошлое сделало его таким, какой он есть. И вряд ли это можно исправить.

Ключ поворачивается в замочной скважине, и я сажусь на кровати. Волосы в полном беспорядке, поэтому я заправляю их за уши. А когда дверь открывается, и на пороге появляется совсем не муж, то еще и одеялом прикрываюсь: джинсы валяются на полу посреди комнаты, а на мне остались только футболка и белые хлопковые трусики.

В спальню входит девушка в берцах и идеально сидящем на худощавой фигуре деловом костюме. Ее темные волосы затянуты в тугий пучок, что делает ее и без того острые скулы еще острее, и выделяет глаза, в которых отчетливо видны азиатские корни. Военная выправка от меня тоже не скрывается, особенно, когда она останавливается у двери и заводит руки за спину.

— Добрый день, Ева Алексеевна, — девушка смотрит прямо мне в глаза, но меня не покидает ощущение, что не видит вовсе. Ее взгляд безэмоциональный, я бы даже сказала расфокусированный. — Меня зовут, Зарина. Теперь я буду вас охранять вместо Вячеслава.

Мои брови ползут вверх, а мысли скачут. Но я не успеваю их сформировать во что-то разумное, когда девушка продолжает:

— Также Дмитрий Геннадьевич приказал передать вам, что сегодня состоится встреча с шейхом. И вам нужно быть готовой к поездке через час.

Я открываю рот и тут же закрываю его. Мои глаза сужаются, что не скрывается от охранницы. Она напрягается. Изменения едва заметны, она стала всего на пару миллиметров выше. Но этого достаточно, чтобы я откинула одеяло и встала, забыв о мнимой стеснительности.

Я подхожу к девушке. Мне приходится запрокинуть голову, чтобы заглянуть ей в глаза.

— А больше Дмитрий Геннадьевич тебе ничего не приказал? — цежу сквозь стиснутые зубы и вижу, как мускул на щеке Зарины дергается.

— Никак нет, — она смотрит поверх меня, и я чувствую ее пренебрежение. Охранница,

явно, восхищается моим мужем. Оно-то понятно. Каким бы он не был мужем, начальник из него отличный. Или тут что-то большее?

Я хмыкаю и разворачиваюсь. Но в тот же момент снова поворачиваюсь обратно и отпихиваю Зарину в сторону. Она не ожидает от меня такой подлянки, делает несколько шагов, пытаясь восстановить равновесие, но мне хватает мгновения ее промедления, чтобы вылететь из спальни.

Сразу бегу к лестнице. Слышу «стой» и быстрые шаги за спиной. Ускоряюсь. Спускаюсь по лестнице так живо, что сама удивляюсь, как по дороге не поскользнулась и не свернула себе шею. Но останавливаться рано. Тем более тяжелые удары берцов о ступени приближаются.

Входная дверь прямо у лестницы манит к себе. Но я быстро отметаю вариант сбежать. Бесполезно. Вместо это несусь по коридору, но не в сторону погреба, а в противоположную. Пока не попадаю в гостиную и не вижу нужную дверь.

Возле нее замерли те же две собачонки, которых я видела в винном погребе. Они сразу замечают меня и переглядываются. Но ничего предпринять не успевают, потому что я подлетаю к ним.

— Только попробуйте меня задержать, — шиплю я на них и нажимаю на дверную ручку.

Слышу за спиной женское «держите ее», но уже поздно. Я встречаюсь с черными глазами мужа, которые на фоне бежевых стен, кажутся действительно демоническими.

Замираю в двери.

Дима не один.

Вижу лишь седые волосы и серый костюм мужчины, который сидит в черном кожаном кресле напротив стола мужа, и так некстати вспоминаю, как выгляжу.

Собеседник мужа медленно разворачивается, а я уже готова извиниться и закрыть за собой дверь, когда понимаю, кто передо мной.

— Дядя Руслан! — широкая улыбка сама появляется на моем лице, когда я встречаюсь с яркими зелеными глазами сводного брата отца.

Он всегда был для меня не просто дядей. Иногда казалось, что он заменял отца. Именно дядя Руслан приходил на мои утренники в детском саду, водил меня на карусели, а, когда я подросла, пробивал по базе моих парней.

Жаль только, что последние несколько лет, он жил в Санкт-Петербурге. И виделись мы нечасто.

Дядя Руслан широко улыбается и встает с кресла, а я срываюсь с места и бросаюсь в его объятия. Он ловит меня в полете и задорно смеется.

— Мне кажется, или ты за последние несколько лет подросла? — дядя Руслан ставит меня на пол и немного отстраняется.

Я тоже не могу сдержать смешка.

— Ты же в курсе, что я взрослая? — отхожу на шаг назад и приподнимаю бровь. Я могу только стареть.

— И это ты говоришь? — дядя Руслан пытается растрепать мои волосы, но я уворачиваюсь от его руки. Он опускает руку и делает страдальческое выражение лица. — Мне еще пять лет до пенсии, а я уже задыхаюсь, когда поднимаюсь на второй этаж по лестнице.

— Ой, давай не прибудняйся, — я легко толкаю дядю в плечо. — Ты еще своим

лейтенантам и капитанам на тренировочном полигоне фору дашь.

Дядя Руслан запрокидывает голову и раскатисто смеется.

— Ты же в курсе, что я только руковожу и в кабинете бумажки перекладываю?

Я открываю рот, собираюсь сказать, что знаю о его «наглой лжи», но моментально забываю о всех словах.

— Ева, ты что-то хотела? — жесткий голос мужа действует на меня, как ушат холодной воды.

Видимо на моем лице что-то отражается, потому что дядя Руслан тут же хмурится и переводит взгляд с меня на мужа. Я же набираю в грудь воздух и поворачиваюсь.

— Да, — металлические нотки пронизывают голос. — Поговорить нужно.

Дима развалился в своем кресле. Его лицо осунулось еще сильнее, будто он не спал совсем. Но джинсы и футболку все-таки сменил на черную рубашку и брюки с кожаным ремнем и серебряной пряжкой.

На столе рядом с разбросанными фотографиями и документами стоит хрустальный графин с виски и два стакана. Если напиток дяди Руслана кажется нетронутым, то стакан мужа опустошен.

Но даже не это привлекло мое особое внимание, а шкаф с документами за спиной Димы. Одна стеклянная дверка была разбита. Похоже, в нее бросили что-то тяжелое, судя по круглой дыре посреди стекла.

— Руслан, подождешь в гостиной? Нам нужно закончить разговор, — муж отрывается от спинки стула и начинает собирать документы с фотографии и засовывает их в черную папку. А мой взгляд цепляется за его руки — они все в мелких порезах.

— Ева, надеюсь, мы успеем еще пообщаться, — дядя касается моего плеча, но я не реагирую. — Обязательно позвони мне на днях. Я задержусь в Москве. Пока не знаю надолго ли, но задержусь.

Я машинально киваю, не отрываю взгляда от рук мужа. Царапины уже начали покрываться коркой. Значит, что-то произошло вчера. Но что?

Хлопнувшая дверь заставляет меня вздрогнуть, и я поднимаю голову.

Дима пристально смотрит на меня. Чувство, будто он готов разложить меня здесь, прямо на своем столе, не отпускает. На мгновение забываю, что нужно дышать. Почти непреодолимое желание отступить, скрыться за дверью и убежать обратно в спальню, где безопасно, захватывает разум. Но все же я беру себя в руки и опускаюсь в кресло, где недавно сидел дядя Руслан.

Сразу же замечаю свои голые ноги. Щеки начинают гореть, когда понимаю, что сверкала задницей в белых трусиках не только перед охраной, но и перед дядей Русланом. Закусываю губу и бросаю исподлобья взгляд на мужа. Он не двигается и, кажется, не дышит. Вот только я-то знаю, что он следит за каждым моим движением, за каждой моей реакцией. И если я покажу ему свою слабость, то точно пожалею.

Набираю воздух в легкие и вздергиваю подбородок, прежде чем откинуться на спинку кресла.

— Что ты от меня хочешь? — слова слетают с губ слишком легко, что, в принципе, неудивительно, ведь не совсем то, что я хочу сказать.

Мне больше интересно, какого хрена он вообще женился на мне, если ни о какой любви не идет речи. Но боюсь ответ станет для меня таким сильным ударом, что я его не переживу. А в том, что Дима скажет мне правду, нет ни капли сомнений.

Поэтому я предпочитаю сбежать от прошлого и разобраться, с чем придется столкнуться в будущем. Стараюсь выглядеть уверенной, но пальцы впиваются в бедра и выдают меня с головой. Взгляд Димы на секунду опускается к ним, прежде чем снова вернуться к глазам.

— Мне нужна ты, — тихие, едва уловимые слова, но звучат как гвозди вбиваемые в крышку гроба. Моего гроба.

Прикрываю глаза. Стараюсь дышать ровно. Но ногтями впиваюсь в кожу. Боль немного отрезвляет разум, которые успевают окунуться в панику.

— Зачем? — единственный вопрос, на который я действительно хочу знать ответ.

Дима отрывается от спинки стула и ставит локти на стол, сцепляя пальцы. Смотрит на меня поверх своих рук. Долго. Слишком долго. Я уже начинаю переживать, что не получу ответ. Цепляюсь взглядом за разбитое стекло. Все, что угодно, лишь бы не видеть этот непроницаемый взгляд, который то кипятком обдаёт мое тело, то в холодный прорубь его окунает.

— Ева, — всего одно слово, произнесенное тихим, но грубым голосом, и я вздрагиваю. — Ты ведь помнишь, что мы женаты?

— Это легко исправить, — говорю быстрее, чем успеваю подумать и тут же жалею, потому что Дима встает со своего места. Как его стул не ударяется об и без того пострадавший шкаф, остается загадкой. Спинке замирает в паре миллиметрах от непострадавшего стекла, в то время как Дима обходит стол.

Вжимаюсь в кресло. Оглядываюсь. Ищу пути к отступлению. Но их нет. Их попросту нет.

Дима же возвышается надо мной, закрывает собой свет, а я теряюсь. Боюсь поднять глаза. Боюсь, что перегнула палку. Боюсь, что моя дерзость закончится плачевно.

Не знаю, чего от ждать от Димы.

Я больше не знаю его. И не уверена, что вообще когда-то знала.

Но к моему удивлению, вместо того чтобы вытащить меня из кресла, бросить на стол и наброситься, как дикарь, Дима садиться передо мной на корточки.

Теряю дар речи. В который раз...

Теперь я смотрю на Диму сверху вниз и даже не чувствую себя, словно в капкане, хотя он положил обе руки на подлокотники.

Непроницаемое лицо мужа становится для меня настоящим проклятьем. Я никогда не могла даже предположить, что у него на уме. И сейчас все, что могу делать — ждать. Ждать, пока Дима соизволит что-то сказать мне. Сообщит очередную «правду».

Я даже не поняла, что затаила дыхание, пока легкие не начали гореть. Резко выдыхаю, одновременно со словами мужа:

— Ты должна понять, я не дам тебе развод.

Слова, обернутые в огранку из спокойствия, заставляют мое сердце пуститься вскачь.

Конечно же, я знаю, что он меня не отпустит. Знала, что скрыться от мужа почти непосильная для меня задача. Но получить очередное подтверждение, глядя в его непроницаемые глаза, это словно удар под дых получить. Также больно и непонятно, что же я такого сделала, чтобы его заслужить.

Мне понадобилось несколько секунд, чтобы взять себя в руки.

Если Дима не хочет меня отпускать, он тоже должен кое-что понять.

— Как раньше больше не будет, — глаза жжет, и я сглаживаю ком, который так и

намеревается перекрыть горло. — Я не смогу тебя простить.

Не смогу забыть фотографию. Не смогу вычеркнуть из памяти, что наша жизнь оказалось ложью. Не смогу избавиться от воспоминания, что с самого начала он мне изменял.

Лучше бы соврал.

Закусываю нижнюю губу и отворачиваюсь. Лучше смотреть куда угодно, лишь бы не на человека, которого когда-то обещала любить до конца жизни. Лишь бы не видеть того, кто свое обещание так и не сдержал.

— Мне не нужно твое прощение, — тихие слова почти скрываются в шуме моих мыслей, но все же прорываются сквозь них и отдаются болью в сердце. — Мне нужно, чтобы ты была рядом.

Не выдерживаю и снова смотрю на него. Замечаю небольшой шрам, который скрывается за волосками правой брови. Не упускаю из вида морщинки, тянущиеся от глаз к вискам. И поджатые губы от меня тоже не скрываются. Такой знакомый, такой родной, но в то же время такой чужой. Как это возможно?

— Но зачем? — я закусываю щеку с внутренней стороны.

Так хочу знать ответ. Нет, он мне нужен. Необходим. Я должна понимать, зачем весь этот фарс? Зачем все это?

Дима встает и возвращается к своему стулу, опускается на него, а я понимаю, что ответ не получу. Возможно, он сам не понимает, какого хрена держится за наш «брак». Зато отчетливо дает понять, что не отпустит. А зная его, слов на ветер он не бросает. Кроме двух: «навсегда и навеки».

Мысли путаются. Сил не остается. Все, чего мне сейчас хочется, это закутываться в одеяло и уснуть. А когда проснусь, понять, что все произошедшее было просто кошмаром. Спокойная и размеренная жизнь вернется. А ад, который я пережила за последние дни, постепенно забудется.

Вот только это всего лишь мечты. А у меня есть куда более важная проблема, которую нужно решить.

— Ты отправил Артема в больницу?

— А нужно? — Дима тянется к графину с виски.

Я вскакиваю с кресла и опираюсь ладонями о стол, нависая над ним.

— Дима...

Муж поднимает руку, и при этом наливает себе виски.

— Успокойся, все в порядке с твоим Артемом, — он подносит наполненный стакан к губам, но не притрагивается к нему. — Или будет...

Дима смотрит на меня поверх стакана. А я понимаю, на что он намекает. Только от меня зависит, будет ли в порядке человек, который всего лишь хотел мне помочь.

Да, твою же мать!

— Что ты хочешь? — я обхватываю край столешницы и сжимаю ее до боли в пальцах.

— Мне нужно, чтобы на встречах с шейхом ты была идеальной женой, — Дима ставит нетронутый бокал на стол. Немного виски выплескивается на деревянную поверхность, но муж не обращает на это внимание. Он поднимается и повторяет мою позу. Чуть ли не наваливаясь на стол, максимально сокращает между нами расстояние. Я чувствую его горячее дыхание у себя на губах и забываю обо всем. По телу проходит дрожь, и я сама тянусь к мужу. Но вовремя успеваю очнуться и делаю шаг назад.

— Это все? — голос больше напоминает писк, и я прокашливаюсь.

Легкая улыбка появляется на губах мужа и ту же исчезает. Если бы я не смотрела на него, то не заметила бы изменений вовсе.

Дима кивает.

— Сколько мне нужно притворяться идеальной женой? — не знаю, куда деть руки, поэтому хватаюсь за край футболки — мне нужна хоть какая-то опора, а еще я испытываю непреодолимое желание прикрыться. Как же не вовремя я опять вспоминаю, что на мне кроме футболки и трусиков больше ничего нет.

Дима, конечно же, замечает мои попытки прикрыться. Но, как ни странно, предпочитает не комментировать, а просто говорит:

— Месяц.

Я, наконец-то, могу нормально дышать. Всего лишь месяц. Или лучше сказать целый месяц! За это время я придумаю, как исчезнуть так, чтобы генерал меня не нашел. Киваю. Слишком воодушевленно. А может, мне этого всего лишь кажется? Потому что Дима никак не реагирует: не напрягается и в его взгляде ничего не меняется. Я вижу лишь пустоту. Такую глубокую, что в ней можно потеряться.

— Хорошо, тогда подготовься, — муж снова опускается в кресло и откидывается на спинку. — Как тебе должны были сообщить, у нас сегодня встреча с шейхом.

Я снова киваю и уже начинаю поворачиваться, когда решаю предпринять еще одну попытку:

— Так, что с Артемом?

— Его забрал Вадим. Он позаботится о твоём «друге», — последнее слова Дима буквально выплевывает и тянется к стакану. — Жду тебя через полчаса.

Я киваю, чувствуя, как облегчение накрывает на меня. Почти не помню, как выхожу из кабинета и поднимаюсь в спальню. На автомате одеваюсь, в коем-то веки выбирая черные расклешенные брюки и красную шелковую блузку вместо платья. Дополняю образ черными лодочками и клатчем. Волосы собираю в тугий пучок на макушке. Легкий макияж помогает скрыть следы нескольких бессонных ночей, прежде чем я спускаюсь вниз.

На улице нахожу не только мужа, который стоит, прислонившись к тонированному джипу, и разговаривает по телефону, но и еще две такие же машины прямо за нашей. У каждой стоят по два охранника, которые никак не реагируют на моего появление. Они смотрят прямо перед собой, словно забывали о том, что они живые люди.

Нехорошее предчувствие охватывает меня, но я заталкиваю его как можно глубже. Не знаю, что произошло, но не сомневаюсь, Дима с этим разберется. Каким бы хреновым он не был мужем, рядом с ним все еще остается безопасно.

Стоит мне подойти, как Дима отклоняет вызов и открывает для меня пассажирскую дверь рядом с водительским местом. Я торможу.

— А кто поведет? — не спешу забираться внутрь.

Дима хмурится, но, по крайней мере, не пытается запихнуть меня в машину.

— Я, — он едва уловимо кивает на распахнутую дверь, но я не слудую немому приглашению.

— Ты же пил, тебе нельзя за руль.

Я, конечно, благодарна, что не придется ехать со Славой. Увиденное, в подвале еще долго будет всплывать у меня перед глазами. Но и тот факт, что придется остаться в замкнутом пространстве с мужем, который совсем недавно не брезговал алкоголем, тоже не

добавляет уверенности, что смогу добраться живой и невредимой до места назначения.

— Я не так много выпил, — Дима спокоен, даже слишком. Это то спокойствие, которое наводит ужас на врагов. То спокойствие, которое появляется у змеи перед нападением. То спокойствие, которое пугает меня до чертиков. — Поверь, ничто не повлияет на мои навыки вождения.

Оглядываюсь. Охрана рассаживается по машинам. Никто не собирается противоречить «хозяину». У меня тоже не остается выбора, поэтому я забираюсь внутрь джипа.

Пристегиваюсь еще до того, как муж занимает водительское место, и мы сразу выезжаем.

Нам едва удастся добраться до Москвы, как у Димы звонит телефон. Он вытаскивает его из кармана брюк и, прежде чем ответить, бросает взгляд на экран.

— Вадим, слушаю, — голос мужа напряженный, а брови собрались у переносицы. Не слышу, что говорит мужу его брат. Но видимо положение серьезное, ведь Дима резко выворачивает руль и, чуть ли не врезаясь в проезжающую по встречке машину, разворачивается.

Только после того, как мы перестраиваемся, я понимаю, что рука мужа прижимает меня к сиденью.

Машина тормозит у загородного особняка. Наш дом по сравнению с этим кажется халупой. Охраняемая территория с собственным лесом, садом и огородом. Асфальтированная подъездная дорожка прерывается неработающим фонтаном с купидонами на выступе посередине. Сразу за ним находится четырехэтажный белый особняк с витражными окнами и огромными колоннами у входа, которые поддерживают открытую террасу на втором этаже. Крыша из серой черепицы дополняется четырьмя кирпичными трубами, которые подсоединены к настоящим каминам на всех этажах.

Я была в этом доме всего раз, когда выходила замуж, и не думала, что когда-нибудь вернусь. Поэтому, выходя из машины, постоянно бросаю мимолетные взгляды на мужа, но так и не получаю от него ответной реакции. Странно, что он еще ждет, пока я догоню его, а не мчится сразу внутрь. Он даже за руку меня берет, давая указания проверить территорию своим собачонкам. Я пытаюсь выдернуть ладонь из его хватки, но как только Дима это чувствует, сжимает мои пальцы еще сильнее. Вздыхаю, понимая, что смысла сопротивляться попросту нет. Зато, когда мы подходим к особняку, сама приближаюсь к мужу. Даже пытаюсь скрыться за ним.

Сразу четыре охранника в военной форме, с автоматами в руках и балаклавах встречают нас. Они лишь кивают мужу и открывают нам дверь, но, проходя мимо них, я все равно чувствую, как мои внутренности скручивает в тугий узел. И это ощущение только усиливается стоит нам войти в холл.

Охрана везде.

Двое у выхода, по одному у каждой из четырех дверей, расположенных по две на противоположных стенах, а на винтовой лестнице — сразу шесть человек. На фоне белых стен их форма кажется грязными пятнами. А грязные берцы, как-то совсем не сочетаются с лакированным полом из натурального дерева, даже учитывая, что на нем остался приличный слой пыли. Да и автоматы совсем не подходят под хрустальные люстры, которые больше напоминают перевернутый фонтан с замершими в полете каплями. И конечно, выделяется рояль. С него, как я поняла, недавно стянули ткань, потому что он выглядит слишком чистым.

Муж в холле не задерживается. Тащит меня к дальней двери справа. Охранник никак не реагирует на наше появление. Стоит замершей и в то же время напряженной статуей, только его глаза постоянно сканируют пространство.

Муж толкает белую дверь, и мы попадаем в гостиную, где проходил фуршет перед тем, как на заднем дворе началась наша свадебная церемония.

Просторное помещение залито светом благодаря стеклянным раздвижным дверям, заменяющим дальнюю стену и ведущим на террасу. Свет отражается от белых стен и поблескивает на золотых вставках на колоннах в каждом углу комнаты. Стол у стены слева все еще накрыт белой тканью, зато два бежевые кожаных кресла и диван, которые окружают журнальный столик из затемненного стекла, открыты и вычищены.

В одном из кресел развалился Вадим, к моему удивлению, тоже одетый в военную форму.

Он видит нас и поднимается, проходит мимо зажженного камина, встроенного в кирпичную стену, и хлопывает брата по плечу. Они обмениваются красноречивыми, но

ничего не значащими для меня взглядами, после чего Вадим широко улыбается мне.

— Не думал, что увижу тебя здесь, — он подмигивает, — или в ближайшее время.

Я смущенно опускаю взгляд. Понятия не имею, что Дима рассказал брату, но вряд ли поделился информацией о своих похождениях. Вот только, после всего, что Вадим видел у нас дома, не могу смотреть ему в глаза. Тем более, в них вернулась смешинка. Меня не покидает ощущение, что Вадим смеется надо мной и моей слабостью. Хотя я-то знаю, что это всего лишь его маленькая особенность.

— Где Саша? Шейх? Как они? — строгий голос мужа, в котором я уловила нотки беспокойства, становится для меня спасением и в то же время отвлечением.

Я перевожу взгляд с Димы на его брата, не понимая, что могло такого случиться, раз мой всегда сдержанный муж проявил взволнованность.

— Саша в душе. Шейх с женой тоже. Приведут себя в порядок и сразу спустятся, — Вадим кивает на кресла, после чего разворачивается и идет к ним.

Дима тянет меня следом за братом. Я иду за ним на автомате. Саша? Саша — их младший брат? Я не видела его с нашей с Димой свадьбы. Из-за того, что он управляет компанией по транспортировке нефти и нефтепродуктов, то либо постоянно на работе, либо в разъездах. Саша даже на мое последнее сообщение с приглашением на семейный новый год ответил только спустя неделю после самого праздника. Очень извинялся, что не написал раньше — был без связи глубокой тайге, исследовал новое месторождение. Вадим, кстати, тоже не смог приехать — организовывал охрану какому-то африканскому принцу. Зато к моему удивлению, Дима смог вырваться с работы и составил мне компанию. Даже после ужина обнимал меня, смотря со мной фильм. И не возникал, когда я выбрала романтическую комедию. Как сейчас помню — «Бойфренд на Рождество».

Это был чуть ли не единственный счастливый день за целых два года.

— Ева? — Дима тянет меня за руку. — Ты где витаешь?

Он уже сидит на диване и ждет, когда я займу место рядом с ним. Вадим развалился, широко расставив ноги, в том же кресле, что и раньше. Я приземляюсь рядом с мужем и вытаскиваю ладонь из его пальцев. Он отпускает и при этом даже не смотрит на меня.

— Что там случилось? — голос Димы жесткий, тон приказной. Включился режим генерала и теперь пока тот не отчитает своих подчиненных и не поймет, где они накосячили, то не успокоится.

— Полегче, я не твой солдатик, — Вадим все также широко улыбаются, из-за чего на его щеках появляются ямочки. А вот глаза серьезные, ни капли веселье в них нет. — Я вообще должен был лететь на другой конец света, когда мне позвонили и сообщили о нападении.

— Какого хрена шейх не сообщил тебе о своем рейсе? — муж говорит это тихо спокойно, но тон такой, что моя кожа покрывается мурашками.

Я тру руки, подавляя желание отползти на другой конец дивана, когда слышу приглушенные шаги и скрип за спиной.

— Это моя вина.

Из-за сильного акцента едва различаю слова и оборачиваюсь.

Вадим с Димой тут же оказываются на ногах, а в гостиную входит молодой мужчина явных восточных кровей. Его влажные волосы собраны в хвост, аккуратная щетина и небольшие усы добавляют мужчине солидности. И это несмотря на деловой костюм, который сидит идеально. На рукавах блестят золотые запонки с бриллиантовым кругом у

основания.

За мужчиной заходит еще один, в котором я узнаю Сашу. Он напоминает первого зашедшего. Его волосы отросли так, что ему приходится их завязывать. На лице трехдневная щетина, и одет он в костюм. Только восточных черт не хватает, тогда бы двух мужчин вообще сложно было бы различить. Ладно, я немного лукавлю. Саша почти в два раза больше худощавого, как я поняла, шейха. В последний раз, когда мы виделись, он не был таким большим, хоть явно качался. И конечно, глаза у мужчин стали одним из главных отличий. У Саши они такие же, как у Вадима, ярко-ярко-голубые. А у шейха — карие.

Не успеваю сориентироваться, как Дима обходит меня и жмет руку шейху, после чего сжимает плечо Саши. Скорее всего, сильно, но вряд ли младший брат мужа чувствует хоть что-то — Саша больше Димы, по крайней мере, в плечах. Братья обмениваются долгими взглядами, после чего Дима делает шаг назад и переключает внимание на шейха.

— Вы в порядке? Как ваша жена? — Дима переходит на английский, и я благодарю себя за то, что хотя бы эти занятия не забросила, поэтому легко могу понять, о чем речь.

— Я в порядке, Элизабет тоже. Она пережила сильный стресс и уснула. Надеюсь, сон поможет ей исцелиться.

— Давайте сядем, — Вадим вмешивается в разговор. — Нам нужно многое обсудить.

Когда трое мужчин подходят к нам, я встаю. Дима тут же оказывается рядом. Саша улыбается и приветственно кивает, садясь по другую сторону от меня. А шейх останавливается.

— Вы должно быть Ева. Я — Аббас Абду Ахмед Амр Раджан. Вы можете обращаться к мне Абду.

Русский язык шейха оставляет желать лучшего, поэтому я перехожу на английский:

— Приятно с вами познакомится.

Не решаюсь подойти и пожать ему руку. Вообще не знаю, как себя вести, поэтому мнусь с ноги на ноги, пока не чувствую ладонь мужа на пояснице.

— Ева, может, ты чай нам сделаешь, пока мы тут дела обсудим? — шепчет он мне на ухо.

Я облегченно выдыхаю и киваю. Но вместо того, чтобы пойти к двери, в которую недавно вошли мужчины, я иду к скрытому проходу за камином. Его непросто найти — только круглая дверная ручка торчит в стене и больше вешалку напоминает. Если бы Дима не показал мне «запасной проход» на кухню, я бы о нем вовсе не узнала. А так, я подхожу к «стене», кручу ручку и дверь распаивается. Скрываюсь за ней как можно скорее, подгоняемая четырьмя парами глаз, сверлящими мою спину. И только после того, как закрываю за собой дверь, выдыхаю.

Кухня, которая находится прямо за стеной, под стать самому дому: просторная, величественная, с современной техникой. Как и в гостиной вместо одной стены окна в пол, соединенные раздвижными дверьми. Сам пол покрыт плиткой, которая немного запылилась, но я все равно могу разглядеть в ней свое отражение. Посреди комнаты находится островок в виде стола с мраморной столешницей с морскими разводами. По дальней стене расположены шкафчики с дизайном, выполненном в таком же стиле. Справа всю стену занимает техника: плита, духовой шкаф, посудомоечная машина. Они разделены лишь поверхностями для готовки. В самом углу находится раковина из нержавеющей стали. А напротив я нахожу несколько стульев «надетых» друг на друга.

По слою пыли заметно, что кухней давно не пользовались. Чайника и другой мелкой

техники тоже не видно.

Я иду к шкафчикам, начинаю открывать один за другим, пока не нахожу чай, чайный набор и сам чайник. Набираю в него воду, включаю в розетку.

Шум закипающей воды заполняет комнату, и я возвращаюсь к чаю. Насыпаю его в заварник и только потом понимаю, что не знаю, пьют ли все черный. Особенно, это касается шейха. Может, есть какие-то запреты.

Подхожу к потайной двери, начинаю прокручивать ручку и замираю. Не люблю подслушивать, но проигнорировать слова мужа, произнесенные на английском, но все же понятные, не могу:

— На кого покушались?

Глава 8

В голове туман. Он зовет в свои объятия. Затягивает в не забытие. Как ни странно, его холод дарит успокоение. Остужает жар, который не прекращает терзать мое тело. Заглушает боль, не дающую дышать.

Я распахиваю глаза, меня окутывает тьма. Она наваливается, кружит вокруг. Она везде. Грудь сжимается. Дрожь проносится по телу. Пытаюсь осмотреться, но не вижу ничего. Не вижу, только чувствую...

Что-то тяжелое и горячее лежит у меня на животе.

Замираю. Стараюсь не двигаться, но все-таки тянуть с этому чему-то. Руки трясутся. Желудок сводит. Мышцы напрягаются.

Тянусь до тех пор, пока не притрагиваюсь к... коже. Мягкой и теплой.

Легкие так сильно жжет, что я не выдерживаю и делаю глубокий вдох. Аромат хвои, смешанный с мускусом, окутывает меня, и я понимаю.

Выдыхаю и расслабляюсь. Но только для того, чтобы напрячься снова.

Я же засыпала одна! Какого хрена?

Вчерашний день принес нам столько событий, что мозг к вечеру перестал соображать. А подслушанный разговор только усугубил ситуацию. Я думала, что знаю все о своем муже, его работе, его семье. Но как же я ошибалась. Боже, как же я ошибалась.

И в нем я тоже ошибалась.

Осторожно обхватываю запястье мужа двумя руками и сдвигаю с себя, после чего встаю. Глаза уже привыкли в темноте. На плотных шторах я замечаю небольшие крапинки света. Но этого недостаточно, чтобы осветить мне путь, поэтому приходится двигаться по памяти и по стеночке, пока я не нащупываю дверь. Нахожу ручку, нажимаю на нее и аккуратно тяну на себя. Тихий скрип сотрясает комнату, и я оглядываюсь.

Света, проникшего через щель достаточно, чтобы рассмотреть мужа. Он спит на животе, одна его рука под подушкой, а второй — он недавно обнимал меня. А еще Дима полностью обнажен. Только то, что на мне пижама Элизабет, состоящая из хлопковых шорт и майки с вишенками, убеждает меня, что между нами ничего не было. Своей памяти я не доверяю. Зрение тоже подводит — кажется, что на спине мужа я вижу новый шрам. Но не решаюсь подойти и убедиться. Равномерное дыхание Димы прерывается, из него вырывается тихий стон, и я выскальзываю в коридор.

Это первый раз, когда я ночую в доме родителей Димы. Братья выкупили его пару лет назад, и с тех пор особняк пустеет. Даже после свадьбы мы сразу уехали отсюда и больше не возвращались. Насколько я знаю, Вадим и Саша тоже не особо жалуют этот дом. Я пыталась выяснить, что же произошло, но внятного ответа не получила. Поэтому, когда Дима провел меня «отдохнуть» в дальнюю спальню на третьем этаже, я, мягко говоря, удивилась. Но решила не спорить. Судя по осунувшимся лицам мужчин, вечер и ночь им предстояли долгие.

Элизабет, жена шейха, вообще спустилась только на пару минут, чтобы перебраться несколькими фразами с мужем.

Когда они в лучах закатного солнца в обнимку стояли на террасе и мило ворковали, я почувствовала, как что-то начинает жечь в груди. И еще очень удивилась — они же такие разные и смогли не только встретиться, но и влюбиться. На вид Элизабет было не больше

двадцати. Блондинка, с двумя косичками. Без макияжа, и выглядящая немного по-детски, особенно, когда выпячивала нижнюю и без того пухлую губу. Ее большие голубые глаза не отрывались от мужа. Серые леггинсы и белая мужская футболка скрывали ее точеную фигуру и сильно отличались от идеального образа шейха. Но это никак не влияло на любовь в его глазах. Шейх так смотрел на свою жену, что сразу становилось понятно — другой женщины на этом свете для него не существует. Я почувствовала укол в сердце и отвернулась только для того, чтобы поймать настороженный взгляд мужа.

Мгновение. Оно может длиться так долго. Причиняет такую сильную боль, что не только тело, но и душа немеет. Хочется потерять память, забыть, начать все сначала. Но воспоминания хуже яда. Они отравляют кровь, текут по венам и всплывают перед глазами каждый раз стоит только задуматься «а может...». В этот момент они взрываются, причиняя настоящую агонию.

Когда я отвела взгляд от мужа и начала искать пути к отступлению, он поднялся с дивана, сказал что-то Вадиму и отвел меня наверх. Мы «забрали» с собой жену шейха, чтобы та не заблудилась. Заодно она поделилась со мной пижамой, когда я упомянула, что сменных вещей у меня нет.

Когда за мужем захлопнулась дверь, я почувствовала, как тело наполняет облегчение и мышцы слабеют. Но даже представить не могла, что найду его рядом, проснувшись под утро. И тем более, не думала, что мне придется сбегать от него по длинным коридорам, что-то напоминающих психиатрическую больницу из фильмов ужасов, с их белыми стенами, светодиодным освещением у потолка и множеством дверей. Хорошо, что они хоть деревянные, а не металлические с окошком.

Мне чудом удается не заблудиться в этих лабиринтах. До лестницы я добираюсь без приключений и спускаюсь по ней тоже.

Зато почти в самом низу натыкаюсь на охранника и вздрагиваю. Он материализуется передо мной, словно призрак в балаклаве. Окидывает взглядом и также быстро исчезает в темноте. А мне приходится вцепиться в перила, чтобы не покатиться вниз. Пару секунд нужно, чтобы восстановить дыхание, после чего на негнущихся, трясущихся ногах спускаюсь на первый этаж к остальной охране. Но они хотя бы никак не реагируют на мое появление. Как стояли на своем посту, так и стоят.

Сердцебиение успокаивается только, когда я захожу на кухню и наливаю себе чая. Белая кружка с цветочками приятно горячит руки.

Стоит мне выйти на крытую террасу, я сразу замираю. Мне нужно пару секунд для осознания, что в плетеном кресле на сидит не призрак, а Элизабет с распущенными волосами, которые развиваются на ветру. Рядом с ней на деревянном круглом столике стоит такая же кружка, как у меня в руках, а соседнее кресло пустеет.

— Можно составить тебе компанию? — я подхожу ближе, но вижу только профиль девушки, сама она смотрит вдаль.

— Конечно, — Элизабет, не глядя на меня, указывает на кресло и тянется за чаем.

Ее маленькая ладонь обхватывает кружку, минуя ручку, после чего девушка делает глоток.

— М-м-м, давно я не пила ничего подобного, — она прикрывает глаза и откидывает голову на спинку.

А я подношу чай к носу и вдыхаю. Аромат мяты смешивается с чайным, чабрец придает особую перчинку. Делаю глоток и понимаю, что Элизабет имеет в виду. Вряд ли чай с

травмами найдется в ОАЭ. По крайней мере, такой. Мяту и чабрец я нашла в саду, когда днем выходила прочистить мысли после услышанного разговора.

— Не спится? — я подтягиваю ноги на кресло и обнимаю их руками, в ладонях все еще держу чашку.

— Я днем выпалась, — Элизабет ставит свой чай на стол и обнимает себя.

На улице ранним утром все еще прохладно. Солнце только начало проявляться сквозь деревья и еще не утопило вершины старинных сосен в оранжевом «море». Ветер гуляет на заднем дворе и успевает забраться под пижаму. Если спортивные штаны и футболка хоть немного защищают Элизабет, то моя пижама — явно так себе одежда для ранних прогулок. Только чай, который я пью маленькими глотками, помогает немного согреться.

— Элизабет...

— Зови меня Лиза, пожалуйста. Это Абду решил, что Элизабет звучит лучше, а я просто не хочу с ним спорить.

Я усмехаюсь, но улыбка тут же покидает мое лицо.

— Хорошо, Лиза, — я так крепко сжимаю кружку, что жар от чая почти не чувствуется. — Ты в порядке?

Мы обе понимаем, о чем идет речь. Лиза напрягается. Не вижу ее глаз, но почему-то не сомневаюсь, что в них стоят слезы. Она глубоко вдыхает и протяжно выдыхает.

— Я... — Лиза вытирает со щеки, видимо, слезу и тянется к волосам. — Я не знаю. Если бы не Алим, телохранитель мужа, меня бы здесь сейчас не было.

Лиза затягивает их в тугую жгут и засовывает под ворот футболки.

— Он...? — я не могу продолжить, слова не лезут из меня, но этого и не нужно.

— В порядке, — в тихом голосе Лизы слышится такое облегчение, что оно невольно передается мне, и я чувствую, как до этого напряженные мышцы начали расслабляться.

— Но боже, это было так страшно.

Подтягивая ноги на кресло и раскачиваясь из стороны в сторону, Лиза выглядит такой хрупкой, такой нежной, что хочется ее обнять, провести по волосам и сказать, что все будет хорошо. Но просто слов недостаточно. Я не смогу подарить ей успокоение и вряд ли кто-то вообще сможет, кроме времени. Поэтому просто делаю еще один глоток чая и наблюдаю за тем, как рассветные лучи медленно окрашивают небо в золото. Но кое-что все-таки гложет меня, скребет изнутри в попытке вырваться, поэтому я не могу не спросить.

— Что там случилось?

Сразу же жалею, что не смогла сдержаться. Особенно, когда замечаю, как Лиза застывает. Но слова обратно не вернуть.

Лиза спускает ноги с кресла, тянется за кружкой и делает глоток, после чего взглядом цепляется за деревья. Она так долго смотрит на них и молчит, что я успеваю подумать, что ответа не будет, но тихий немного отстраненный голос Лизы доносится до меня сквозь легкий ветер.

— Я не знаю. Мы летели в Москву «обходными путями» с несколькими пересадками. Никто не должен был знать наш маршрут, но нас «встретили», как только мы приземлились на каком-то маленьком аэродроме. Приказали сесть в машину. А потом все вышло из-под контроля, — Лиза ежится, замирает и, кажется, ей вторит сам ветер. На террасе такая тишина, что слышен шорох листьев и стрекотание стрекоз где-то вдалеке. — Я не думала, что буду когда-нибудь убегать от пуль с мужем и его охраной, которая еще и отстреливалась.

Лиза прикрывает глаза, а я не могу оторваться от нее. Она дрожит. И, явно, не от

холода. Я отчетливо это вижу. Не могу остановить себя, когда слетаю с кресла, попутно ставя кружку на стол, и присаживаюсь на корточки перед Лизой. Беру ее за руки и шепчу:

— Могу я тебя обнять?

Это порыв, который мне не унять, и когда Лиза кивает, немного отодвигается, освобождая место в кресле, чувствую невероятное облегчение. Сажусь рядом и только успеваю обхватить Лизу, как она вжимается в меня. Так крепко обхватывает своими худенькими ручками мое тело, что мне становится неудобно. Но я не жалуясь, просто глажу Лизу по волосам. И слушаю ее сдерживаемые всхлипы.

— За кем охотились? — страшные слова звучат слишком обыденно. Слишком. Но я их задаю, когда Лиза немного успокаивается.

Из вчерашнего разговора мужа с братьями и шейхом я поняла только то, что им удалось уйти от перестрелки только благодаря людям Саши, которые с небольшим опозданием прибыли на аэродром. Но подробности остались скрыты от меня.

— Я не знаю, — Лиза пожимает плечами, но не отстраняется. — У нас с мужем изначально все через жопу идет. В первый день нашего знакомства пришлось прыгать с парашютом, потому что один двигатель самолета, на котором мы летели, взорвался.

Я замираю с расширенными глазами, а Лиза трясется, но не от слез. Она хихикает.

— И потом нас ждало немало испытаний, — улыбка пропадает из ее голоса. — Я так устала. Хочется спокойствия. Обычного человеческого спокойствия. Мне так надоело бояться, что однажды очередной парашют не раскроется. Иногда кажется, что кто-то специально посылает нам испытания, чтобы проверить действительно ли наша любовь сильна.

Не знаю, что сказать. Слова кажутся лишними. Не представляю, как утешить Лизу, поэтому снова глажу ее по волосам. Надеюсь, что моя поддержка передастся через прикосновение. Это все, что я могу.

Проходит достаточно много времени, когда Лиза наконец-то отстраняется. Она заправляет волосы за уши и вытирает щеки.

— Прости, что расклеилась. Думала, еще днем все слезы на груди мужа выплакала.

— Ничего, — не знаю, куда деть руки, поэтому складываю ладони и засовываю их между ног. — А как Саша оказался с вами?

— Он что-то с мужем обсуждал у нас дома, — голос Лизы немного хрипит, поэтому она тянется через меня за чаем и допивает его до конца. — У Абду, кажется, дела со всеми братьями. Хотя это странно.

— Почему? — я хмурюсь и, не сомневаюсь, что Лиза это замечает, потому что рассвет перешел в свои законные права, чуть осветляя небо. Вдали даже пение птиц слышно.

От меня не скрывается немного лукавая улыбка Лизы:

— У Абду после нашей свадьбы пунктик появился, — лицо девушки начинает светиться изнутри, — он решил, что не будет вести больше дел с неженатыми мужчинами. Оговорочка: «счастливы» женатыми. Говорит, что иначе им нельзя доверять. С собой в прошлом, видимо, ассоциирует.

Лиза поднимается с кресла и потягивается. А я, как и сидела, так и остаюсь сидеть на месте. Шестеренки крутятся у меня в голове. Ну нет. Не мог же Дима на мне жениться из-за сделки с шейхом. Два года все-таки прошло. Даже он не может так далеко загадывать. Зато теперь становится понятно, почему он не дает мне развод.

Если бы руки не были зажаты между ногами, то точно я впила ногтями в ладони, а так

приходится довольствоваться стиснутыми зубами и биением сердца, отдающимся в ушах.

Я так сосредоточилась на своих мыслях, что почти не слышу слов Лизы. Но, когда до меня доходит их смысл, замираю:

— А у тебя с мужем все в порядке? Между вами чувствуется какая-то напряженность. Я заметила, что ты вздрогнула, когда он взял тебя за руку.

Не знаю, что сказать. Правда, не знаю.

Смотрю на Лизу. Она — не такая наивная, какой кажется на первый взгляд. Глядя на нее может сложиться образ куклы, которой пользуется шейх, но видя его отношения к ней и слыша ее рассказ, становится понятно — их отношения намного глубже. Как и сама Лиза.

А что если мне довериться ей? Что если рассказать?

Дима меня не простит. Но пусть свое прощение в жопу засунет. После лжи, после измен, он заслуживает как минимум проблем на работе, а они точно возникнут, если Лиза сказала правду.

Муж не заслуживает одного — меня!

Я почти не дышу, намереваюсь сделать последний шаг в бездну. Лиза внимательно смотрит на меня. Ее взгляд сосредоточенный, сама она напряжена. Кажется, даже ветер перестает шуршать листьями или шум в голове заглушает все.

— Я... мы... он...

— Ева!

Мы с Лизой обе вздрагиваем.

Мне не надо оборачиваться, чтобы понять, кто находится сзади. Этот голос я бы узнала даже в шуме толпы. Грубый, строгий, хриплый. С приказными нотками.

Лиза же поднимает голову, хмуриться и складывает руки на груди.

Глухие тяжелые шаги приближаются, а я выпрямляю спину. Чувствую, как на плечи ложатся большие ладони. Сжимают. Не до боли, но сильно.

— Почему ты не спишь? — голос мужа раздается прямо над ухом.

Жар его дыхания разносится по телу мурашками. Но с возбуждением они никак не связаны, только с ужасом, от которого волоски встают на затылке.

— Мы разговаривали, — взгляд Лизы строгий, пронзительный. И она не отводит его от Дима, стоящего у меня за спиной.

Даже если бы он не касался меня, я бы все равно чувствовала его присутствие. Когда муж появился, воздух словно уплотнился, а на плечи легло что-то тяжелое еще до его рук.

В голове сразу же начинает гудеть и один вопрос мелькает перед глазами: «Он догадался?».

— Прошу прощения, — ладонь мужа скользит по моему плечу, предплечью, запястью, с силой вытаскивает руку из уютного укрытия и обхватывает ее. — Мы с Евой должны ехать. Возникли срочные дела.

Муж тянет меня за руку и так сильно сжимает ее, что у меня не остается другого выбора, как подняться с кресла. Но не успеваю я обернуться, как Лиза хватается меня за свободную руку.

— Еще рано. Ева может остаться со мной и Абду, — она смотрит поверх моего плеча. — А когда будет готова, мы вернем ее домой. Вы же знаете, с нами она будет в безопасности.

В дружелюбном тоне Лизы звучит скрытое «большей», и я ощущаю, как хватка мужа усиливается.

— Лиза, — я улыбаюсь через силу и, когда вижу, что девушка сосредотачивается на мне, продолжаю: — я поеду. Мы пообщаемся в другой раз.

Стараюсь, чтобы улыбка не дрогнула, но вряд ли получается, потому что Лиза еще сильнее хмурится. Ее пальцы все сильнее впиваются в мою кожу. Отпускать меня она, явно, не собирается. Лиза готова бороться, но, зная моего мужа, он тоже не так прост. Поэтому я едва заметно качаю головой.

— Все хорошо, — аккуратно выкручиваю запястье из пальцев Лизы. — Мы поговорим в другой раз. Если не получится раньше встретиться, то на балу точно увидимся.

Одна бровь Лизы взлетает, она пристально смотрит на меня, после чего отпускает.

— Надеюсь, мы увидимся раньше, — она засовывает руки в карманы спортивных штанов. — Нам есть, что обсудить.

В голосе Лизы слышится явное предупреждение и предназначено оно моему мужу, как и уничтожающий взгляд, которым девушка его одаривает. У нее точно отсутствует инстинкт самосохранения, ведь пальцы мужа, кажется, скоро переломают мои. Но я решаю промолчать, обхожу кресло, когда снова слышу голос Лизы:

— Я попрошу Абду дать вам мой номер. Передайте его Еве, пожалуйста. Я буду ждать

ее звонка.

Поднимаю взгляд, как раз в тот момент, когда Дима коротко кивает. Его черты лица жесткие, челюсти сжаты, скулы четко очерчены. Если бы я не знала мужа, то решила, что на Диму никак не повлияли слова Лизы и ситуация в целом. Он выглядит сосредоточенным, но от меня не укрывается мимолетное изменение в его взгляде. Там мелькнул «инстинкт хищника, который только и ждет, чтобы напасть». Его просто так не загнать в угол. Он найдет лазейку, а потом перегрызет глотку любому, кто станет у него на пути.

— Идем? — теперь я уже тяну мужу за руку, но он не двигается.

Только сейчас замечаю, что он полностью одет. Вчерашние рубашка и брюки сидят идеально и даже не помялись. Рядом с ним я чувствую себя «растрепанной». И это ощущение только усиливается, когда Дима переводит взгляд с Лизы на меня. Он осматривает меня с головы до ног, после чего молча разворачивается и идет в дом.

Я едва поспеваю за его широкими шагами. Мне приходится чуть ли не бежать. Когда мы заходим в дом и мои босые ноги касаются холодной плитки, то уже сама хочу двигаться как можно быстрее. Но все же мужа мне не догнать.

Он в несколько больших шагов пересекает кухню и выходит в холл, где все также «тусуется» охрана. Но вместо того, чтобы направиться к лестнице, тянет меня к двери... входной двери.

Я не сразу успеваю сориентироваться. Только, когда Дима открывает дверь и мне в лицо ударяет порыв ветра, стараюсь затормозить. Голые пятки, хоть и цепляется за пол, но в итоге скользит под напором мужа.

— Дима, стой!

Он вытаскивает меня на крыльцо. Не останавливается и идет дальше.

— Дима, — я стараюсь вырвать руку из его хватки, когда он быстро спускаются по ступеням, но ничего не получается. Мне приходится последовать за мужем. — Дима, мне нужно хотя бы переодеться.

Он будто не слышит меня. Идет к джипу, который все также припаркован у входа. Его собачонки выпрыгивают из своих машин, поправляют одежду и становятся по стойке «смирно».

— За нами не ехать! — приказ слетает с губ мужа также естественно, как любые другие слова.

— Дмитрий Ген... — один из охранников пытается что-то сказать, скорее всего, возразить, вот только замолкает сразу же, как муж взмахивает рукой.

Асфальт царапает стопы, и я только надеюсь, что не до ран.

Муж заталкивает меня в машину. Ему даже приходится меня посадить, потому что я не собачонка, чтобы следовать его приказам. Он буквально забрасывает меня внутрь, захлопывает дверцу и нажимает кнопку на ключах. Машина пищит. Я дергаю ручку, чтобы проверить — запер!

Вот козел!

Бью по дверце.

Через пару секунд машина снова пищит. Но не успеваю я схватиться за ручку, как муж запрыгивает в машину, и опять раздается идиотский писк.

Я только дотрагиваюсь до ремня безопасности, как джип срывается с места. Трясущимися пальцами пристегиваюсь и смотрю на мужа. Он в бешенстве. Пальцы до побеления сжимают руль. Плечи напряжены. От виска к шее катится капелька пота. Скулы

заострены, ноздри раздуваются. Взгляд не открывается от лобового стекла, хотя я-то знаю, что в нем горит огонь.

Я же не могу успокоить свое сердцебиение. Впервые вижу мужа таким. Обычно он всегда спокойный, уравновешенный — негибаемая скала. Сейчас... сейчас же в нем что-то изменилось. Кажется, его зверь сорвался с цепи и не собирается забираться обратно в вольер. Цепляюсь за ремень безопасности у груди, как за единственную защиту, которая может удержать приближающегося монстра. Но это иллюзия. Все иллюзия. Если он захочет, то меня достанет. И я это знаю.

— Ева, какого хрена? — голос мужа тихий, но я все равно ерзаю на сиденье и пытаюсь вжаться в дверцу.

Что, естественно, не скрывается от Димы, когда он бросает на меня мимолетный взгляд, прежде чем вернуться к дороге. Только сейчас понимаю, что дом родителей мужа находится в какой-то глуши. Пока мы ехали, ни одной машины не появилось на горизонте. Весь мир словно оставил нас наедине с дорогой и деревьями, нависающими, над нами. Оставил нас с мужем вдвоем. Я. Он. И пустая дорога.

— Я, кажется, вопрос задал, — Дима отделяет каждое слово, словно пытается контролировать себя, но я-то вижу, как дергается его кадык, когда он сглатывает. Из-за чего еще сильнее пытаюсь вжаться в дверь. Ремень режет руки, но я его сильнее сжимаю.

Муж резко выруливает на обочину и тормозит. Ремень вместе с пальцами впивается мне в грудь, а волосы рассыпаются по лицу. Не спешу выпрямляться, гораздо проще сидеть с закрытыми глазами и представлять, что монстра не существует.

Его же не существует, правда?

Но звук хлопнувшей двери развивает мои иллюзии. Я вздрагиваю, но глаза не открываю.

Вот только, когда дверь с моей стороны открывается, и ветер доносит до меня аромат мужа, я не могу сопротивляться желанию отползти в другую сторону. Стараюсь сделать это, не помогает — муж своей большой ладонью прижимает меня к сиденью и тянется через меня.

Щелчок замка, который удерживал ремень безопасности и давал мне хоть крошечную, но надежду, рушит все. Я распахиваю глаза ровно в тот момент, когда муж упирается плечом мне в живот и обхватывает меня.

Дима вытаскивает меня из машины, словно я ничего не вешу. Словно я неразумный ребенок, который устроил истерику посреди магазина с игрушками и его нужно отнести домой, пока соседи не вызвали полицию. Вот только я не ребенок и уж точно не устраивала истерику, да и домой муж не собирается меня нести. Он сажает меня на капот джипа и заключает в ловушку из своих рук.

Я пискнуть не успеваю, как ловлю его взгляд, полный ярости и... желания?

Пытаюсь отползти подальше, но муж перехватывает меня за ногу и подтягивает к себе. Хлопковая ткань скользит по капоту, я пытаюсь ухватиться хоть за что-то, но холодный металл не предоставляет мне такой возможности. Опираюсь на руки, а большое крепкое тело Димы оказывается у меня между ног.

Чувствую его твердый член.

Мои глаза расширяются. Дима, кажется, этого не замечает. Он все-таким же слишком спокойным тоном произносит:

— А теперь рассказывай, какого хрена ты обсуждала с женой шейха!

Низ живота сжимается от страха, дыхание застревает где-то в груди. Я смотрю в

горящие глаза мужа и понимаю — сейчас или никогда. Хватит подавлять чувства! Хватит затыкать себя, когда хочется сказать! Хватит быть послушной женой! Дима должен понять, что как раньше больше не будет. Никогда!

— Не твое дело, о чем мы разговаривали, — я вздергиваю подбородок и с гордостью встречаю его пылающий взгляд.

Наше дыхание смешивается. Ветер дует в спину, набрасывая волосы на лицо.

— Ева, — мое имя, слетевшее с губ мужа, взрывает какую-то бомбу внутри меня.

Таймер на ней так давно тикал, а кодовое слово привело механизм в действие.

— Что, Ева? — я толкаю Диму в грудь, но это не помогает сдвинуть его даже на миллиметр. — Я уже тридцать лет Ева. А ты со своими приказами можешь пойти в задницу!

Наблюдать за тем, как брови мужа взлетают, а глаза расширяются — настоящее удовольствие. Жаль, что длится оно недолго. Буквально через мгновение передо мной снова появляется спокойный муж с нахмуренными бровями.

— Ты хоть понимаешь, что чуть не натворила? — Дима не двигается, я тоже.

Мои руки так и лежат на его груди, поэтому я решаю воспользоваться возможностью и изо всей силы бью Диму кулаком в грудь. Но для него это словно камушком по лбу получить, неприятно, но не смертельно. Он даже не моргает, когда я бью его снова.

— Ты истукан твердолобый! — заносу руку для очередного удара, но на этот раз он перехватывает ее. Вот только у меня же есть вторая, которая после очередного удара тоже оказывается в плену.

Дима прижимает обе мои руки к капоту джипа и наваливается на меня сверху.

— Ты хоть знаешь, какую сделку чуть не сорвала? — он впивается в меня взглядом. Его спокойный тон бесит еще больше. Дима словно с ребенком говорит, который нашкодил и теперь ему нужно объяснить, что тот сделал не так.

— Мне плевать, — я сдуваю волосы с лица. Взгляд мужа цепляется за мои губы, но решаю это проигнорировать. Есть куда более важные вещи, которые мне нужно до него донести. — Мне плевать на твои контракты. Мне плевать на твою работу. Мне плевать на тебя. Хватит! Я больше не буду твоей куклой, которой можно похвастаться перед друзьями, а потом поставить в шкаф до тех пор, пока она снова не понадобится вновь. Не буду играть роль идеальной жены перед шейхом. Ах да, еще не буду твоей игрушкой для сексуальных утех. Как я понимаю, у тебя есть другие для этого дела.

— Думаешь? — бровь мужа взлетает вверх, а мой желудок скручивается.

— И к какому пункту относится твой вопрос? — голос дрожит против воли, но я ничего с этим поделать не могу.

То, как изменился взгляд мужа, о многом говорит. Он стал темнее, я бы даже сказала чернее.

— Проверим, готова ли ты отвечать за свои слова?

Я плотаю ртом воздух, когда Дима приближается ко мне. Его аромат сильнее окутывает меня стоит ему коснуться носом моей щеки и повести ниже. Горячее дыхание скользит следом. Оно обжигает. Не дает нормально мыслить. А я... я не двигаюсь. Не знаю, какого дьявола на меня насылает Дима, но вместо того, чтобы сопротивляться, откидываю голову назад, предоставляя большой доступ. Сразу же чувствую, как Дима зубами впивается в шею. Резкая боль заглушается легким поглаживанием языка.

Дима отпускает мои руки и впивается пальцами в бедра. Он еще сильнее впечатывает меня в себя. Его твердый член врезается мне между ног одновременно с очередным укусом.

Дыхание учащается, когда Дима начинается тереться о меня. Легкая ткань пижамных шорт и брюки не притупляют ощущения. Каждое размеренное движение мужа задевает клитор. Посылает электрические разряды по телу. Туманит разум.

Я готова отдаться ощущениям. Готова забыть обо всем. Но одна мысль все же не дает мне покоя: сколько тел муж вот так использовал?

На меня словно ушат холодной воды выливают, и я, собрав всю силу, толкаю мужа в грудь. Он пошатывается и делает шаг назад. Мне этого хватает, чтобы спрыгнуть с капота и вильнуть в сторону водительской двери.

Слышу за спиной тяжелый шаг, но не останавливаюсь. Уже дотрагиваюсь до ручки, когда чувствую большие руки на талии. Меня отрывает от земли, и я не успеваю сориентироваться, как снова оказываюсь на капоте. Только на этот раз прижимаюсь к нему животом. Пытаюсь оттолкнуться от него. Вырваться. Но муж кладет ладонь мне на спину и прижимает. Я щекой касаюсь прохладного металла и чувствую, как пальцы Димы проникают про резинку пижамных шорт.

— Даже не думай, — начинаю извиваться, пытаюсь оттолкнуть Диму. Но не вижу его, а бессмысленные мельтешения руками еще больше бесят. Все, что я могу это беспорядочно дотрагиваться то до его рук и бить по себе.

А Диме ничего не мешает стянуть с меня шорты вместе с трусиками. Ветер холодит разгоряченную кожу, когда я опять пытаюсь оттолкнуться от капота машины. Бесполезно.

— Дима, твою же мать! — я не сдаюсь, пытаюсь ногами попасть по его голени, но бью только по воздуху. — Не прикасайся ко мне!

Вместо того, чтобы послушать меня, Дима проводит ладонью между моих ног. Ничего не говорит, просто повторяет движение и задерживается на клиторе. Едва ощутимо надавливает и кружит.

Я ловлю ртом воздух. Пытаюсь сопротивляться, но постепенно силы покидают меня. Руки слабеют, как и ноги, а по телу разливается тепло. Оно такое нежное, такое мягкое и в то же время взрывоопасное. Стоит Диме прикоснуться к оголенной коже, как все растворяется. Хочется, чтобы он не останавливался. Только пусть не останавливается. Я теряю связь с реальностью. Узел скручивает внизу живота. Мышцы напрягаются. Кожа наэлектризовывается. Нужно еще чуть-чуть, совсем немного. Стоны слетают с моих губ. Закрываю глаза. Только чуть-чуть, пожалуйста...

Дима убирает руку.

А я не успеваю даже возмутиться, как слышу звук шлепка. Только спустя мгновение ягодицу начинает жечь, и я понимаю, что произошло.

Распахиваю глаза и снова пытаюсь подняться, но вместо желанного освобождения чувствую еще один шлепок. Сильнее. Намного.

Сквозь стиснутые зубы втягиваю в себя воздух.

Шлепок.

Закусываю губу и зажмуриваюсь. Жжение становится сильнее.

Шлепок.

Тело заливают огненная волна.

Шлепок.

Нет, я не покажу тебе. Не покажу ничего. Ни своей слабости, ни своего желания.

Вместо слов царапаю капот и все также пытаюсь вывернуться из хватки мужа. Он сильный, жесткий, но должна же у него быть хоть какая-то слабость.

Шлепок.

— Тебе это нравится? — мой голос едва различимый, больше похожий на писк, вот только Дима его слышит.

Чувствую скольжение воздуха на ягодице, но звука шлепка и последующего за ним жжения нет. Вместо этого пальцы мужа скользят между моих ног.

— Тебе, я смотрю, тоже нравится.

Прикрываю глаза. Он прав. Твою же мать, прав. Но ему об этом я точно не скажу! Не после всего!

— Ошибаешься, — злобно рычу я.

Раньше между нами ничего такого не было. Только идиотская нежность. Я хотела и даже пыталась сделать первый шаг, но Дима пресекал любую мою инициативу. Брал все в свои руки и решал, какой секс у нас будет. Не скажу, что было плохо. Но всегда хотелось чего-то большего.

Звук расстегнутой ширинки вырывает меня из лавы бешенства, смешанного с желанием. Глаза расширяются. Я не успеваю ничего предпринять, как Дима наваливается на меня всем телом. Его тяжесть впечатывает меня в металл, а рука скользит по бедру.

— Словам верить нельзя, телу — можно, — шепчет он мне на ухо и кусает за мочку, одновременно с этим задирая мою ногу на капот.

Прежде чем я успеваю сориентироваться, чувствую головку члена у себя между ног.

— Дима... — сливается вместе с его толчком и прерывается моим всхлипом.

Я кусаю губу, чтобы не издать еще один, когда Дима отстраняется и снова входит в меня. Снова. И снова.

Его движения жесткие, выверенные. Он входит так глубоко, так сильно, что выбивает из меня дыхание.

Перестаю соображать, когда к толчкам Дима добавляет пальцы. Он касается клитора и нажимает на него. По телу проносится волна дрожи. Не могу остановить протяжный стон.

Но это недостаточно. Нужно еще. Еще чуть-чуть.

На этот раз Дима слышит мои мольбы. Возможно, я произношу их вслух. Не уверена. Все, что я могу — двигаться навстречу его толчкам. Пытаться поймать разрядку, которая сковывает тело, и каждый раз ускользает... ускользает.

Все еще двигаясь во мне, Дима касается поврежденной ягодицы. Дрожь проносится по телу, когда пальцы мужа скользят по своей метке, но не задерживаются.

Его касания легкие, едва ощутимые. Так сильно отличаются от жестких толчков внутри меня. Контраст добавляет огня. Теряюсь в удовольствии.

Напрягаюсь, когда чувствую, как к поглаживаниям на клиторе добавляются поглаживания по тугому колечку. Замираю, но только до того момента, пока не чувствую очередной толчок. Ловлю ртом воздух, когда глубоким толчком добавляются синхронные кружащие поглаживания. Очередное нажатие на клитор, вместе с двойным проникновением, уносит меня за грань.

Тело напрягается. Пожар внизу живота взрывается. Перед глазами темнеет.

Воздух не хочет проникать в легкие. Тело не слушается. Мелкая дрожь сотрясает его.

Дима хватает меня двумя руками за бедра. Вдалбливается в меня так сильно, так жестко, что я теряю себя в удовольствии. Ускоряется. Его движения становятся быстрыми, обрывистыми. Дыхание тяжелым. Пальцы впиваются в мое бедро.

Очередной толчок, и я чувствую тепло наполняющее меня изнутри.

Дима замирает, и только после этого я могу сделать вдох.

Но даже прийти в себя не успеваю, как Дима выходит из меня, приподнимает и пересаживает попой на капот. Шиплю и чувствую, как сперма стекает по бедрам, но лишь до того, как слышу его слова:

— Ты — моя, или будешь моей.

Мы смотрим друг другу в глаза, и я понимаю, что теперь сбежать будет еще сложнее. Даже не будь муж генералом, его жажда контроля и власти надо мной не даст мне покоя.

Трель телефона звучит оглушительно в тишине. Дима тянется к карману и не глядя отвечает:

— Слушаю.

Если бы я не была так близко, то вряд ли бы услышала мужской, немного взволнованный голос:

— Дмитрий Геннадьевич, тут девушка. Она говорит, что вы ее знаете и у нее важная информация для вас.

Глава 10

В машине тепло, даже несмотря на то, что на мне только пижама. Зато внутри меня самый настоящий холод. И мне в нем комфортно. Он не дает чувствовать. Не дает думать. Дарит пустоту.

Я могла в нем находиться, пока машина двигалась. Но как только она останавливается, все произошедшее наваливается на меня. Вместо нашего красивого белого дома, я вижу капот машины. Вместо своих рук, зажатых, между бедрами, чувствую ладонь мужа, опускающуюся на мою ягодицу. Вместо тишины и размеренного дыхания, которое заполняет салон машины, слышу слова.

«Ты — моя».

«Ты — моя».

«Ты — моя».

Они не прекращают звучать в голове. Каждое слово очередным осколком врезается в сердце. Оно и так не переставая кровоточит, а новая рана только еще больше растерзывает его.

Дима выходит на улицу, а я так и остаюсь сидеть на месте. Наблюдаю за ним через лобовое стекло. Его движения плавные, хищные. Черты лица заостренные, и он... идет ко мне.

Входная дверь нашего дома распахивается и на улицу вылетает красное пятно. Оно несется прямо на Диму и прыгает ему на шею.

Только спустя какое-то время в пятне я узнаю девушку — блондинку. Она зарывается лицом в шею мужу. Шпильки ее красных лодочек приподнимаются с дорожки. Она, скорее всего, что-то говорит, но плотно закрытые двери машины скрывают от меня слова. Я слышу только гул. Возможно, это даже ветер. А может быть просто шум в голове.

Сердце стучит так сильно, что я чувствую его биение на кончиках пальцев.

Не отрываю взгляда от картины, которая разворачивается передо мной.

Так вот, кто на самом деле нужен моему мужу. Склоняю голову к плечу. Глаза наполнятся слезами. Кусаю щеку изнутри, чтобы сдержать рвущийся наружу судорожный вдох.

Нет. Не сейчас. Не при них.

Слезинка скатывается по щеке. Я быстро вытираю ее и тянусь к металлической ручке. На мгновение прикрываю глаза, делаю глубокий вдох и открываю дверцу.

Ветер сразу обхватывает мое тело. И я ему благодарна. Дрожь, которую он вызывает, помогает хоть немного прийти в себя, сдержать рвущуюся наружу боль. Дарит хоть долю успокоения.

Я сильная. Я справлюсь.

Выхожу из машины. Асфальтированная дорожка все так же неприятно царапает ноги, но боли нет. Она сливается воедино с той, которая заполняет мое тело. Даже, когда наступаю на камушек, не хромаю. Просто поворачиваюсь.

Диме удалось оторвать от себя блондинку. В то, что она сама отстранилась, я мало верю, если судить по надутым накаченным красным губам. На ее щеках разводы от туши, а волосы взлохмачены. И смотрит она не на Диму. Блондинка сверлит взглядом меня. В ее глазах столько презрения, столько отвращения, что на секунду я хочу сжаться. Но вовремя

вспоминаю, что это не я спала с чужим мужем.

Расправляю плечи и иду к ним.

Дима оборачивается. Наши взгляды встречаются. И опять все, что мне достается — пустота. Чертова пустота. И никаких эмоций.

Поджимаю губы. Останавливаюсь.

— Познакомишь нас? — смотрю мужу прямо в глаза.

Сжимаю кулаки. До боли стискиваю челюсти. Задерживаю дыхание.

Жду.

Мне нужна хоть какая-то реакция.

Скажи, блин, что ты не причем. Скажи, что не знаешь эту девушку. Скажи, что это все ложь.

Темные глаза мужа не отрываются от меня. Но все еще остаются пустыми.

Они пронзают насквозь. Оставляют в душе такие раны, которые не затянутся. Причиняют боль, которую ничто не может унять.

Если не хочешь говорить, просто покажи. Дай мне увидеть в твоих глазах хоть что-то кроме пустоты.

Нижняя губа начинает дрожать, и я кусаю ее. Сильно. До боли. Надеюсь пустить кровь, которая даст хоть какое-то облегчение.

Дай мне ответ. Хоть какой-то. Прямо сейчас. Пожалуйста.

— Димочка... — ветер подхватывает писклявый голосок любовницы мужа и приносит его прямо ко мне.

Закрываю глаза. Не хочу видеть его. Не хочу видеть ее. Не хочу видеть их вместе.

— Ева, — голос мужа врывается в меня, и я вздрагиваю. — Иди в дом.

Три слова.

Всего три слова.

Они рушат мой мир. Разрывают меня. Не оставляют ни одного живого места.

Тело будто что-то сковывает. Замораживает. Освобождает.

Открываю глаза.

Все та же картина, но внутри холод. Тот самый холод.

Разжимаю кулаки. Делаю глубокий вдох. Окидываю взглядом «парочку» и прохожу мимо них.

У меня появляется цель. Сейчас мне нужно только одно. Уйти!

Дом встречает меня тишиной. Привычной, но все же странной.

За последние несколько дней рядом было так много людей, что я забыла слово «одиночество». А сейчас, глядя на лестницу, которая становится порталом в прошлую жизнь, я не могу сделать последний шаг. Кажется, что я сама веду себя на обрыв, с которого меня должны столкнуть. Холод внутри постепенно начинает таять, оставляя за собой щемящее чувство.

Это будет конец.

Это точно будет конец.

— Димочка, я же... — доносится до меня писк через закрытую дверь.

Нет. Нет. Нет.

Я не хочу этого слышать.

Не хочу! Не хочу!

Бегу по лестнице наверх. Горечь заполняет горло с каждым шагом. Противная, тягучая.

Перед глазами встает лицо мужа, а в ушах звучат его слова «ты — моя». Я словно наяву вижу его черные глаза, полные решительности. Образ не хочет стираться из памяти. Он смешивается со стенами коридора, с паркетным полом, с дверью нашей спальни.

Образ мужа дополняется его запахом — он везде. Замираю в проходе. Смотрю на кровать, и не могу избавиться от воспоминаний.

Вот я в кровати, муж сверху. Смотрит мне в глаза. Гладит меня по щеке. Входит нежно, очень нежно. Целует.

Вот я на капоте. Распластана. Прижата. Муж на мне, берет меня жестко, двигается во мне резко. Заводит меня через край.

Я вижу все это одновременно. Воспоминания настолько свежи, будто все произошло только что. Они такие яркие, что я не могу перестать чувствовать дрожь, проносающуюся по телу. Но в то же время, перед глазами стоит блондинка. Настоящая. Живая. Больше не фото.

Горло перехватывает.

Нет. Не сейчас.

Отрываюсь от кровати и иду в гардероб. На этот раз я не буду скрываться. Не стану сбегать тайком. Пройду мимо мужа с ее пассивностью и только пусть попробует меня остановить.

Черный вместительный чемодан мужа нахожу на нижней полке закрытого шкафа в самом углу. Вытаскиваю его и сразу закрываю дверцу. В этом шкафу мне больше ничего не понадобится. Выглаженные и развешенные в ряд рубашки муж пусть оставит себе.

Шкафы с моими вещами находятся на противоположной стороне. Отдвигаю сразу две зеркальные дверцы и начинаю вываливать одежду в чемодан. Вещей слишком много, поэтому я стараюсь взять всего по чуть-чуть: джинсы, брюки, свитера, джемперы, майки, блузки, платья, юбки. Про нижнее белье я тоже не забываю.

В другом, уже открытом шкафу нахожу туфли. Беру с собой всего несколько пар, а еще кроссовки и балетки. Ничего больше не помещается. Чемодан, итак, еле закрывается.

Уже собираюсь выйти, когда понимаю, что нужно переодеться. Первое, что попадает под руку, светло-голубые джинсы и белый бомбер. Стаскиваю с себя пижаму Лизы, которая хранит на себе запах мужа, от трусиков тоже избавляюсь. Надеваю другие и переодеваюсь. Обувая белые кроссовки, подхватываю чемодан за ручку и выкатываю его в спальню.

После попытки побега мой паспорт остался у мужа, а телефон, скорее всего, уже на свалке. Но это неважно. Я разберусь. Найду путь начать все сначала. Уйду и больше никогда не вернусь.

Уже собираюсь выйти из спальни, когда останавливаюсь. Не знаю зачем, но подхожу к кровати. Точнее знаю, но признаваться себе не хочу. Выдвигаю ящик прикроватной тумбочки и сразу вижу то, что искала.

Фотография.

Свадебная фотография.

Она лежит среди бумаг. Я ее туда запихала, после последнего и единственного погрома. Не могла больше видеть.

Но сейчас хочется бросить на нее последний взгляд. Долгий. Наполненный болью.

В тот день я была очень счастлива. В белом кружевном приталенном платье на фоне мужа в черном смокинге я смотрелась ангелочком, который выбрал себе в пару настоящего демона. Я стояла в его объятьях и улыбалась ему. Так широко. Так искренне. Руки демона сжимали мою талию, словно хотели показать, что я принадлежу ему и он никому меня не отдаст. Его взгляд пронзал меня насквозь. Я помню тепло, которое разливалось у меня в

груди из-за того, что он смотрел так только на меня.

Кто-то этот момент сделал фото. Я хранила его возле кровати, как напоминание о нашей любви.

А сейчас... сейчас она причиняет лишь боль.

Тянусь дрожащими пальцами к снимку и беру его. Обычная глянцевая фотография, но она жжет пальцы. На ней запечатлено самое счастливое воспоминание. На ней запечатлена моя любовь, которую разбили, растоптали. Вырвали мое сердце из груди и всадили туда не просто нож, а сотни ножей, оставляя вместо него, лишь кровавое месиво.

Рву фотографию пополам. На одной части остается муж, а на второй я, улыбающаяся в пустоту.

Разжимаю пальцы и два листка летят вниз. Маневрируют в воздухе, пока не приземляются на пол. А я разворачиваюсь.

Теперь я готова уйти.

Хватаю за ручку чемодан и качу его по коридору. Лестница тоже не становится для меня препятствием. Я просто разворачиваюсь к ней спиной и тащу чемодан за собой. Колесики с грохотом опускаются на каждую ступеньку, но я не останавливаюсь, пока не спускаюсь до первого этажа.

Открываю входную дверь и замираю, потому что мне преграждают путь.

Зарина, сложив руки на груди и расставив ноги на ширине плеч, загораживает собой мою дорогу на свободу. Ее лицо безэмоционально и даже чем-то напоминает мужа, но при этом не такое жесткое. Зато глаза смотрят словно сквозь меня и нервируют.

Я пытаюсь сделать шаг вперед. Зарина не двигается.

— Уйди с дороги, — я смотрю на нее уничтожающим взглядом и через силу добавляю: — пожалуйста.

— Нет, — простое, короткое слово, которое рождает у меня в груди волну бешенства.

Сжимаю пальцы свободной руки в кулак, но не двигаюсь.

— Где Дима? — цежу сквозь зубы.

— Уехал. У меня приказ следить за вами, — непроницаемое лицо охранницы расплывается, а перед глазами встает образ мужа, который сажает любовницу в машину, везет на траходром и берет ее, берет, берет! Также как меня... на капоте!

— Уйди с дороги, я сказала, — делаю шаг вперед и врезаюсь в Зарину. Она даже не пошатнулась, зато мне пришлось отступить, чтобы не упасть.

— Вернитесь в дом, — и вторит мне, — пожалуйста.

— Нет, — я предпринимаю очередную попытку, которая тут же проваливается.

Зарина хватает меня за предплечье и подталкивает назад, не сильно, но ощутимо. В этом простом движении чувствуется ее сила. Если бы она хотела или могла, то скрутила меня и самолично затащила на второй этаж.

Мы сверлим друг друга взглядами, и я чувствую, как энергия начинает покидать меня. Плечи опускаются, и пальцы, которые крепко сжимают ручку чемодана, расслабляются.

— Ты же знаешь, что он мне изменяет? — я смотрю на Зарину жалостливым взглядом и внутренне молюсь: «Пожалуйста, пойми. Пожалуйста».

— Это не мое дело, — ни один мускул на ее лице не дрогнул.

Пожар гнева, которые немного поутих, снова вспыхивает. Он проносится жаром по венам и чуть не затягивает взор красной пеленой. Благо, я вовремя беру себя в руки. Драться с Зариной — гиблое дело, хотя кулаки очень чешутся. А вот взять хитростью, это я могу. Тем

более у меня появляется план.

— Ты об этом пожалеешь, — произношу шепотом, глядя Зарине прямо в глаза, и разворачиваюсь на пятках.

Но вместо того, чтобы подняться к себе в комнату, иду в кабинет к мужу. Зарина следует за мной по пятам. Я поворачиваюсь только, когда захожу в кабинет, чтобы захлопнуть дверь прямо перед носом охранницы, но не вижу ее. То ли она настолько беспечна, чтобы оставить меня одну. То ли что-то случилось. А если честно... плевать! Закрываю за собой дверь.

Кабинет мужа встречает меня тишиной. Все в нем осталось таким, как было до нашего отъезда. Даже разбитое стекло на дверце шкафа никто не заметил.

Оставляю чемодан у двери, а сама иду к столу. Осколки убрали с пола, поэтому я спокойно подхожу к креслу Димы и плюхаюсь в него. Стол идеально чистый, ноутбук закрыт и стоит у самого края. Черные ручки прижаты друг к другу и торчат в органайзере колпачками вниз. Никаких бумаг, только наша свадебная фотография в рамке, на которой я улыбаюсь, а муж смотрит в кадр все с таким же пустым и жестким выражением лица. Я опускаю ее лицевой стороной на стол, чтобы не видеть, прежде чем откинуться на спинку. Нужно немного подождать, а потом можно будет предпринять еще одну попытку. Со временем внимание Зарины должно притупится.

Сидеть в кресле мужа, за его рабочим столом — так себе удовольствие. Но это единственное, что мне остается.

Тишина гложет изнутри. Не дает расслабиться. В голову лезут мысли о муже и его любовнице, а это последнее, о чем я хочу думать. Поэтому решаю хоть как-то себя отвлечь, открываю верхний ящик стола и... Несколько черных папок лежат поверх документов, собранных скрепкой в ровную стопочку. Достая все и открываю первую. Сразу же роняю папки себе на колени и забываю, как дышать.

На меня смотрит та самая блондинка.

Руки дрожат, когда я начинаю перебирать фотографии. Везде она: в магазине выбирает парфюм, в бутике принимает джинсы и смотрит в зеркало на свою попу, в кофейне расплачивается с бариста, при этом разговаривая по телефону.

Множество ее фотографий в разных ситуациях, которые заставляют что-то внутри сжаться. Дима настолько ей одержим? Зачем тогда ему я? Почему он меня не отпустит?

За фотографиями в папке находятся какие-то документы — финансовые отчеты. Но я не могу сконцентрироваться на цифрах, даже с моим образованием, взгляд постоянно возвращается к фотографиям.

Везде она: с кем-то встречается, за рулем, в спортзале...

Сердце пропускает удар.

Я бросаю фотографии на стол и подрываюсь с кресла. Папки падают на пол, но я не смотрю на них. Заметать за собой следы даже не собираюсь. В груди клокочет боль, смешанная с ненавистью. Он выбрал ее!

Нужно уходить! Срочно!

Пересекаю кабинет, поднимаю чемодан за пластиковую ручку и толкаю дверь. Выглядываю. Никого.

Сердце бешено бьется. Я думаю, что надорвусь, когда несущая почти неподъемный чемодан в одной руке, при этом передвигаясь на носочках. Постоянно оглядываюсь, но никого не нахожу и, на удивление спокойно, добираюсь до кухни.

У задней двери тоже никого нет, и я спокойно распаиваю ее.

Свежий воздух тут же «ударяет» в лицо, и я закрываю глаза, чтобы дать себе небольшой перерыв. Если я сбегу, дороги назад не будет. Дима просто так это не оставит. Но выбора у меня нет. Воспоминания, как любовница бросается ему на шею и как он выбирает ее, отправляя меня домой, все еще вызывают режущую боль в груди. А ее фотографии... из-за них все тело превращается в сплошную рану.

Делаю глубокий вдох и выхожу. Прямо за нашим задним двором находится небольшой сад, а за ним роща, куда я и направляюсь. И вряд ли Зарина знает о моем «запасном плане».

Поселок, где мы живем, расположен далеко от города, и мужа тут все знают, как и меня. Поэтому я не решаюсь постучать соседям. У меня есть другой вариант. Быстро пересекаю задний двор, сад и нахожу протоптанную дорожку посреди рощи, соединяющую два поселка. Тянуть за собой чемодан, хоть и на колесиках, это еще то испытание, дыхание быстро сбивается, руки горят. Но благо идти недалеко. Полчаса, и я стою напротив мини-ресторанчика, напоминающего деревенский домик, с домашней кухней, в который любят заглядывать жители.

Уютный интерьер с деревянными столиками, диванчиками и стенами в виде бревен с черно-белыми картинами, отправляющимися в прошлое, встречает меня. Но что важнее — посетителей нет. Темноволосая с проседью женщина — хозяйка этого милейшего заведения, выходит из кухни и вытирает руки о черный фартук, оставляя на нем белые следы. По идеи безразмерная форма должна висеть на ней, но, каким-то чудом, сидит на ней словно влитая. Улыбка растягивается на лице женщины, когда она видит меня, и сразу же исчезает.

— Ева, — Анна Петровна бросает взгляд на чемодан, — что-то случилось?

Дыхание перехватывает, взгляд начинает бегать, но я беру себя в руки, хотя сердцебиение утихомирить не удается.

— Да так, моя машина сломалась, — голос больше напоминает писк, и мне приходится прокашляться, — а телефон разрядился. Можно мне от вас позвонить и попросить за мной приехать, чтобы чемодан до дома самой не тащить?

Выдавливаю из себя улыбку.

— Конечно, — Анна Петровка переводит взгляд с меня на чемодан, после чего тянется к карману на фартуке. — Точно все в порядке?

Женщина неуверенно протягивает мне телефон. Я хватаю его так быстро, будто от него зависит моя жизнь. Анна Петровна замирает, а я понимаю, что наделала.

— П-простите, машина посреди дороги осталась, — моя улыбка дрожит, — прямо на повороте. Боюсь, что случится авария.

Анна Петровна неуверенно кивает и показывает на столик у окна, рядом с которым стоит азиатского стиля пухлый торшер.

— Садись, я тебе чай принесу.

— Но... — я не успеваю ничего сказать, как женщина скрывается на кухне, оставляя меня наедине с телефоном.

Просить помощи — это последнее, что мне нужно. Не после того, что Дима сделал с Артемом. Но выбора нет. Самой мне не справиться, поэтому набираю номер, который знаю наизусть.

Не проходит и часа, как дверь кафе распаивается.

Я захожусь кашлем из-за того, что поперхнулась сладким мятным чаем. Слезы наполняют глаза, размывая все перед глазами. Через мгновение чувствую легкие удары по

спине, из-за которых мне становится легче.

Понадобилось пару секунд, чтобы отправить чай, в то горло. Дышать все еще тяжело, но, по крайней мере, возможно. Тру кулаками глаза, после чего мир начинает обретать очертания.

— Ева, — дядя Руслан стоит передо мной в военной форме и с фуражкой на голове. Он немного покраснелся, словно бежал.

— Отвези меня к шейху, пожалуйста.

— Что ты здесь делаешь? — я жмусь к стене возле кровати.

Прозрачная штора, закрывающая балкон, не скрывает человека, находящегося за ней. Он стоит, засунув руки в карманы и смотрит на меня исподлобья. Его взгляд прожигает насквозь. Пугает. Заставляет замереть от страха.

Не думала, что увижу его так скоро. Он, будто призрак, сливается с темнотой, и если бы не был включен свет в лампе, стоящей на прикроватной тумбочке, то я вряд ли заметила его.

А так мой взгляд не может оторваться от Димы.

Он своими черными, демоническими глазами следит за мной. Приковывает меня к стене. Забирает мое дыхание.

Мне должно быть страшно. Должно быть, но...

По телу проносится волна жара, когда ветер в очередной раз приподнимает штору и Дима делает шаг вперед. А потом еще и еще...

Он пересекает комнату и нависает надо мной так быстро, что я даже глазом моргнуть не успеваю. Мир сужается до его глаз, а я... я дрожу. Хочется обхватить себя за плечи, но не могу двигаться. Он пригвоздил меня своим взглядом к стене. Дима будто без слов говорит «только попробуй пошевелиться». Тело его слушается безоговорочно, когда разум мечется. Он не собирается подчиняться человеку, который предал. Он не даст собой управлять.

— Уходи, — единственное, что слетает с губ, прежде чем муж сжимает мое горло.

Не сильно, но ощутимо. Так будто, он хочет показать свою власть надо мной. Хочет доказать, кто главный. Я все еще могу сделать вдох, но чувствую, что любое мое неверное слово или движение, и пальцы кольцом сомкнутся на горле. Сожмутся так, что заберут единственное, что поддерживает во мне жизнь. Поэтому стою с опущенными руками и просто смотрю на Диму. Его лицо осунувшееся, словно он опять не спал несколько дней. Между бровей залегла глубокая складка, губы поджаты. Он смотрит на меня так, будто поймал добычу, за которой охотился ни один день. Выслеживал, искал способ подступиться, а потом напал.

— Что ты хочешь? — хриплю я, не отводя взгляда от мужа, хотя мечтаю о том, чтобы закрыть глаза. Но не могу. Взор размывается. Не могу думать, не могу дышать. Все, что могу — это смотреть на мужа и чувствовать, как меня изнутри разрывает боль. Его предательство нанесло такие раны, которые уже не залечить. А когда он передо, они только сильнее начинают кровоточить

Слеза катится по щеке, и Дима тут же подхватывает ее большим пальцем. Так нежно, что по телу проносится дрожь. Так трепетно, что я забываю обо все.

Его взгляд, пронизывающий насквозь, смягчается и задевает струны внутри меня, которые заставляют меня подчиняться. А я не хочу. Не хочу отдавать власть в его руки. Не хочу возвращаться к тому, что мы уже прошли. Не хочу забывать о том, что он спал с другими.

Именно последняя мысль заставляет меня дернуться, но вместо того, чтобы вырваться, я только усугубляю свое положение. Пальцы Димы все сильнее сжимаются на моем горле. Мне кажется или его взгляд темнеет? Но это становится неважно, когда я слышу его слова:

— Ты — моя!

Всего два слова, но они решают мою судьбу.

Всего два слова, после которых хватка Димы слабеет.

Всего два слова, и его губы обрушиваются на мои.

Муж целует меня. Жестко. Сильно. Страстно.

Его язык надавливает на губы и проникает в мой рот. Захватывает его.

А я? Я теряю себя. Забываю, как дышать и что нужно сопротивляться. Мир остается где-то на заднем плане, когда я чувствую руку мужа, которая скользит по моему бедру, забирается под сорочку и отодвигает кружевные трусики. Его пальцы проникают в меня без подготовки. Хотя она и не нужна. Я истекаю влагой. По телу проносится волна дрожи.

Язык мужа вторит его пальцам внутри меня. Жесткие, сильные, равномерные движения, которые сносят мне крышу. Я забываю сопротивляться. И совсем не помню, что все еще нахожусь в его власти. Даже руку, которая все еще сжимают мое горло, не чувствую. Они напоминают о себе только, когда муж большим пальцем надавливает на клитор и с моих губ срывается протяжный стон.

Но укус за нижнюю губу быстро заставляет забыть о маленьком неудобстве. Боль соединяется с удовольствием и мир рассыпается на кусочки. Дыхание перехватывает. Очередной стон застывает в груди.

Почти не чувствую боли, когда Дима срывает с меня трусики. Но зато отчетливо чувствую полет и удар о что-то мягкое.

Он бросил меня на кровать! Бросил!

Распахиваю глаза, но зря. Очень зря.

Потому что Дима стягивает с себя водолазку и бросает ее на пол. Его татуировки оттеняет мягкий свет лампы, но я быстро забываю о них, когда спускаюсь взглядом по стальному прессу к ремню, который расстегивает муж. Он вытаскивает его из петель, после чего справляется с пуговицей и ширинкой. От меня не скрывается, как сквозь ткань боксеров выпирает член, но даже об этом я забываю, когда Дима идет ко мне... с ремнем в руках.

Начинаю отползать, но не успеваю забраться достаточно далеко, как пальцы Димы смыкаются на моей голени и тащат меня к себе. Хватаюсь за покрывало и тяну его за собой, пока не оказываюсь на краю кровати.

Дима сразу же наваливается сверху, перехватывает мои руки, которыми я пытаюсь отбиться, и связывает их... ремнем. Мои глаза округляются, дыхание учащается, когда Дима перехватывает узел одной рукой и фиксирует его у меня над головой.

Я в его власти. Опять. И не сопротивляюсь.

Просто ловлю потемневший, затуманенный взгляд мужа и понимаю, что мне не выбраться.

Он тянет ворот моей сорочки вниз, оголяет грудь и сжимает сосок так сильно, что я кричу. Но ту же кусаю губу. Нет. Нет. Только не снова.

Вот только мои мольбы остаются неслышанными. Они теряются в жаре, когда Дима отпускает сосок и к нему приливает кровь. А потом все повторяется снова. И снова. Вторая грудь остается обделенной, и все мои мысли лишь о том, чтобы ей тоже уделили хоть немного ласки. Пытаюсь извиваться, показать мужу, что мне это нужно, но он не замечает или делает вид, что не замечает. Ждет, пока я попрошу. Но этого не будет.

Дима еще более упертый, чем я! Вместо того, чтобы исполнить мое желание, он опускается ниже и берет в рот тот же сосок. Он играет с ним языком, посасывает и даже кусает. Мои стоны смешиваются с судорожными вдохами. Удовольствие от очередного посасывания такое сильное, что оно стрелой направляется прямо между ног.

— Пожалуйста, — произношу я быстрее, чем могу подумать.

Я пытаюсь отстраниться, но Дима этого не позволяет. Вместо этого он смыкает пальцы на одном соске одновременно с зубами на втором, и я кричу. Кричу в голос, и об всем забываю. Боль смешивается с лаской, принося такое удовольствие, что мир покрывается черными пятнами. Дима меняет рот и пальцы местами. Повторяет все снова.

Теряюсь в ощущениях, когда чувствую, что рука с одного соска пропадает. Хочу возмутиться, но Дима выбивает все претензии, когда входит в меня одним толчком. Таким сильным, что воздух резко покидает тело.

Он не дает мне мне вдохнуть и сразу же начинает двигаться, при этом покрывает мелкими, но сильными укусами сначала мою грудь, а потом поднимается выше. Он не зализывает раны, оставляя их гореть. А через мгновение вовсе присасывается к шее. Втягивает в рот кожу, явно, желая оставить на мне метку. Собирается показать всему миру, что я принадлежу ему, одновременно с этим тараня мое тело. Так быстро и жестко, и сильно, что я не могу ничего сказать. А если честно, не хочу. Тело и без того горит. Оно плавится под его властью, а когда Дима отпускает мои руки, его пальцы вновь смыкаются на моем горле, лишая воздуха, мир перестает существовать.

Я ловлю взгляд мужа и понимаю, что он, не отрываясь, смотрит на меня. Так пронзительно, что мне, кажется, впервые в жизни в его глазах я вижу эмоции. Вижу, что нужна ему. Но возможно, это иллюзии, ведь все вокруг начинает размываться из-за нехватки воздуха.

Легкие горят. Хочется сделать вдох, но я не могу. Понимаю, что сама отдала свою жизнь в руки этого человека и теперь придется либо смириться, либо умереть.

Держу глаза открытыми из последних сил, но они сами закрываются. А тело подчиняется...

Дима разжимает пальцы, позволяя живительному воздуху проникнуть в легкие, а жизни вернуться в тело.

Я делаю вдох, одновременно с тем, как Дима встает, хватая меня за бедра и начинает вколачиваться в мое тело с такой силой, что воздух, который только наполнил легкие, вновь покинул его.

Я мечусь по кровати. Пытаюсь двигаться Диме навстречу. Хочу забрать свое.

Тело наэлектризовано, его покрыла испарина. Ему нужен последний толчок. И муж дает его, при этом надавливая на клитор.

Я срываюсь с обрыва. Падаю. Падаю. И падаю, пока тело сотрясает дрожь. Чувствую как невесомость подхватывает меня. Она очищает разум и при этом заполняет тело жаром.

Жар. Он такой сильный, что я в нем сгораю. Сгораю изнутри.

— Прости меня, — я слышу шепот, но он кажется таким далеким.

Хочу открыть глаза, но не могу.

— Ева, — женский голос словно сквозь густую дымку доходит до меня и чьи-то руки сжимают мои плечи. — Ева, ты в порядке? Проснись.

Кто-то трясет меня. Зовет. Но я не реагирую. Мне так сложно открыть глаза, будто они слиплись. Веки стали такими тяжелыми, что их не поднять. Сквозь них проникает свет, но я никак не могу дотянуться до него. Он ускользает вместе с силами, которых и так нет в теле. Все, что я могу — лежать... и сгорать.

— У нее жар, — в женском голосе слышится отчетливая тревога.

Я хочу сказать, что все хорошо. Успокоить обладательницу голоса, но язык не

поворачивается. Он будто прилип к небу. Горло высохло. А тело вовсе перестало меня слушаться, оно мне больше не принадлежит. Им управляет огонь, который заполняет собой каждую клеточку.

До меня доносится еще один голос, на этот раз мужской, но слова разобрать не удастся. Потом я слышу шаги. Они удаляются и удаляются, пока не исчезают вовсе.

Женская маленькая рука ложится мне лоб. Она такая холодная, что я невольно вздрагиваю.

— Потерпи, ладно? — звучит у самого моего уха. — Скоро приедет врач, и тебе станет легче.

Легче? Я и без того чувствую легкость. Она везде. Кажется, еще чуть-чуть, и я взлечу. А еще сгорю. Жар такой сильный. Занял каждую частичку меня. Голову. Грудь. Ладони. Он несется по венам, концентрируется на кончиках пальцев и готовится вырваться наружу. Его цель сжечь не только меня, но и все вокруг.

Что-то мокрое и холодное касается моего лба, и я снова вздрагиваю. С губ срывается выдох, и это все, что я могу.

Снова слышу мужской голос, но он звучит будто издалека. Кажется, что между нами стекло, через которое он не может прорваться. А я еще и отхожу от него. Все дальше и дальше.

Серена...

Холодный воздух...

Запах лекарств...

Голоса...

Свет...

Все это появляется в моем сознании и исчезает. Я же погружаюсь в желанную тьму. Там не боли. Там нет жара. Только пустота.

Я лечу в ней. Растворяюсь. Становлюсь единым целым.

Пока снова не чувствую боль. На этот раз в руке. Она мимолетная, похожая на укус. После нее становится легче. Что-то растекается по венам и будто тушит пожар в них. Облегчение, которое приходит вместе с затухающим огнем, снова утягивает меня во тьму.

Грудь жжет. Воздух не проникает в легкие. Он не желает наполнять тело, которым никто не управляет.

Непрерывный писк прорывается сквозь дымку в голове.

Боль сковывает каждую мышцу в теле. Спина выгибается. Я делаю вдох.

Писк становится равномернее и голос проникает в разум:

— Она стабильна.

Тьма снова встречает меня своими объятиями. И наконец-то я могу нормально дышать. Но жар возвращается. Он вновь разливается по моим венам, пытаюсь расплавить меня изнутри. Кажется, я готова ему поддаться...

— Что ты здесь делаешь? — женский голос, который совсем недавно удерживал меня на поверхности, стал жестче. В нем появилась сталь. Он смешивается с равномерным писком, который уже не кажется чужеродным.

— Что с ней? — тихие, жесткие слова могли принадлежать всего одному человеку.

Но как? Что он здесь делает?

Сердце ускоряет свой ритм, писк усиливаться. Нужно уйти от него. Он не мог меня найти. Не мог же?

Нежная маленькая рука сжимает мою ладонь, и я чувствую, как спокойствие проникает в мое тело. Я не одна. Не одна. Больше не одна.

Писк немного успокаивается.

— Мы не знаем, — в женском голосе столько беспокойства, что я невольно тянусь к девушке. Хочу успокоить ее, но тьма сильнее. Она смешивается с жаром и затягивает в свои объятия. Ее щупальцы окутывают мое тело и не собираются отпустить. — Она уже два дня в таком состоянии. Прогнозы неутешительны.

— Я вызову своего врача!

До меня доносится шуршание, а потом смешок девушки.

— Ты думаешь, мы не нашли для нее нужных специалистов? — столько сарказма в ее голосе, что мне невольно становится страшно за девушку. Он никому не позволяет с собой так разговаривать. — Тебе лучше уйти!

Улавливаю безнадежность в словах, и снова пытаюсь выбраться наружу. Но щупальцы сильны, они все глубже затягивают меня в трясину и подчиняют тело. Я не могу им сопротивляться. Не могу.

— Она — моя жена! — три слова, которые усиливают жар моих вен.

Они кинжалами вонзаются в мою грудь, и я прекращаю сопротивляться. Лучше подчиниться тьме...

Отдаюсь ее воле и наконец вновь растворяюсь в пустоте. Только она помогает унять боль. Только благодаря ей я вновь могу дышать. Только ей удастся подарить мне успокоение.

— Ты понимаешь, что это твоя вина? — Последнее, что мне удастся услышать, прежде чем тьма забирает меня.

Писк. Противный. Равномерный. Мешающий спать.

Он действует на нервы хуже гвоздя, которым водят по стеклу.

Хочу потянуться, чтобы отключить его, но руки словно приросли к кровати. Глаза открыть тоже не получается. Писк смешивается с стуком в висках и начинает давить на них. Дышать становится сложнее, и желанный сон начинает ускользать.

Писк усиливается, постепенно вытягивая меня из пустоты, где так хорошо, так спокойно. Мир, куда он меня возвращает, полон безнадежности. В нем нет ничего, кроме боли. Боли, вызванной им.

Воспоминания возвращаются ко мне так быстро, что придавливают к кровати. Картинки проносятся перед глазами со скоростью света и не дают снова окунуться в умиротворение. Они такие яркие! Такие живые! И все наполнены им.

Вот он за столом у себя в кабинете...

Вот он разбирается с бумагами...

Вот он выбирает не меня...

Я не хочу думать о нем. И тем более, не хочу вспоминать.

Лучше остаться там, где спокойно. Лучше...

Хлопок двери останавливает поток мыслей. Заставляет меня затаить дыхание. Прислушаться.

Тяжелые шаги. Скрип. Шуршание.

Не знаю почему, но чувствую на себе взгляд. Такой же тяжелый, как и шаги. Он прожигает. Не дает вернуться туда, где мне было хорошо.

Легкие начинает жечь, и я резко выдыхаю. Понимаю, что совершаю ошибку и получаю подтверждение этому сразу же:

— Ева, — его голос отражается от стен и окутывает меня. Пробирается в разум и не дает мыслить здраво. Хочется метаться, кричать. Но я даже глаз открыть не могу, не говоря уже о том, чтобы поддаться желанию запустить чем-то в мужа.

— Давай же, открой глаза. — Это волнение проскользнуло в его голосе? Или мне показалось? На руку ложится большая, грубая ладонь и крепко сжимает. Дыхание прерывается, а сердце ускоряет свой бег. — Давай же!

Все-таки показалось. Приказные нотки никуда не делись, как и ладонь, которая сильнее сжимают мои пальцы. Дима чуть ли не ломает их, причиняя реальную боль, к той, которая уже и так поселилась внутри меня.

Именно она становится рычагом, который вытаскивает меня наружу. Веки сами разлипаются, а из меня вылетает резкий выход. Глаза жжет так, будто кто-то в них песка насыпал. Я почти ничего не вижу. Но постепенно мир начинает обретать очертания. Вижу белые квадраты с светящимися кругами между ними.

Вдох. Выдох. И веки снова закрываются. Но не успеваю я провалиться в блаженный, дарящий успокоение сон, как меня встряхивают. Распахиваю глаза и вижу лицо. Жесткое, с заросшее щетиной, с глазами, под которыми залегли тени. В мои плечи до боли впиваются сильные пальцы, но я их почти не чувствую. Встречаюсь с черными глазами и реальность накрывает меня.

Она волной накатывает на мой разум, напоминая об унижении, через которое мне по

воле мужа довелось пройти. Не давая забыть, что выбрал он вовсе не меня.

Лицо блондинки, искаженное презрением, появляется перед глазами. Но оно меня не задевает. Я перестаю чувствовать. Совсем. Так резко, что на мгновение пугаюсь, а потом чувствую облегчение. Сердце будто коркой льда покрывается. Смотрю на мужа и понимаю, что все. Не хочу его больше видеть. Не хочу иметь с ним никакого дела. Не хочу его.

— Опусти, — тихое слово прорывается сквозь пересохшее горло, но, несмотря на это, наполнено такой внутренней силой, которой даже в нормальном состоянии у меня не наблюдалось.

Естественно, Дима меня не слышит. Он как сжимал мои плечи, так и продолжает сжимать. Только взгляд стал более подозрительным. Вряд ли я ошибусь, если предположу, что он хочет пробраться мне в голову. Понять, на какую круто нажать или какой рычаг повернуть, лишь бы прочесть мои мысли. Вот только нет, дорогой, тебе туда вход закрыт. Хватит. С меня хватит.

— Я позову врача, — Дима отпускает меня, и я могу нормально дышать.

Воздух словно очищается. Я даже не замечала, что до этого он был будто уплотненным. Не хотел проникать в легкие и давать мне жить. А когда Дима оставляет меня одну, я чувствую, как с тела уходит напряжение. Но ровно до того момента, пока я не понимаю, где нахожусь.

Одинокая кровать стоит посреди просторной комнаты с белыми стенами. В окно сбоку через жалюзи пробиваются свет, рисуя полосы не только на мне, прикрытую чем-то белым то ли покрывалом, то ли одеялом, но и на мониторе у кровати, от которого тянутся провода. Они прилеплены какими-то прищепками к моим пальцам, и до меня только сейчас доходит, что за писк не прекращает действовать на нервы.

На стене напротив висит телевизор, а под ним установили небольшой диван, на котором валяется смятый плед. Рядом замечаю стол с двумя стульями в кожаной обивке.

Скольжу взглядом дальше: дверь, шкаф, еще одна дверь, прикроватная тумбочка, стакан, графин с водой...

Горло сводит сильнее, когда я замечаю воду.

Пытаюсь приподняться на локтях. У меня плохо получаются. Руки трясутся, и я снова падаю на кровать, но не сдаюсь. Пытаюсь дотянуться до стакана, но толком с кровати встать не получается, не то, чтобы заполнить желанную воду.

Дверь открывается, и в палату входит Дима. Рукава рубашки закатаны до локтей, а обычно идеально выглаженные брюки помяты. Он тут же оценивает обстановку и широкими шагами идет ко мне. Я снова падаю на кровать и закрываю глаза — лишь бы не видеть его. Но как только чувствую прикосновение к голове, невольно снова открываю их. Дима пробирается рукой между подушкой и моей головой, чтобы помочь приподняться. Подносит стакан к мои губам и наклоняет его.

Хочу послать мужа куда подальше, сказать, что справлюсь сама, но горло, которое словно тисками сжимает, не дает мне поступить столь опрометчиво. Поэтому я, как «послушная девочка», открываю рот. Пью маленькими глотками, но даже они жгут горло. Это не останавливает меня, пока я не осушаю стакан. Дима ставит его на тумбочку, отпускает меня и отходит.

Только сейчас замечаю, что он пришел не один. Низкорослый, немного побелевший, мужчина с проседью в блондинистых волосах и белом халате стоит у кровати и терпеливо ждет. Он бросает пугливый взгляд на мужа, и только получив кивок, приближается ко мне.

Врач осматривает меня, задает вопросы, что-то записывает. Но ничего внятного не говорит. Он постоянно оглядывается на Диму, который неотрывно наблюдает за каждым его движением. А когда я спрашиваю, что со мной, врач что-то мямлит про нервное перенапряжение, стресс и так далее. Внятный ответ до конца осмотра мне получить не удастся.

Врач сбегает слишком быстро, бросив напоследок, что скоро придет медсестру поставить мне капельницу.

Мы с Димой остаемся вдвоем.

— Ева...

— Убирайся! — я отворачиваюсь к окну лишь бы не видеть его.

Мгновения тишины кажутся вечностью, но звука желанных удаляющихся шагов и хлопнувшей двери, я не слышу.

— Я никуда не уйду, пока мы не поговорим, — голос Димы твердый, наполненный знакомыми приказными нотками.

Но я не собираюсь подчиняться! Я — не его солдат!

Поворачиваю голову и встречаюсь с ним взглядом.

— Я сказала — убирайся! — вкладываю в последнее слово столько силы, сколько у меня осталось.

Ее немного, но она идет от чистого сердца. Видеть мужа — это последнее, что мне сейчас или когда-нибудь хочется. Вот только, кто вообще собирается меня слушать? Этот твердолобый ублюдок на миллиметр не сдвигается. Его цепкий, пронизательный взгляд не отрывается от моих глаз, будто говоря: «ты не победишь»!

Дверь распахивается, и, прежде чем мне удастся посмотреть, кто еще пожаловал, слышу еще один знакомый голос:

— Что здесь происходит?

Вот только его мне сейчас не хватает!

Мне даже не нужно смотреть на дверь, чтобы понять, кто стоит на пороге, скорее всего, сложив руки на груди и широко расставив ноги. Его любимая поза, когда он собирается кого-то отчитывать. Она наводила настоящий ужас, когда в детстве он нависал надо мной и приказывал говорить правду.

Если я с одним закоренелым воякой справиться не могу, что уж говорить двух?

Не выдерживаю и бросаю мимолетный взгляд на дверь. Как я и думала, папа в сером костюме стоит в проходе, скрести руки на груди. Его щетина посидела еще больше с нашей последней встречи, хотя волосы, как и были темными, так и остались. А вот морщина между бровей стала глубже. А так в жизни не скажешь, что уже пару лет как ему перевалило за шестьдесят. Наверное, потому что он никогда не брезговал тренировками. По темноте и пронзительности взгляда папа может составить Диме достойную конкуренцию. Эти двое будто созданы из одного теста.

Папа пересекает палату, а я тяжело вздыхаю. У меня нет сил бороться с ними двумя.

— Я задал вопрос! — папа смотрит на Диму, при этом беря меня за руку. — Моя дочь в больнице несколько дней, находится на грани жизни и смерти, а я узнаю об этом только сейчас. Объяснишь?

Несколько дней? Хмурюсь. Я так долго спала?

Папа еще крепче сжимает мои пальцы, а я зажмуриваюсь. Сейчас начнется.

— Я разобрался, — два слова от мужа, из-за которых папа резко отпускает мои пальцы

и делает шаг к Диме.

Они оказываются друг напротив друга. Одного роста, почти такой же комплекции, только Дима чуть шире в плечах, они напоминают двух быков, которые только и ждут выброшенной тряпки тореадора, чтобы начать таранить друг друга.

— Разобрался? — брови папы взлетают вверх. — Ева — моя дочь, а ты даже не потрудился сообщить мне, что она в больнице.

Голос папы полон стали. Он мне тоже очень хорошо знаком — много раз слышала, как он отчитывал своих подчиненных. Говорил тихо, но при этом наводил такой ужас, что здоровенные мужики выходили из его кабинета с испариной на лбу.

Только Дима всегда мог составить ему конкуренцию, поэтому, наверное, и стал папиным приемником.

— Алексей Корнеевич, — Дима заводит руки за спину, — Ева — моя жена. Ответственность тоже на мне. Ее состояние нормализовалось только сегодня, и я бы сразу сообщил вам, если бы вы сами не пришли. До этого, я не видел смысла вас с женой волновать.

Мне показалось, или я услышала скрип зубов? Спина папы напряглась, а сам он будто увеличился в размерах.

— Когда я отдавал тебе дочь, то предупреждал: можешь делать, что хочешь, но заботиться о ней ты обязан, в первую очередь, — папа тычет пальцем в грудь Димы, а я замираю. — Вот это, — он, не глядя, обводит рукой пространство вокруг меня, — это не похоже на заботу.

Дима что-то отвечает папе, но я не слышу. Мужские голоса превращаются в гул, потому что я концентрируюсь на самом главном: «я отдавал тебе дочь», «можешь делать, что хочешь». Так вот в чем дело? Меня отдали приемнику, как племенную кобылу. Просто передали из одних рук в другие, а остальное — побоку. Мои чувства побоку!

Отец женился на маме не по любви, они никогда этого не скрывали. Но я всегда хотела другого. Мне нужна была настоящая семья. Хоть у мамы с папой получилось, для меня они оставались исключением из правил. И более того, папа уважал маму, относился к ней как к равной, но нежности и любви, которые сквозили бы между ними, я не замечала. Не было ни мимолетных касаний, когда кто-то проходил мимо, ни объятий в темноте на кухне, ни тем более поцелуев, когда они думали, что никогда не видит. Сдержанная любовь, конечно, тоже любовь. Но я никогда такой не хотела. Вот только попалась в ловко расставленные двумя мужчинами сети.

— ... а потом я забираю дочь домой! — голос папы врывается в поток мыслей и прерывает их.

— Тогда вам придется пройти, через меня!

Одного взгляда на них достаточно, чтобы понять — никто не собирается уступать. Один неверный шаг, одно лишнее слово, и кто-то из них сорвется. А мне этого точно не нужно. Единственное, чего я хочу, чтобы они ушли!

— Убирайтесь, — тихо произношу я, и, естественно, никто не обращает внимания.

Дима и отец прожигают друг друга взглядами. Они опять без меня решают мою судьбу. Опять не считаются с моим мнением!

Прочищаю горло, набираю воздух в легкие и кричу:

— Убирайтесь! Оба!

— Я принесла тебе телефон, — Лиза, одетая, будто собралась на ковровую дорожку, в бежевое платье-комбинацию, жакет и туфли лодочки, протягивает мне еще упакованный айфон и коробку с сим-картой. — А еще предупреждаю, что через час мы выезжаем из дома.

Я вытаскиваю руку из-под пледа, забираю у Лизы коробку и кладу ее на столик рядом с плетеным креслом, в котором я свернулась клубочком.

— Куда вы едете? — снова укутываюсь пледом до шеи и кладу голову на колени.

Наблюдаю за ветками деревьев, кустарников, травой, которые раскачиваются из-за очередного порыва ветра. Все это приносит мне успокоение, а Лиза, наоборот, ежится вместе и обхватывает себя руками.

— Не «вы», а «мы», — она подходит ко мне и загораживает обзор на деревья, за которыми мне так нравилось наблюдать. — Тебя уже два дня как выписали из больницы, и там ты почти неделю провела. Может, хватит хандрить и изводить себя?

— Я не извожу себя, — поднимаю на Лизу взгляд, и сразу же опускаю его. Лучше смотреть на руки, упертые в бока, чем видеть тревогу, которая исказила красивое лицо девушки.

— Ева, — Лиза присаживается передо мной на корточки, что, наверное, жутко неудобно с учетом каблуков. — Я понимаю, что тебе сейчас тяжело. Но ты не можешь запереть себя в доме. Нужно продолжать жить

— У меня все хорошо, — повторяю я в который раз и тяжело вздыхаю. — Он звонил?

Я не видела Диму с тех пор, как выгнала их с отцом из палаты. Они, конечно, сопротивлялись. Но пришла Лиза с Абду, и выбора у них не осталось. Спорить с разъяренной женщиной, у которой за спиной, сложив руки на груди, стоит шейх — гиблое дело.

Лиза вообще взяла на себя роль моего защитника: уговорила Абду представить к моей палате охрану, которым было приказано кроме нее никого не пускать, приходила каждый день и даже забрала меня из больницы. Не знаю, как ей удалось не подпустить ко мне Диму во время выписки, но у больницы я его не видела. Вот только стоило мне войти в дом его родителей, в котором обосновались Лиза с Абду, сразу раздался визг тормозов. Я замерла на месте, потому что знала это мог быть только один человек. Но Лиза взяла меня за руку и повела по лестнице наверх, предварительно кивнув Абду, который уже и без того собирался выходить на улицу. Не знаю, о чем они говорили. Но грубый голос мужа преследовал меня чуть ли третьего этажа, а потом стих. В тот момент, мое сердце снова начало биться ровно. Но ненадолго.

— Приезжал, — Лиза покачала головой. — А он упорный.

Я усмехнулась.

— Этого ему не занимать.

— Я знаю, ты еще не готова с ним говорить, — Лиза тянет на себя мой плед, я приподнимаюсь и перестаю его держать. Он падает на пол, а Лиза берет меня за руки. — Ты не обязана с ним говорить. Поверь, в этом я и Абду единокорны. Пока не захочешь, Дима к тебе не подойдет. Но и запереть себя в этом доме ты не можешь. Тебе нужно развеется, — Лиза тянет меня с кресла, я поддаюсь: спускаю ноги на пол и встаю. — Поэтому иди одевайся, через час жду тебя в машине.

Я до сих пор в пижаме с котиками, которую также, как и в прошлый раз, одолжила у

Лизы, поэтому переодеться точно нужно. Тем более, судя по непрерывному взгляду девушки и приподнятой брови, понимаю — без боя мне от нее не отделаться. А чтобы победить в схватке, хоть и словесной, нужны силы, которых у меня нет. Остается один вариант — подчиниться. Скорее всего, Лиза права, запереть себя в доме родителей Димы — это не лучшее решение. Каждый угол этого дома похож на пороховую бочку с воспоминаниями о нашей свадьбе. Я стараюсь от них отделаться, но не всегда получается.

Поэтому поднимаюсь к себе на второй этаж. В прежнюю комнату я категорически отказалась идти. Тем более милая хоть и небольшая спальня с обоями в цветочек и одноместной кроватью, меня вполне устроила. В ней есть все необходимое, шкаф в углу с одной дверцей, столик у окна, стул, приставленный к нему и, конечно, куда без двери в отдельную ванную. Там находится только раковина, зеркало и душевая кабина, но мне этого хватает.

В отличие от Лизы я не собираюсь наряжаться, поэтому вытаскиваю из шкафа первые попавшиеся бежевые брюки, и белую рубашку, нахожу черные лодочки и маленькую. Про аксессуары я совсем забыла, когда убегала от мужа, поэтому решаю хоть немного привести себя в порядок, чтобы на фоне сияющей Лизы, не выглядеть бедной родственницей.

Волосы, собранные в тугий пучок и легкий макияж с розовой помадой, которые все также пришлось одолжить у Лизы, сделали меня похожей на себя прежнюю. Только глаза изменились. Стали безжизненными что ли. Но, по крайней мере, румяна скрыли бледность лица.

Я спускаюсь вниз и нахожу Лизу посреди холла в объятьях Абду. Они так мило воркуют: она широко ему улыбается, а он смотрит неотрывно на нее, — что у меня невольно сжимается сердце, и я спотыкаюсь на лестнице. Но тут же беру себя в руки и быстро спускаюсь вниз. Лиза, как только замечает меня, сразу же отстраняется, предварительно чмокнув мужа в губы. Абду желает нам хорошо провести время и ретируется. А Лиза хватается за руку и тащит к машину, у которой уже собралась охрана. Водитель, который больше напоминает охранника своим двухметровым ростом, черном костюме и лысой головой, открывает нам заднюю дверцу машины, а после того, как мы забираемся внутрь, закрывает ее за нами.

Он занимает свое места, а рядом садится охранник, естественно, в черном костюме, только поменьше комплекцией и коротко-стриженными русыми волосами. У него в ухе торчит наушник, а на поясе — кобура, прикрытая пиджаком. Я ее заметила еще на улице, и ветер сыграл в этом не последнюю роль.

— Люди Абду? — прошептала я, указав подбородком на парней впереди.

— Нет, Вадим постарался. За нами еще пару машин поедет и впереди одна. В России иностранцам, чтобы получить разрешение на ношение оружия, нужно слишком сильно заморочиться, поэтому решили сделать такую рокировку, — Лиза пожимает плечами, пристегивается и откидывается на спинку сиденья. — На самом деле, как я поняла, Вадим хочет получить контракт с моим мужем и самостоятельно заниматься безопасностью Абду. Но для этого ему нужно жениться.

Лиза усмехается. А я даже подпрыгиваю в кресле и, широко распахнув глаза, смотрю на Лизу.

— Вадим? Жениться? Seriously? Зачем? — череда вопросов крутится в голове, но я решаю остановиться на четырех.

— Я тебе уже говорила, у Абду появился новый бзик: он решил, что будет работать с

мужчинами, которые счастливы в браке, — Лиза качает головой и тихо посмеивается. — Ему нравится Вадим, и, если честно, в связи с последними событиями, службу безопасности нам точно стоит сменить, но пока «главное условие» не будет выполнено, контракта Вадиму не видать.

Я все еще в шоке откидываюсь на сиденье и смотрю в окно.

— Вряд ли у Вадима получится найти невесту и тем более «счастливо» жениться так быстро. Может, Абду стоит пересмотреть свое решение? Особенно, если вам нужна защита?

— Я не лезу в дела мужа. Не сомневаюсь, он сам со всем справится, — до меня доносится смешок. — А по поводу «невесты» я бы не была так уверена.

Я резко поворачиваю голову.

— Что ты имеешь в виду?

— Да так, вроде у Вадима кое-кто появился на горизонте, — лукавая улыбка Лизы заставляет ее лицо еще больше светиться. — Я точно не знаю, но со стороны так и выглядит.

— И кто она? — я начинаю ерзать, пока не устраиваюсь удобно — полубоком.

Вот чего-чего, а таких новостей я точно не ожидала.

— Таня, моя подруга с университета, она сейчас работает переводчиком в компании Абду. Вообще, она должна была полететь с нами, но у нее мама заболела, и ей срочно пришлось уехать, — улыбка исчезает с лица Лизы. — На самом деле, хорошо, что все так произошло. Не хотелось бы, чтобы она пережила то, что я.

Я машинально тянусь к Лизе и пожимаю ее руку, за что получаю благодарную улыбку.

— Так! Хватит о грустном! — Лиза отпускает легко вытаскивает пальцы из моей ладони и откидывает волосы назад. — Сегодня нас ждет потрясающий день. Что бы ты хотела купить?

Только до «потрясающего дня» приходится добираться полтора часа. А потом еще два часа похода по магазинам вытягивают из меня все силы, поэтому, когда Лиза предлагает поехать в ближайшей кафешке на втором этаже, я сразу же соглашаюсь. Бумажные пакеты у нас предусмотрительно забирает охрана. Куда они собираются отнести наши покупки я не спрашиваю, скорее всего в машину, но даже если они их выбросят, я не сильно расстроюсь. Ноги гудят так, что я начинаю сомневаться, стоили ли обновки этой боли.

— Я больше никогда не пойду с тобой по магазинам! — я разваливаюсь в кресле у окна, мимо которого проходят множество людей, гуляющих по торговому центру и заходящих то в один магазин, то в другой.

— Ты уже это говорила, — Лиза смеется, устраиваясь в кресле напротив, и забирает меню у официанта. — Я уже почти год нормально по магазинам не ходила. Мне всю одежду домой доставляют. Ты хоть представляешь, как это бесит?

— По мне это удобнее, — я тоже беру меню и сразу же открываю его на странице с напитками. Мне нужен кофе и срочно. — Уж точно лучше, чем потом мучится от боли в ногах.

Смех Лизы разносится по кафе, и я замечаю, как на нас начинают оборачиваться мужчины, но стоит им встретиться взглядами с охраной и весь интерес сразу же улетучивается.

Охрана не только стоит рядом с нашими столиком, но и соседние заняла. Парнишка-официант сначала ступешался, увидев такое количество мужчин в костюмах и с наушниками в ушах, а потом просто начал выполнять свою работу, предложив им меню, от которого они, конечно же, вежливо отказались. Зато к нам спокойно подпустили щупленького официанта,

у которого оказалось больше мужества, чем у большинства мужчин, а среди них даже можно было качков разглядеть.

Я быстро заказываю кофе и салат с креветками. А пока Лиза продолжает возиться с меню, смешно хмурясь и дергая носом, спрашиваю у официанта, где туалет. Он указывает мне на бар и говорит идти прямо. Я, взяв сумочку и естественно под конвоем, следуя его указаниям.

Но, как только открываю дверь с нарисованной на ней золотистой краской девочкой, меня толкают внутрь.

Разворачиваюсь и глотаю крик, который рвется наружу.

— Артем?

Я смотрю на дверь и не понимаю, почему охранник не ворвался следом, когда только заметил, как за мной в женский туалет зашел мужчина.

Проходит секунда, две, три... Но так никого и нет.

Артем, которого я еле узнаю из-за кое-где фиолетовых, кое-где уже пожелтевших синяков, разбитой и опухшей губе, а также зашитой брови, ловит мой взгляд. Черный спортивный костюм скрывает другие его повреждения, которые точно есть. А я боюсь спросить, как он.

— Не переживай, — Артем складывает руки на груди, при этом морщась, и прислоняется спиной к двери. — Там мой друг. Это он сообщил мне, что тебя, наконец-то, выпустили из заточения.

— Я не была в заточении, — говорю я быстрее, чем успеваю подумать. Тем более это правда, Лиза с шейхом не удерживали меня. Это, скорее, я сама себя заперла хоть и в особняке, но все-таки в четырех стенах. — Ты в порядке? Что ты здесь делаешь?

Вопросов к Артему у меня столько, что хочется вывалить их на его голову и заставить отвечать. Но я торможу себя, как могу.

Артем выглядит плохо, действительно плохо: между синяками мелькает слишком белая кожа, верхняя целая губа выглядит немного посиневшей, а глаза почему-то красные. Я не могу отделаться от ощущения, что его состояние — моя вина. Если бы я не попросила его о помощи, то ничего не произошло бы. Он был бы цел и невредим.

Отхожу к раковинам, опираюсь на них и цепляюсь пальцами в мраморную столешницу. Несколько туалетных кабинок, прикрытых тяжелыми деревянными дверьми с позолоченными ручками, находятся передо мной, а между ними в зеркале я вижу себя.

По сравнению с Артемом, я выгляжу слишком хорошо. Даже несколько прядей, которые выбились из пучка и обогнули овал лица, не портят картину. Только глаза не совсем подходят внешнему виду. Хоть они больше не пустые, но их заполнила вина, из-за которой трясутся руки и становится тяжело дышать.

— Я в порядке, — три слова, которые слетают с губ Артема, одновременно дают мне возможность дышать и понимание, что ему не пришлось бы этого говорить, если бы я не втянула его в авантюру с побегом.

— Прости меня, — я опускаю взгляд в пол и вижу все равно вижу своя.

Черная глянцевая плитка не скрывает ничего. А моя белая блузка в отражении кажется светлым пятном.

— Забей, — Артем отрывается от двери, закрывает замок и идет ко мне. — Мне помощь нужна твоя.

Я поднимаю голову и встречаюсь с его голубыми глазами. Они такие знаковые и в то же

время какие-то чужие. Столько холода, лучше даже сказать льда, я в них никогда не видела. Артем кажется мне совсем чужим, хотя мы на бакалавриате финансового факультета два года день ото дня сидели рядом. Потом Артем отчислился, и я до сих пор не знаю причины. По слухам, он ввязался во что-то незаконное. Но я этому никогда не верила. Тем более, вряд ли бы Вадим взял бы к себе на работу бывшего зека, правда?

Но сейчас, глядя на Артема и видя бегающий взгляд с зауженным зрачками, я начинаю осознавать — что-то не так и сильнее сжимаю столешницу.

— Чем я могу помочь? — я стараюсь говорить тихо, аккуратно, но голос под конец срывается, что, конечно же, Артем тут же замечает.

Вот только его отвлекают шаги за дверью и грубый голос, который произносит всего одно слово «занято». Если бы я его услышала, то тоже вряд ли бы рискнула спорить. Поэтому звук удаляющихся шагов не становится чем-то удивительным.

Артема же похоже это не устраивает, он в два шага пересекает пространство до двери и проверяет, что закрыта ли она. После чего снова проходит мимо меня и походит к окну, отодвигает жалюзи и осматривает пространство вокруг.

Только после этого он возвращается ко мне.

— Ты же понимаешь, что твой муженек тебе жизни не даст? — Артем заявляет это, как прописную истину, а его глаза с суженными зрачками явно пытаются прожечь во мне дырку.

Он хочет убедить меня, что Дима не даст мне жить спокойно? Так я и без него это знаю. Но причем здесь он?

— Что я могу для тебя сделать? Разве Вадим не должен был тебе помочь? — я стараюсь, как можно сильнее, вжаться в столешницу, особенно, когда вижу, как взгляд Артем темнеет.

— Вадим? — выплевывает он, разворачивается и с размаху бьет кулаком в зеркало. То тут же покрывается трещинами, а несколько осколков падают на пол. Я вздрагиваю, но ничего не говорю, только перевожу взгляд с зеркала на Артема и обратно. Кровь с его пальцев начинает капать на черную плитку.

Проходит несколько долгих мгновений, прежде чем Артем поворачивается и снова впивается в меня взглядом.

— Ты хоть представляешь, в какую дыру он меня послал? — Артем начинает расхаживать передо мной туда-сюда, а я бросаю взгляд на дверь.

Каковы мои шансы отсюда выбраться? Я вряд ли успею даже замок повернуть, прежде чем буду схвачена.

— Я пришел в себя после часов, проведенных в подвале у твоего муженька, — Артем останавливается напротив меня, но не поворачивается, а смотрит в окно, — и Вадим заявил, что отправляет меня в Африку. — Артем так быстро поворачивается, что я едва улавливаю его движение, и вот снова вижу его глаза. — В Африку, представляешь? И почему? Потому что я перешел дорогу твоему мужу!

Я опускаю взгляд не только из-за того, что не могу больше видеть Артема, который напомнил мне черта, выбравшегося из табакерки, но и потому что чувство вины растекается по груди. Если бы не я...

— Прости, — снова тихое срывается с моих губ. — Не нужно было просить тебя о помощи.

Глаза наполняются слезами, пол и наша обувь: мои лодочки и выпачканные засохшей грязью кроссовки Артема, размываются.

— Не нужно, — жестко отрезает Артем, и я вздрагиваю. — Но что сделано, то сделано.

Теперь твоя очередь оказать мне услугу. Это поможет мне, и тебе даст возможность сбежать от мужа — он будет занят другим.

Я все также смотрю в пол, и замечаю, как слеза растекается по плитке. Но Артем кажется, этого не видит, он снова отходит к окну и что-то проверяет там. Быстро вытираю щеки, прежде чем снова схватиться за столешницу.

— Что от меня нужно? — голос тихий, но твердый. По нему совсем не понять, как меня задевает поведение друга.

— Цифры, — Артем запускает руки в волосы и чуть ли не рвет их на себе, но также быстро отпускает и снова идет к двери. Но не доходит. — Только цифры. Мне нужно узнать, какую цифру твой муженек от лица минобороны предложил шейху. Я пытался узнать сам, но защита слишком сильна.

— 3-зачем? — я непонимающе смотрю на него. Куда Артем влез?

— Если он лишится должности, то его гораздо легче будет уничтожить, — Артем смотрит поверх меня, когда говорит это. А я не могу отделаться от ощущения, что в его словах есть скрытый смысл.

— Я не...

Договорить не успеваю, как Артем подлетает ко мне и всем телом вжимается в меня. Его безумный взгляд не открывается от моего лица, когда он шипит:

— У тебя выбора нет, понимаешь? Или твоя жизнь или его карьера! Ты думаешь, что сможешь сбежать, пока твой Дима занимает место генерала?

Я теряю дар речи. Даже дышать не могу. С Артемом что-то не так. Это точно. В его словах есть доля истины — Дима, и правда, вряд ли меня отпустит, но уничтожить...

Звук каблучков, быстро стучащих по плитке, и отсутствие грубого «занято» заставляет напрячься не только меня, но и Артема. Он делает шаг к двери, но тут же замирает, когда слышит короткий стук.

— Ева? — голос Лизы становится для меня благословением.

Но я тут же ловлю озверелый взгляд Артема, и мне становится страшно за девушку. А еще я невовремя вспоминаю, что за дверью находится его «приятель». И Лиза вряд ли справится с ним, если тот решит, что девушка — помеха.

— Ты в порядке? — Лиза явно волнуется, стук повторяется.

Ловлю взгляд Артема, он машет головой в сторону двери.

— Все хорошо, скоро буду, — мой голос дрожит, и я надеюсь, что Лиза этого не слышит.

Не хватало еще, чтобы она пострадала.

— Тут такое дело...

Еще один шаг раздаются в коридоре — на этот раз тяжелые.

— Ева.

Это не Лиза.

Я замираю, глядя на дверь. Не может быть! Но одновременно с этим чувствую облегчение. Лиза не одна. С ней все будет в порядке. Кто-кто, а Дима сможет ее защитить.

— Я же говорил, что он тебе жизни не даст? — шепчет Артем мне на ухо, подойдя ко мне. — Где твой телефон? Я набирал на старый номер, он недоступен.

Я невольно хватаюсь за сумочку, которая весит у меня на плече, и Артем сразу же это замечает. Он хватается за нее и достает телефон. Сумочка ударяет мне по голени, когда Артем отпускает ее и направляет экран мне лицо.

— Ева, открой дверь, — голос мужа, сопровождаемый сильным стуком в дверь по идеи должен меня напугать, но он, наоборот, дарит надежду.

— Я-я сейчас выйду.

Не хватало, чтобы Артем еще раз пострадал из-за меня. Даже с учетом того, что напугал меня до чертиков, он не заслуживает того, что с ним сделают, если Дима его заметит...

Начинаю лихорадочно соображать, что делать, когда Артем засовывает телефон обратно в сумочку и ловит мой взгляд.

— Я тебе напишу.

После чего Артем идет к окну, открывает его и выпрыгивает. Со второго этажа!

Я прикрываю рукой рот, чтобы подавить крик и быстро оказываюсь у окна. Смотрю вниз и... никого не вижу. Хватаюсь за подоконник, чтобы не упасть. Боже! Что это было?

— Ева, если ты сейчас не выйдешь, я выбью дверь!

Вот в том, что Дима на это способен, я не сомневаюсь.

Делаю вдох выдох, чтобы успокоить сердцебиение. Еще один. Только после этого на трясущихся ногах иду к выходу, поворачиваю замок и распахиваю дверь.

Дима в генеральской форме всего несколько секунд смотрит на меня, а потом его взгляд скользит мне за спину.

Я прикрываю веки, потому что понимаю, вряд ли от него скроется разбитое зеркало и осколки на полу. И судя по сузившимся глазам мужа, я права.

— Что здесь произошло? — Дима делает шаг ко мне, хочет войти внутрь, но я преграждаю ему путь.

— Не знаю. Когда я пришла, так и было, — говорю я без запинки, и сама себе удивляюсь. — Дай пройти.

Дима не двигается. Он внимательно осматривает туалет, задерживается взглядом где-то в районе окна, после чего возвращается обратно ко мне.

Он мне не верит. Я отчетливо это вижу. Его с прищуром глаза, пытающийся проникнуть в мои мысли взгляд ни с чем не спутать. Но на меня он не действует. Больше. Вместо того, чтобы сжаться под ним, я выпрямляю спину.

— Дай пройти, — кладу руку на его грудь и пихаю. Как ни странно, Дима отступает. Я даже на мгновение тушуюсь, прежде чем взять себя в руки и выйти в коридор. Но похоже только для того, чтобы снова замереть. У стены я вижу охранника, того самого, что отправился за мной в туалет. Высокий, даже выше Димы, лысый, широкоплечий. От уха к шее тянется побелевший и скрывающийся за воротом пиджака шрам. Охранник тяжело сглатывает и смотрит прямо в стену, совсем не обращая внимания на меня.

— Ева, — Лиза протискивается между мной и Димой и берет меня за руки. — Прости, я не смогла его остановить.

Я легко улыбаюсь и пожимаю ее пальцы.

— Не переживай, — поднимаю взгляд на Диму. — Я-то знаю, что если он что-то хочет, то его никто не остановит.

— А-а-а... м-м-м... Тогда я пойду? — Лиза выглядит немного виноватой, но втягивать ее в наши с Димой разборки будет, как минимум, неправильно.

— Иди, — выдавливаю из себя еще одну улыбку и вытаскиваю руки из хватки Лизы, но тут же хватаю ее снова, бросая мимолетный взгляд на охранника. — Куда ты сейчас?

Лиза хмурится.

— Домой, наверное. Только поем сначала. А что?

— А по магазинам больше не собираешься?

— Нет, — Лиза суживает глаза. — Да, что случилось?

Я не знаю, что сказать. Не могу же я выдать этого... и вместе с ним Артема. Поэтому тяжело вздыхаю и криво улыбаюсь:

— Мы вместе приехали, не очень красиво с моей стороны тебя оставлять.

Лиза тут же расслабляется.

— Я же понимаю, что это не твоя вина, — она закатывает глаза, потом резко разворачивается. — Если узнаю, что ты с ней что-то сделал, пинай на себя. И чтобы к вечеру вернул ее, вряд ли она добровольно захочет с тобой остаться.

Лица долго смотрит на Диму, после чего он кивает. Кивает! Я чуть ли челюсть не роняю. А Лиза снова поворачивается, на этот раз ко мне.

— Если что звони, где бы ты не была, я найду и приеду!

Получив от меня кивок, она уходит, стуча каблуками, охранник идет за ней. Я успокаиваю себя тем, что вряд ли приятель или, лучше сказать, сообщник Артема решит что-то сделать с Лизой на виду у остальной охраны. Хотя с чего это я решила, что она ему нужна? Может, он просто услугу другу оказал? Но все равно слежу за ними, пока они не скрываются за баром. Двое мужчин в спортивных костюмах сидят за барной стойкой, о чем-то разговаривают, причем так оживленно, что руками едва не смахивают кружки из-под кофе со стойки.

Посмотреть на Диму не решаюсь. Поэтому предпочитаю наблюдать за мужчинами, которые вскакивают со стульев, и один другого хватает за грудки. К ним подбегают двое мужчин в костюмах, похоже, сопровождение Лизы, и растаскивают мужчин по разным концам стойки. Но те все равно бросаются в друг друга колкие фразы, из которых я улавливаю только «да пошел ты» и «сам пошел», потому что слышу:

— Ева.

Нервы, словно струны, натягиваются так сильно, что я невольно делаю шаг назад. Каблук подворачивается, и я бы точно упала, если Дима не поймал бы меня за локоть. Его пальцы посылают по моему телу волну мурашек, и я уже не понимаю их природу. Страх? Злость? Безднадежность? Но точно не любовь... не может быть она... не после всего, что он сделал.

— Почему ты просто не можешь оставить меня в покое?

Приходится заставить себя посмотреть на него, Дима не сводит с меня своих черных глаз. Его немногословность и безэмоциональность вымораживают. Раньше меня не особо беспокоило, что я не могла понять, о чем он думает. Но сейчас я отдала бы все, чтобы на секунду заглянуть в его голову и найти там ответы на свои вопросы. А их накопилось так много. Слишком много.

— Поехали.

— Куда? — пытаюсь отойти, но Дима держит меня крепко.

Он усмехается. Усмехается!

— Тебе понравится.

Я думала, что садиться в машину к мужу было страшно. Но, когда он выехал за город, а вокруг нас остались лишь поля, прерывающиеся одинокими деревьями, на меня накатывает паника.

Взгляд бегаёт по пустой дороге, а пальцы цепляются за единственное оружие — сумочку. На Диму я вообще смотреть боюсь. Страшно снова увидеть пустоту.

В какой-то момент воображение начинает рисовать, как муж закапывает мое тело посреди очередного пустыря. Умом-то я понимала, что, скорее, он запрет меня где-то и накажет за непослушание, чем придушит собственными руками, как Дездемону. Тишина в салоне не добавляет спокойствия, в ней слишком хорошо слышны спутанные мысли.

А, когда мы подъезжаем к бетонному забору с колючей проволокой, я вообще начинаю подумывать о том, чтобы выпрыгнуть из машины. Рука сама тянется к ручке, но Дима останавливается у железных ворот раньше, чем я успеваю осуществить свой план.

К машине сразу подбегает молодой человек в форме и автоматом в руках. Дима опускает стекло и протягивает документы. Я наблюдаю за тем, как глаза мальчишки меняются с внимательного прищур на распахнутое удивления. Он дрожащими пальцами протягивает мужу документы, вытягивается по струнке и отдает честь.

Я бы закатила глаза, если бы сердце не стучало так бешено. Когда же ворота начали разъезжаться, оно еще больше ускоряет свой темп.

— Куда ты меня привез? — голос дрожит, когда муж заезжает на какой-то полигон, если судить по нескольким деревянными амбарами, траншеям посреди поля и солдатам, которые бегают в полном обмундировании по полосе препятствий.

— Не бойся, я ничего тебе не сделаю, — Дима одной рукой управляет машиной, второй набирает сообщение на телефоне.

— Я не боюсь, — говорю я четко, хотя сама вжимаюсь в сиденье и стискиваю сумку до побеления пальцев.

Губы Димы растягиваются в улыбке. Снова. Я даже забываю, как дышать. Так редко раньше видела его улыбку. Но спросить, что изменилось, не успеваю и вряд ли бы решилась, Дима тормозит на полностью свободной парковке у деревянного амбара, отличающегося от остальных только надписью «ГТ», нанесенной белой краской.

Дима, не дожидаясь меня, выходит из машины и обходит ее. Открывает мне дверь и протягивает руку. Я не двигаюсь, смотрю на длинные, мощные пальцы так, будто они могут переломать мне кости, а когда ловлю себя на этой мысли, понимаю, насколько она бредовая. Хотя, после службы в горячей точке непонятно, какие винтики переклинили в голове у мужа, так что, возможно, я не сильно ошибаюсь. Но все-таки отпускаю сумочку и вкладываю ладонь в протянутую руку.

Вот только встать не получается — я забыла отстегнуться. Приходится отпустить сумочку вовсе и повозиться, чтобы нажать на защелку дрожащими пальцами. Как ни странно, Дима спокойно меня отпускает, когда я тяну на себя руку, но протянутую ладонь не убирает. Поэтому, как только я избавляюсь от помехи, сразу же беру мужу за руку. На этот раз более уверенно.

Дима помогает мне выйти из машины, и я вздрагиваю от холодного порыва ветра, что, конечно, не скрывается от мужа. Он сильнее обычного хмурится, осматривает меня и начинает растягивать свой китель. У меня даже рот открывается, когда я это замечаю. Да, нет. Не может быть. Ладно, пиджак, но китель?

Мое предположение оказывается верным. Муж стаскивает со своих плеч китель и набрасывает их на мои, а все, что я могу делать — это стоять смиренно и хлопать глазами.

Он никогда так не делал! Никогда!

— Т-товарищ Генерал, прошу прощения. Опоздал, — рядом с нами тормозит раскрасневшийся, пухлый мужчина средних лет. Его форма, в отличие от моего мужа, выглядит немного небрежной, ворот зеленой рубашки кое-где заправлен, а кое-где торчит. Китель застегнут всего на несколько пуговиц, а фуражка наклонена на бок. Он с тревогой смотрит на Диму, а меня, кажется, вовсе не замечает.

Дима оценивающим взглядом проходит по мужчине, и тот сразу же тушует: плечи опускаются, глаза начинают бегать. Но стоит он также смиренно, как и до этого. Даже ничего поправить не пытается. Хоть Дима ничего не говорит, но и без слов понятно, что он имеет в виду.

— Все готово? — Дима, не глядя, протягивает мне руку, и я, немного помедлив, беру ее.

— Д-да, — мужчина все также старается избегать пристального взгляда Димы, предпочитая рассматривать его рубашку. — Ребят перевели в другой амбар, а этот подготовили для вас.

— Молодцы. Можешь быть свободен, я сам справлюсь.

Мужчина отдает честь, разворачиваются на каблуках и быстрым шагом удаляется. Его фуражка соскальзывает, но он вовремя подхватывает ее налету и насаживает обратно на голову.

— Пойдем, — Дима тянет меня к амбару, у которого мы остановились.

И я следую за ним. Деревянная дверь приоткрыта, словно кто-то поспешно оттуда убежал, но недостаточно, ведь рассмотреть, что за ней скрывается не получается. Но только до тех пор, пока Дима не толкает дверь и не заводит меня внутрь.

Мы оказываемся в плохо освещенном просторном помещении и, главное, пустом. Хотя раньше оно явно не было таковым, если судить по стоящим в разной ступень у стен и небрежно сложенному оружию на полках в шкафу напротив них. Но не это привлекло меня сильнее всего, а мишени у дальней стены.

— Ну что? Попытаешься подстрелить мою задницу?

Я замираю, открыв рот и уставившись на мужа.

— Ч-что?

Дима идет к шкафу с оружием и берет с полки первый попавшийся пистолет.

— Если хочешь, я дам тебе одну попытку, — проверяет заряжен ли он, берет пачку патронов и возвращается ко мне. — Но только, если сможешь попасть в мишень или сделаешь меня в стрельбе. Можешь сама выбрать условия.

Мои брови взлетают вверх, после чего прищуриваюсь.

— Это заведомо проигрышное пари.

— Ты не дослушала до конца, — Дима протягивает мне пистолет. — Сначала у тебя будет урок от меня лично.

— А кто сказал, что ты научишь меня правильно стрелять? — забираю пистолет. Тяжелый. Холодный, только кое-где согретый пальцами.

— Я не настолько коварен, — Дима усмехается и идет к мишеням. Мне ничего не остается, как последовать за ним. Пол скрипит с каждым нашим шагом, но никто не обращает на это внимание. Пистолет оттягивает руку. Я замираю у нарисованной белой краской на полу черты. Несколько кругов разных размеров, помещенных в один большой, на квадратном ватмане висят на спине, а также сложены стопочкой на полу. Дима срывает похожую на решето мишень и заменяет ее на другую. После чего возвращается ко мне и становится рядом.

— Готова? — его горячее дыхание обжигает, и я невольно веду плечами.

Даже не надеюсь на то, что моя реакция останется незамеченной. Но Дима ничего не говорит, и я ему благодарна.

— Зачем все это? — смотрю на мишень, чувствуя его за спиной. Он не прикасается ко мне, но я все равно не могу сосредоточиться. Дыхание учащается, руки дрожат, а сердце стучит так сильно, что я чувствую его на кончиках пальцев.

— Доверься мне, — голос мужа звучит глухо и вызывает волну мурашек, — в последний раз.

Я замираю. Снова. И кажется, перестаю дышать. Что?

Хочу обернуться, но Дима прижимается ко мне и обхватывает мои запястья, поднимая их.

У меня столько вопросов, что я едва разбираю его следующие слова:

— Сосредоточься на мишени.

Руки не слушаются, перед глазами все расплывается, я снова пытаюсь повернуться, но

Дима сжимает мои руки и не дает пошевелиться.

— Ева, — его голос строгий, — сосредоточься. Ноги на ширине плеч, — он легко ударяет по моим ботинкам с внутренней стороны моих туфель, и я немного отшагиваю. — Молодец, а теперь целься. Смотри через прицел прямо в середину мишени.

Дима дает дельные указания, но мое тело словно окаменело. Он не желает слушаться, как и разум, в котором крутится всего один вопрос: «Я не ослышалась?».

— Нажимай на спусковой крючок, — говорит Дима прямо мне на ухо, — только приготовься, у пистолета есть отдача.

— Дима...

— Ева, стреляй!

Да, твою же мать! Сосредотачиваюсь на мишени и нажимаю на крючок. Громкий хлопок оглушает, в ушах звенит, но отдачи я почти не чувствую — Дима слишком крепко держит мои руки.

— Я не буду оправдываться, — его голос прорывается сквозь звон, но все же я могу разобрать слова. — И просить прощения тоже не буду. Слова ничего не значат.

Закрываю глаза. Не хочу слышать. Не могу... Но и остановить его не могу...

Дима забирает пистолет, перезаряжает его, а я так и стою на месте, не шевелясь. На этот раз даже не вздрагиваю, когда чувствую, как он снова обхватывает меня и вкладывает мне в ладони пистолет.

— Знаю, что мои действия причинили тебе боль, просто я не догадывался, что настолько сильную. Ты же знаешь, что я не особо чувствительный человек, — Дима сильнее сжимает мои руки и сам наводит пистолет. — Стреляй!

Глаза сами распахиваются, и я нажимаю на спусковой крючок. Мне уже все равно, куда попаду, лишь бы это поскорее закончилось. Но Дима, кажется, не собирается останавливаться.

— Молодец, — он усмехается мне в ухо, прежде чем отойти от меня. — Давай сама.

— Дима, — я не двигаюсь.

— Стреляй, Ева, — он заводит руки за спину и смотрит на мишень.

Да, блин!

Я поворачиваюсь лицом к стене, смотрю на мишень и стреляю сразу несколько раз. Даже не пытаюсь рассмотреть, куда попала, потому что знаю, что прямо в центр.

— Ты что-то от меня скрывала? — брови Димы медленно ползут вверх. — Мне стоит беспокоиться за свой зад?

— Ты забыл, кто мой отец? — намеренно игнорирую последний вопрос, как бы мне не хотелось сделать мужу больно, стрелять я в него не собираюсь.

— Такое забудешь, — Дима поворачивается ко мне и, наконец, смотрит мне прямо в глаза. Тьма в его глазах завораживает. Хочется, как раньше, потеряться в ней, но что-то держит меня снаружи. Будто между нами появился барьер. — Дай мне две недели. Я заключу сделку с шейхом, а потом отпущу тебя... если захочешь.

Ты когда-то любил меня?

Вопрос, который я так и не задала. Он мучает меня последние несколько дней. Даже то, что я знаю ответ, не помогает. Всегда есть «а вдруг», но потом вспоминаю, что папа отдал меня Диме и надежда испаряется, а через какое-то время вновь возрождается.

Дима, как и обещал, после полигона вернул меня в дом своих родителей — к Лизе и шейху. Сам внутрь не зашел. Он вообще старался не смотреть на дом. Просто попросил меня встретиться через несколько дней. Не знаю, почему я согласилась. Ведь знала, что условие «помоги мне с шейхом, и я тебя отпущу» единого яйца не стоит. Дима не смог бы меня удержать, даже если бы захотел. Точно не тогда, когда Лиза на моей стороне — она позвонила мне трижды, пока мы были на полигоне. Я не слышала звонков только потому, что телефон стоял на беззвучном. И подозреваю, если бы я не перезвонила «вовремя», за мной была бы отправлена поисковая бригада.

Но не только Лиза меня искала.

Сообщение «у тебя неделя» с незнакомого номера висело в уведомлениях. Я его сразу же удалила, но пристальный взгляд от Димы, который даже оторвался от дороги, все-таки заработала.

С тех пор, с этого номера я получила три сообщения — по одному каждый день.

«Есть новости?»

«Ты что-то нашла?»

«Почему ты не отвечаешь?»

Я несколько раз серьезно подумывала о том, чтобы заблокировать этот номер, но в последний момент палец замирал над экраном. Это ведь я втянула Артема в противостояние с Димой. Не могу же я оставить все, как есть. Понятное дело, что в сделку между шейхом и минобороной я вмешиваться не собираюсь. Уже достаточно того, как меня использует Дима лишь бы заполучить ее. После доброты со стороны Лизы и покровительства, который предоставил мне Абду, я чувствую себя виноватой, выходя в холл и понимая, что Дима меня ждет в машине.

Лиза, когда узнала, что я согласилась на еще одну встречу с Димой, одарила меня таким одновременно удивленным и осуждающим взглядом, что я невольно покраснело. А понимание того, что я помогаю ввести в заблуждение ее мужа, только добавило груз вины на мои плечи. Но отменять встречу с Димой я не стала. Возможно, потому что надеялась, что все-таки узнаю хоть какую-то информацию, которая поможет понять, почему он позволял мне жить в иллюзиях по поводу нашего брака. Или я просто хотела убедиться, что смогу жить без него. Два года все-таки оставили отпечаток на моей душе.

Поэтому я в черном мини-платье и на каблуках под незаинтересованные взгляды охраны выхожу из особняка. Дима стоит, прислонившись к джипу в черной шелковой рубашке и черных джинсах. Как только дверь распаивается, он отрывает взгляд от телефона, кладет его в карман и осматривает меня с ног до головы. Наверное, удача на моей стороне, потому что я не спотыкаюсь, спускаясь по лестнице и даже ногу не подворачиваю, пока иду по подъездной дорожке. И учитывая, что все это время Дима не отрывает от меня глаз, моя ровная походка и прямая спина действительно заслуга высших сил.

— Сегодня без охраны? — я хмурюсь, подходя к мужу.

— Она сегодня не нужна, — Дима открывает для меня пассажирскую дверь рядом с водителем, но я не сажусь, а остаиваюсь рядом с ней.

— Куда мы едем? — пальцы немного дрожат, когда я заправляю волосы за ухо.

Свою реакцию даже на ветер спихнуть не могу, потому что сегодня, как назло, он решил не одаривать нас своим присутствием. Погода наладилась, днем ненадолго выглянуло солнце, что удивительно, ведь последние несколько дней, не переставая лил дождь.

— Просто поужинаем и все, — Дима протягивает мне ладонь. — Давно мы никуда не ездили только вдвоем, правда?

Мое дыхание сбивается. Не знаю, что сказать или сделать. Хочется просто развернуться и побежать обратно в дом, забраться в кровать, накрыться с головой и задаваться вопросом «Зачем он так со мной?». Но вместе этого я беру Диму за руку, и он помогает мне сесть в машину.

На этот раз мы не едем в тишине. Дима включает музыку, что для него по меньшей мере странно. И он вопросы мне задает, которые по большей части ничего не значат. Как прошли мои последние дни? Чем я занималась все это время? И еще несколько подобных. Я даже не помню, что отвечаю. Напряжение такое сильное, и я тону в нем. Подсознание кричит: «что-то не так», но реальных оснований для опасений нет. Но поведение Димы и легкая улыбка, которая появляется с завидной периодичностью на его губах, не дают расслабиться. Я невольно ищу подвох в каждом его слове, в каждом движении и за дорогой тоже слежу, внутренне проклиная шейха за то, что он поселился так далеко от города. Потому что, когда мы подъезжаем к какому-то стеклянному бизнес-центру, я максимально себя извожу. Я даже не обращаю внимания на название, хоть большие красные буквы, которого ярко горят в надвигающемся на город вечере.

Дима, припарковавшись, помогает мне выбраться из машины и руку не отпускает. Ведет меня внутрь, а я просто следую за ним, хотя все во мне вопит, чтобы я бежала. Мы поднимаемся на лифте на последний этаж и идем к дверям из матового стекла, которые по краям обвиты лианами. У косяков стоят два мандариновых дерева. А на них я замечаю пару воробьев, только потом понимаю, что они игрушечные.

Дима толкает одну дверь, и мы оказываемся в... саду.

Нет, это ресторан. Но это не отменяет того, что растения везде.

Деревья в горшках стоят у каждого столика. На них мигают мелкие огоньки гирлянд. Точно такие же, как и на окнах. Мини-клумбы с газоном отделяют друг от друга столики, на которые поставили маленькие горшки с ромашками. Но даже не это самое удивительное, а стеклянный потолок, через который отчетливо виден ярко-красный закат. Это почти единственное освещение в зале, если не считать гирлянд и светодиодные ленты, тянущихся у пола и потолка вдоль стен ресторана.

Вместо музыки зал наполняет пение птиц.

Девушка хостес в строгом черном платье до колена встречает нас у входа и проводит в самый конец зала к столику на двоих, который скрывается за перегородкой, полностью заросшей вьющимся виноградом. На нем не просто листья, но и виднеются целые грозди. Наш столик стоит прямо у окна, поэтому, когда Дима помогает мне сесть, передо мной открывается на город, тонущий в красках заката.

У противоположной стены еще один такой же огороженный перегородкой столик, только на четверых, но за ним никого нет, поэтому появляется ощущение полного уединения.

Хостес оставляет нам меню и уходит, а я не выдерживаю:

— Зачем все это?

Дима занимает место напротив меня и берет меню.

— Что ты будешь есть? — он откидывается на кресле и выглядит слишком расслабленно, когда я напряжена до такой степени, что вот-вот взорвусь. Дима бросает на меня из-под папки взгляд с прищуром и качает головой. — Давай, я закажу, а ты скажешь, понравится тебе или нет.

— Дима! — я со скрипом встаю с кресла и упираюсь руками в стол. — Я спросила, зачем все это?

Смотрю на мужа пристально и всем своим видом хочу показать, что не собираюсь сдаваться под его напором или играть по правилам, которые знает только он. Дима вздыхает, откладывает меню и ловит мой взгляд.

— Я хочу узнать тебя, хоть немного, — говорит он тихо. — За почти два года нашего брака, у меня не получилось этого сделать.

Ноги не держат меня, я снова падаю в кресло и смотрю на мужа так, будто вижу впервые. А он делает вид, что совсем не замечает моего шока, просто снова берет меню и начинает листать. Но я-то знаю, от него ничего не скрывается.

— Зачем? — произношу так тихо, что слово похоже на выдох. — Ты обещал, что...

— Я не беру свои слова назад, — Дима перелистывает страницу, прежде чем снова взглянуть на меня. — Я отпущу тебя, как только заключу сделку с шейхом.

— Так, ты позвал меня, чтобы показать шейху...

— Нет! — отрезает он и с такой силой кладет меню на стол, что я вздрагиваю от громкости хлопка. Дима ставит локти на стол и сцепляет пальцы. — Ева, ты уже должна была понять, меня нельзя заставить что-то сделать.

Я хватаю ртом воздух и сдуваюсь. Понимаю, что Дима хотел меня успокоить, но это слова произвели противоположный эффект. Перед глазами сразу встает фото, присланное на его телефон. И конечно, я вспоминаю, как возле нашего дома он выбирает любовницу, а не меня. Отвожу взгляд и концентрируюсь на городе, который почти полностью накрыл закат. Он такой яркий, что напоминает кровь. А высотки похожи на иглы, которые впиваются в мое сердце вместе со словами мужа. Я кусаю нижнюю губу, чтобы перекрыть одну боль другой. Но вместо этого делаю еще хуже. Зачем я вообще с ним поехала?

— Что ты больше любишь? Рыбу или мясо? — резкая смены темы не дает мне погрузиться в самобичевание.

— Рыбу, — отвечаю на автомате, все также не смотря на мужа.

Даже не слышу, как подошла официанта. Только, когда Дима заказывает две порции лосося и белое вино, понимаю, что мы больше не одни. Но все снова возвращается на круги своя, когда девушка уходит.

— Твои любимые цветы?

Я не выдерживаю и смотрю на Диму. Он также расслабленно сидит в кресле, только сложил руки на груди. А его внимание полностью обращено на меня.

— Серьезно? — вскидываю бровь.

— Конечно, — Дима улыбается одними уголками губ.

— Розы, — хмурюсь.

— Я так и думал. Не зря, у нас в саду столько кустарников. А десерт какой твой любимый?

— Вишневый пирог со сливками, — отвечаю и не выдерживаю: — Хватит! Правда! Я не вижу в этом смысла.

Грудь и без того сжимается так сильно, что кажется, я вот-вот дыхания лишусь. Дима открывает рот, чтобы что-то сказать, когда мы слышим голоса, а хостес проводит к столику напротив гостей.

Возможно, я бы не обратила на них внимание, если бы один голос не показался мне слишком знакомым. Поворачиваюсь и замираю. Этого не может быть!

За столиком напротив устраиваются любовница мужа, низкорослый полный мужчина в сером костюме и такой же шляпе, а еще дядя Руслан.

Воздух застревает в груди. Я не могу отвести взгляда от дяди Руслана. Его любимый темно-синий костюм от Армани сидит на нем идеально. Ни за что не скажешь, что ему уже шестой десяток лет. Волосы, в которых проглядывает седина, уложены гелем. На лице дяди красуется белозубая улыбка, и предназначена она любовнице моего мужа, которая в белом платье с расклешенной юбкой до колен и заплетенными в косу волосами явно пытается выглядеть невинно. Но вываливающаяся из выреза грудь показывает истинное лицо блондинки. Дядя отодвигает для нее кресло у стены, после чего садится напротив. А рядом с любовницей мужа располагается тот самый полный мужчина. Он снимает шляпу и кладет ее на стол рядом.

Хостес передает им меню. Я же до сих пор не двигаюсь. Сердце бьется с такой скоростью, что я слышу его стук в ушах. Ладони потеют, и я стараюсь вжаться в стул.

— Ты привел меня сюда специально? Хотел столкнуть нас лбами? — я перевожу взгляд на мужа, который не отводит глаз от вновь прибывших гостей.

— Нет! — говорит он так громко, что я подпрыгиваю в кресле и бросаю взгляд на столик напротив.

Теперь все взгляды направлены на нас. Я замираю, Дима тоже не двигается. Не вижу его реакции, потому что смотрю только на блондинку, чьи глаза сузились до щелочек и губы стали похожи на две белые линии.

Дядя Руслан, по-моему, немного бледнеет, но взгляда от меня не отводит. Быстро натягивает на лицо широкую улыбку, встает и направляется к нам.

— Я хочу уйти, — поворачиваюсь к Диме, но понимаю, что он меня уже не слушает.

Встает со своего места и идет навстречу дяде Руслану. Онемение разливается по телу, когда Дима с дядей Русланом жмут друг другу руки и обмениваются понимающими взглядами. После идут к столику напротив. Не понимаю, что происходит, но блондинка бросает на моего мужа недовольные взгляды. Мужчина рядом с ней встает. Любовница мужа остается за столом, когда мужчины обмениваются рукопожатиями и какими-то фразами, которые я не слышу из-за звона в ушах.

Ноги не держат, пока я пытаюсь встать с кресла. Чуть было не падаю обратно, но хватаюсь за стол, пока вновь не обретаю равновесие. Бросаю взгляд на выход и собираюсь уйти, когда Дима разворачивается и направляется ко мне. Он останавливается передо мной, и смотрит так пронзительно, что я прирастаю к месту. Нет! Нет! Нет! Пусть только попробует!

— Я знаю, что моя просьба ужасна, но мне нужна твоя помощь, — Дима произносит это тихо, почти шепотом, явно, чтобы нас никто не услышал.

А я чувствую, ничего хорошего меня не ждет. Взгляд бежит между Димой и перегородкой. Пытаюсь оценить смогу ли я протиснуться между ними, пока не буду

пойманной.

— Ева, — Дима делает еще шаг ко мне, уничтожая любую надежду на побег. — Ева, послушай меня.

У меня не остается выбора, кроме как посмотреть на него. Этот темный взгляд больше не пустой. Он напряженный и немного... взволнованный? Я бы даже сказала растерянный. Голос хоть и твердый, но в нем отчетливо слышится тревога.

— Не смей, — шиплю я, сжимая кулаки.

Дима быстро оглядывается, шагаю в бок, но натываюсь на протянутую мужем руку. После чего, краем глаза замечая, как кто-то мелькает между перегородками, и слышу стук, сменяющийся довольно сильным скрежетом. До меня доносится тихое «простите», но быстро забываю обо всем, потому что чувствую горячее дыхание Димы у меня в волосах.

— Знаю, это слишком, — шепчет он мне на ухо, — но мне нужно, чтобы мы вместе сели за тот столик. От этого слишком многое зависит.

— Мне плевать, — толкаю мужа в грудь, но почему-то тоже не повышаю голос.

— Ева, — он обхватывает ладонями мое лицо и поднимает его так, что видеть мои глаза, а я не могу пошевелиться. — Ева, от этого зависит не только сделка.

— Вот не надо, ты думаешь только о работе, — губы еле шевелятся, и голос искажается. Но обвинить Диму во всех грехах не успеваю.

Он так сильно прижимается ко мне, что наши губы почти соприкасаются, а слова напоминают шелест листвы, которой в ресторане полно.

— От того сядешь ты за этот столик или нет, зависит не только моя сделка, но и жизнь Лизы.

В который раз забываю, что нужно дышать. Только, когда в груди начинает жечь, выдыхаю.

— О чем ты говоришь? — обхватываю запястья мужа и отвожу его руки от своего лица. Пытаюсь сделать шаг назад и натыкаюсь ногами на кресло. Чуть не падаю, но Дима придерживает меня за локоть.

— Я тебе все объясню, — он оглядывается через плечо, затем снова смотрит на меня, — потом. Сейчас просто давай сядем за тот стол. Поверь, я бы тебя не просил, не будь это настолько важно.

— Ты действительно хочешь, чтобы я села за один стол с твоей любовницей? — я не верю своим ушам.

Дима похоже сошел с ума, и я давно бы сбежала, если бы он не упомянул Лизу. Я в долгу перед ней, и, если есть шанс помочь ей, нельзя его упустить.

— Ева, — к его темному взгляду добавляется рука, сжимающая мое запястье. Я оказываюсь в ловушке, из которой не выбраться. В нее загнал меня не только Дима и дядя Руслан, но и я сама. Почему я вообще согласилась выйти за него замуж? — Десять минут, и мы уйдем.

Димаслегка тянет меня на себя, но я не двигаюсь.

— Не могу, — мотаю головой.

Паника растекается по телу. Пытаюсь выдернуть руку, но Дима держит крепко.

— Вспомни о Лизе, — шепчет он. — Если сядешь за этот стол, очень ей поможешь.

Замираю. Смотрю Диме прямо в глаза. Он не лжет. Но и правды тоже не вижу, только бесящее спокойствие, которое каким-то чудом передается и мне.

— Ладно, — расслабляюсь я. — Но не проси меня быть примерной женой.

Выпрямляю спину и чувствую, как выравнивается мое сердцебиение. Выкручиваю запястье из пальцев мужа, и смотрю ему в глаза.

— Пойдем? — паника растворяется, уступая место уверенности. Перед глазами встает образ любовницы у нашего дома и взгляд, полный пренебрежения. Если эта белобрысая дрянь думает, что может бросить мне вызов, то она очень ошибается.

Уголки губ Димы дергаются, и он едва заметно качает головой. Но ничего не говорит. Только берет меня за руку и разворачиваются к столику напротив.

К моему удивлению, никто, кроме любовницы мужа, на нас не смотрит. Мужчины о чем-то разговаривают, я даже иногда улавливаю их смех. Зато взгляд блондинки полный ненависти, и ее оттопыренная нижняя губа становится для меня лучшим подспорьем не сбежать. Посмотрим, дорогая, кто кого.

Сжимаю руку Диму и с гордо поднятой головой иду к столику. Каблуки стучат по паркету и привлекают внимание мужчин. Улыбка спадает с лица дяди Руслана, когда он видит, что мы направляемся к ним. Взгляд любовницы мужа становится еще более разъяренным. Зато мужчина рядом с ней выглядит слишком дружелюбным. Улыбка до ушей, которая не касается его глаз, вызывает мелкую дрожь по телу, но я не останавливаюсь, пока не сажусь на стул, который выдвинул для меня Дима. На любовницу мужа намеренно не смотрю, как и на дядю Руслана, который сидит рядом со мной.

— Позвольте представить вам свою жену — Еву, — Дима садится на стул, принесенный

специально для него, и под столом сжимает мою руку. — А это Петр Алексеевич Лисовец. — Мужчина приподнимается с кресла и кивает, прежде чем сесть вновь. — И его дочь — Ольга.

Ладони потеют. Дима так сильно сжимает мои пальцы, что мне не удается освободиться от его хватки, хотя я пытаюсь.

— Добрый вечер. И приятно познакомиться, — улыбаюсь Петру Алексеевичу, глядя прямо в его стальные глаза. Они такие холодные, что я невольно ежусь и отодвигаюсь подальше к спинке кресла. Дима сильнее сжимает мои пальцы, и я наконец могу сделать вдох полной грудью. Он обещал всего десять минут.

— Мне тоже очень приятно, — мужчина улыбается еще шире, показывая мне свой давно пожелтевший оскал. — Я слышал, что у Дмитрия есть жена, но не думал, что вы такая красавица.

— Благодарю за комплимент, — коротко улыбаюсь и бросаю взгляд на мужа, посылая намек, чтобы он действовал быстрее.

Я напряжена. И мне стоит огромных усилий не обращать внимания на блондинку, которая прожигает меня взглядом. Я чувствую его на себе. Он такой скользкий, неприятный и наполненный яростью, что мне нужно приложить максимум усилий, чтобы не вскочить с места и не убежать, как можно дальше. Или хотя бы не вцепиться в ее патлы. Это как повезет.

К нам подходит официант и расставляет напитки, а передо мной и Димой также ставит тарелки. Бокал белого вина манит, но я так к нему не прикасаюсь. Нельзя сейчас затуманить разум. Поэтому думаю лишь о дыхании. Вдох. Выдох. Вдох. Выдох.

— Ольга просила у меня номер Дмитрия, — Петр Алексеевич берет бокал наполненный красной жидкостью и делает глоток. — Но я ей его не дал. Как вижу, оказался прав. Зачем лезть в такую красивую семью?

— Папа! — писклявый визг заставляет меня прикусить щеку — только бы не сорваться.

— Что папа? — Петр Алексеевич бросает взгляд на дочь. — Вокруг столько достойных мужчин, не чета моей дочери бегать за женатыми.

Меня так и подмывает посмотреть на белобрысую дрянь, которая, по всей видимости, не послушалась папочку, но я держусь. И на этот раз даже язык прикусываю.

— Так у вас есть мой контакт? — голос Димы гроыхает так, что я едва не подпрыгиваю в кресле, но он легко пожимает и поглаживает большим пальцем мою ладонь. Это успокаивает. Ненадолго. В груди начинает зарождаться волна злости на мужа за то, что он втянул меня в это безобразие. Вырываю руку из хватки Димы и кладу ее на стол, второй — насаживаю лосось на вилку и отправляю кусок в рот. Вкуса не чувствую совсем. Зато взгляд блондинки посылает по коже электрические разряды, которые так и норовят вырваться наружу. Вызывают всего одно желание — придушить. Ну и мужу по голове настучать не помешало бы.

— Конечно же, у меня есть ваш контакт, — Петр Алексеевич откидывается на спинку кресла и крутит бокал в пальцах.

— Могу ли я тогда спросить, почему вы со мной не связались? — Дима выглядит расслабленным, даже слишком.

Я не заметила, как он расстегнул верхнюю пуговицу на своей рубашке и развалился в кресле. К еде, которую поставили перед ним, он так и не притрагивается. И, к моему удивлению, на любовницу он тоже не обращает никакого внимания. Дима полностью

сосредотачивается на Петре Алексеевиче, который с полуулыбкой смотрит на мужа как на нашкодившего юнца.

— Если бы была такая необходимость, то мы бы уже с вами встретились, Дмитрий, — Петр Алексеевич делает глоток. — Как сейчас, например.

Напряжение за столом давит на плечи. Я и без того была заведена максимально и готова подорваться с места, а сейчас вообще хочется скрыться как можно скорее. И похоже, это чувствую не только я.

— Дамы и господа, давайте выпьем за встречу, — дядя Руслан подрывается со своего места. — Надеюсь, сегодняшней вечер станет для нас очень плодотворным.

Он поднимает бокал, но никто не спешит следовать за ним. Все сидят и сверлят друг друга взглядами. Время тянется так долго, что кажется я слышу тиканье часов, которых у меня нет.

— И в правду чего это мы, — Петр Алексеевич приподнимает свой бокал и салютует дяде Руслану. — Нужно же нам с чего-то начинать.

— Надеюсь, что сегодня мы не только начнем, но и завершим, — Дима тоже двумя пальцами обхватывает ножку бокала.

Краем глаза улавливаю движение руки в белом, но сама не притрагиваюсь к алкоголю. Вот что-что, а пить с любовницей мужа я точно не собираюсь. И конечно, это не остается незамеченным.

— Ева, дорогая, а как же вы? — Петр Алексеевич хмурится, а через мгновение на его лице расцветает широкая и, главное, искренняя улыбка. — А-а-а, все понятно.

Теперь настает моя очередь посылать ему непонимающий взгляд и хмуриться. Я приподнимаю бровь и получаю снисходительную улыбку от мужчины.

— Вы же в положении, так?

Дима переводит взгляд на меня. Глаза чуть расширены, брови приподняты. Наконец-то я вижу у него на лице эмоции — он удивлен. Если бы я не знала его настолько хорошо, то вряд ли бы увидела изменения.

Внимание всех остальных за столом я тоже привлекаю.

— Ева? — дядя Руслан коснулся моей руки. Но я ее сразу же одергиваю.

Глаз от Димы не отвожу.

— Нет! — тянусь к бокалу и пью. Терпкая жидкость разливается по языку, и я глотаю. — Я не беременна.

Рука дрожит. Вино плещется в бокале, пока я не ставлю его на стол.

На мгновение забываю, что сижу за столом с любовницей мужа и бросаю неосторожный взгляд на любовницу мужа. Тут же вспоминаю, что мы с ней сидим за одним столом. Конечно же, она неотрывно смотрит на меня. Выглядит немного растерянной, но раздражение, которые искажает ее лицо, перебивает все остальные эмоции. Она сидит, сложив руки на груди, и не прикасается к своему бокалу. А когда замечает мой взгляд, приподнимает бровь.

Я поражаюсь ее наглости, сжимаю в руке подол платья и тоже посылаю ей взгляд полный пренебрежения, после чего отворачиваюсь.

— Простите меня, ради Бога, — Петр Алексеевич выглядит взволнованным, и даже немного покраснел. — Надеюсь, я вас не задел. У нас с женой долго ничего не получалось, пока не появилась Оленька, поэтому я понимаю, что эта тема может быть болезненной.

«Оленька» фыркает, сидя рядом с отцом, но никто не обращает на нее внимания.

— Нет, — в горле першит, поэтому я прокашливаюсь. — У меня в этом плане все в порядке.

Дарю мужчине легкую улыбку, хотя чувствую, как капля пота катится по позвоночнику, пока вспоминаю последний раз на капоте и пытаюсь в голове подсчитать даты. Этого не может быть.

— Вернемся к делу, — Дима отвлекает присутствующих на себя.

А я чувствую, как дядя Руслан под столом сжимает мою руку. На этот раз я ее не отталкиваю — мне не до этого. Может, это стресс?

— Дмитрий, вижу вы — человек дела. Не зря должность генерала досталась вам в таком молодом возрасте, — Петр Алексеевич глухо смеется, но я его почти не слышу. Мысли заглушают все. Сама сжимаю руку дяди Руслана.

— Ты в порядке? — шепчет он мне на ухо.

Я киваю, глядя на лосося и вилку, которая лежит на белоснежной тарелке рядом с ним зубчиками вниз.

— Может, не будем ходить вокруг да около? — Дима тянется за своим бокалом и тоже выпивает глоток вина. — Как я могу связаться с вашим генеральным?

Петр Алексеевич качает головой. Официант «очень вовремя» приносит заказ. Какой-то салат для «Оленьки» и стейки с запеченным картофелем для мужчин. Дядя Руслан отпускает мою руку и берет нож с вилкой. Я остаюсь без поддержки. Но быстро забываю обо всем, когда ловлю подозрительный взгляд мужа, брошенный на меня поверх бокала. К своей еде он так и не притрагивается, на «Оленьку» тоже не смотрит. Я ненадолго забываю о своей проблеме, сделав себе в голове пометку, проверить.

— А чем я вас не устраиваю в качестве связующего звена? — Петр Алексеевич отрезает небольшой кусок от стейка и кладет его в рот, а от меня не скрывается степень прожарки мяса — с кровью.

Мурашки покрывают кожу, и я провожу ладонями по рукам, чтобы их убрать.

— Я привык решать проблемы на самом высоком уровне, — Дима ставит бокал на стол и, наконец, тоже берет вилку. — Простите, если проявляю неуважение, но это, явно, не вы.

Дима ребром вилки отламывает кусок рыбы и отправляет его в рот. Жует медленно, размеренно и также не спеша глотает. Со стороны он кажется слишком расслабленным.

— К сожалению, «высший уровень» сейчас недоступен, — нож Петра Алексеевича противно скрипит по тарелке, когда он отрезает очередной кусок мяса. Морщусь — И я бы тоже вряд ли был, если бы Руслан Владиславович не подключил все наработанные за годы связи. Меня очень попросили пойти ему навстречу. И вам, в том числе. Но только на одну встречу.

Петр Алексеевич не прекращает есть, на Диму не смотрит. Зато взгляд его дочери продолжает скользить по мне. Я его чувствую, хоть и не вижу.

— Раз у нас всего одна встреча, давайте говорить начистоту, — Дима тоже продолжает есть. Хочет показать, что равны с Петром Алексеевичем. Это тактика такая? — Не знаю, что задумал ваш хозяин, хотя догадываюсь, но я не позволю ему вмешаться в мои дела с шейхом. И надавить на него с помощью жены тоже не позволю.

Дима кивает дяде Руслану. Тот достает из кармана пиджака конверт и протягивает его Петру Алексеевичу. Мужчина кладет приборы на тарелку, и прежде, чем взять конверт, берет полотняную салфетку со стола и промакивает ею губы. Сначала один уголок, потом другой.

Только после того, как салфетка оказывается на столе, Петр Алексеевич берет конверт. Его брови собираются у переносицы, а губы превращаются в белую линию, стоит ему достать содержимое. Я сразу понимаю, что это фотографии. Но только, когда Петр Алексеевич бросает их на стол, вижу, что на них изображено. И узнаю.

Фотографии, которые я видела в кабинете мужа, рассыпаются не только по столу, но и по еде. Одна даже попадает на мою тарелку — на ней любовница мужа в примерочной красуется перед зеркалом в красном лифчике.

— Что-то подобное вы прислали шейху, верно? Только на фотографиях Елизаветы был добавлен еще и прицел, так? — Дима кладет приборы на стол, прежде чем встать. Его рыба наполовину съедена, в отличие от моей почти нетронутой. — Это далеко не все. Есть еще видео, которые вы не захотите видеть на просторах интернета. Если что, моего лица там нет, а вашу дочь можно узнать с первых кадров. Ева пойдём.

Дима протягивает мне руку, и я сразу же принимаю ее. Над столом сгущаются тучи, в прямом и переносном смысле. По стеклянному потолку начинает бить капли, а руки Петра Алексеевича сжимаются в кулаки. Лучше уйти пока не разверзлась настоящая буря.

Я встаю как можно быстрее. Подол юбки цепляется за ручку кресла, но я его тут же освобождаю и позволяю Диме увести меня. Дядя Руслан остается за столом, наверное, собирается взять удар на себя. Или ему что-то еще нужно обсудить. Понятия не имею. Но мне все равно, хочу обратиться с этого ресторана подальше.

Мы пересекаем половину ресторана, когда сквозь чирикание птиц, смешанное со стуком дождя о стекло, до нас доносится громкий голос:

— Оля, сядь на место!

Я спотыкаюсь. Пальцы Димы крепче сжимаются вокруг моих. Он поддерживает меня, не дает упасть, но не останавливается, пока мы не покидаем ресторан. Как только мы выходим в коридор и за нами захлопывается дверь, нас окутывает тишина, но ненадолго.

— Дима, стой! — голос любовницы мужа, как и стук приближающихся каблуков, доносится до нас, когда мы останавливаемся у лифта.

— Ева, иди в машину, — Дима нажимает на кнопку лифта, двери тут же разъезжаются.

Муж подталкивает меня к выходу, но я не поддаюсь.

— Нет уж, хватит! — шиплю я, глядя в его темные глаза. — Ты больше не будешь мной пренебрегать.

Дима не успевает ничего ответить.

— Ты меня использовал? — «Оленька» втискивается между нами и толкает мужа в грудь. Я сама отшагиваю назад, а Диму даже пошатнуть не удастся. Он просто перехватывает запястья любовницы.

Она пытается вырваться, дергает руки, брыкается, но Дима не отпускает. Оленька не сдаётся — она замахивается ногой и бьет Диму по голени, но сама взвизгивает и несколько раз подпрыгивает на одной ноге, когда Дима даже глазом не моргает.

Двери лифта вновь захлопываются.

— Ты — истукан! — бросает она в мужа, но ее бравада постепенно спадает. — Как ты мог со мной так поступить?

Голос «Оленьки» искажается. Я не вижу лица любовницы, но подозреваю, что ее глаза наполняются слезами. Скорее всего, фальшивыми.

— А ты думала между вами любовь? — не выдерживаю я.

«Оленька» резко оборачивается и бросает на меня уничтожающий взгляд. Слез в ее

глазах не замечаю, а губы больше напоминают оскал.

— Помолчала бы, — шипит она. — Он изменял тебе! Со мной!

— Ага, чтобы было, чем прижать твоего папочку, — я приподнимаю бровь и складываю руки на груди.

Из «Оленьки» вырывается рычание и, если бы Дима ее не держал, она точно бросилась бы на меня. Но как только любовница мужа дергается в мою сторону, руки Димы напрягаются, и он тянет «Оленьку» вверх. Она повисает на его вытянутых руках. Ей приходится встать на носочки, чтобы иметь хоть какую-то опору.

— Дима? — слезливый голосок «Оленьки», как и взгляд вновь предназначен моему мужу.

— Возвращайся к отцу и не позорься. Ты прекрасно знаешь, кто я такой. Лучше тебе со мной не связываться, чтобы потом не пожалеть, — Дима отпускает руки, видимо, бывшей любовницы и отходит назад. Ей еле удается устоять — нога подворачивается. Странно, что она еще каблук не ломает. — И как я тебе уже говорил: забудь мой номер. Еще один звонок, и пеняй на себя.

Даже у меня кожа покрывается мурашками от голоса мужа. «Оленька», конечно же, тут же тушует. Ее плечи опускаются, но ненадолго.

— Козел! — бросает она Диме, прежде чем развернутся и потопать обратно в ресторан. Но у самой двери она оборачивается. — Ты об этом еще пожалеешь! Вы оба!

Она заходит внутрь и хлопает дверью так, что только благодаря удаче стекло не бьется. Зато звук дребезжащего стекла разносится по всему коридору.

Дима снова нажимает на кнопку лифта, и двери опять разъезжаются. Муж протягивает мне руку, но на этот раз я ее игнорирую. Захожу в лифт. Не смотрю на него, пока мы спускаемся вниз. На улице иду к машине так быстро, как могу. Тем более дождь меня подгоняет. В машину сажусь тоже без его помощи. Дима даже дверь не успевает мне открыть.

Меня подмывало послать мужа подальше и вызвать такси, чтобы не ехать с ним в одной машине. Но я передумала в последний момент.

У меня остается еще один важный вопрос.

Но я не задаю его, когда мы отъезжаем от ресторана. На протяжении всей дороги сижу напряженная до такой степени, что кажется одно слово от Димы, и я взорвусь. Но он молчит. Я тоже. Наблюдаю сначала за мелькающими огнями города, а потом деревьями и полями. В голове крутятся мысли. Несколько раз набираю в легкие воздух, и почти сразу выпускаю его обратно. Только перебираю пальцами подол платья, сминая его до неприглядного вида.

Зато, когда мы подъезжаем к дому родителей Димы, понимаю — сейчас или никогда! Руки дрожат. Сердце бьется. Ремень безопасности режет грудь, и я нажимаю на защелку, прежде чем снова набрать в воздух в легкие.

— Так все из-за работы? — голос хрипит, и я даже слотнуть не могу, потому что во рту пересохло.

— Да, — Дима тормозит у входа, глушит двигатель и откидывается в кресле.

На дом он не смотрит, предпочитая вглядываться в темноту лобового стекла.

— Давай угадаю, в другие разы ты изменял мне по этой же причине.

Тишина становится лучшим подтверждением.

Горько усмехаюсь.

— И сколько их было?

— Ева... — Дима прикрывает глаза.

— Что Ева?! — кричу я, впиваюсь ногтями в ладони изо всех сил, сдерживая желания врезать мужу. — Я не имею права знать? Может, мне еще на венерические заболевания нужно провериться? Мало ли, с кем ты спал!

— Ты знала, что ради достижения целей я сделаю все, — Дима тяжело вздыхает, но так и не смотрит на меня. — Тебе не нужно проверяться ни на какие заболевания.

— Хорошо хоть так, — взмахиваю руками и хлопаю по бедрам. Вдох. Выход. Беру себя в руки. Туман в голове немного развеивается. — А в ведь я была средством для достижения цели, верно?

Мне не нужен ответ, но я все-таки его получаю.

— Не только, — голос мужа в тишине салона бьет по ушам, вызывая звон в голове.

Не только...

Не только...

Не только...

Страшно узнать другие причины. А зачем мне, собственно, их знать? Плевать! Пусть катится в преисподнюю и он, и его цели!

— Ты всегда ставил работу выше меня, — произношу я еле слышно, хотя хочу орать во все горло. — О моих чувствах ты никогда не думал. И не любил меня ничего, иначе бы так со мной не поступил!

Глаза жжет, и я зажмуриваюсь. Не помогает. Слезы подступают, в горле появляется ком, который даже сглотнуть не удастся. Кусаю губу так сильно, как только могу. Не хочу снова показывать ему свою слабость. Делаю глубокий вдох и открываю дверцу машины. Капли дождя тут же попадают на оголенную кожу, посылая дрожь по телу. Но выходить не спешу. Осталось последнее.

— Я помогу тебе с шейхом, но на этом все, — дождь становится сильнее, и я ежусь. — Не хочу тебя больше видеть. Надеюсь, мы встретимся на балу в последний раз.

Глава 17. Бонус. Генерал

Ева заходит в дом моих родителей. Не оглядывается. Просто закрывает за собой дверь и все. Я же не могу отвести от нее взгляда. И без того ненавижу этот дом. А сейчас ощущение, что он забирает у меня жену, пожирает изнутри. Хотя понимаю, что виноват сам. Скулы сводит от напряжения. Желание выбить дверь этого чертового дома, закинуть Еву на плечо и запереть ее где-нибудь почти непреодолимо, но я его подавляю. Сейчас не до этого. Есть куда более важные дела, которые требует немедленного вмешательства. Отправляю сообщения с адресом братьям и нажимаю на номер, который в последнее время часто мелькает у меня в контактах.

Один гудок. Второй.

— Да!

— Какого хрена ты меня не предупредил, что эта припрется в ресторан? — я сажусь удобнее и завожу двигатель.

— А какого хрена ты взял с собой мою племянницу? — Руслан чуть ли не рычит в трубку.

Я же готов его придушить. Если бы не он, Еве не пришлось бы проходить через все это в ресторане.

— Ты забыл, что сообщил мне о встрече в последний момент? — я сжимаю руль до побеления костяшек. — Я уже тогда был с Евой. И вообще, я не обязан перед тобой оправдываться.

— Еще как обязан! — на фоне слышу скрип и хлопок закрывшейся двери, которые сменяются глухими шагами, после чего наступает тишина. — Я правильно понял, что ты спал с дочкой Лисовца?

В тишине голос Руслана звучит зловеще. Если бы мы сейчас оказались рядом, он бы точно попытался набить мне морду. Но ему не повезло, через трубку ему меня не достать. А словами меня не проймешь. Да и кулаками тоже. И не через такую жизнь заставила пройти.

— Это не твое дело, — глухо отвечаю я, отъезжая от ненавистного дома. — Лучше расскажи мне, чем все закончилось с Лисовцом? Удалось узнать что-то про генерального?

— Еще как мое! — в трубке слышен стук, будто кто-то что-то ударил, но решаю не переспрашивать. — Если ты причинил боль Еве, я тебя со света сживу. Когда она убежала от тебя к шейху, я подумал, что вы поругались и она взбрыкнула. Но после увиденного сегодня...

— Хватит! Повторю, наши отношение с Евой — не твое дело! — я резко сворачиваю на главную дорогу и набираю скорость.

— Я эту девочку вырастил! — Я никогда не слышал, чтобы Руслан кричал. Похоже, у меня сегодня день открытий. — Как ты додумался посадить ее за один стол с Лисовцом и своей любовницей?

— А что мне оставалось делать? — вжимаю педаль в пол, дождь хлещет в лобовое стекло, подключаю дворники, но они не справляются с потоком воды. — Или лучше было отправить ее домой одну, чтобы Лисовец перехватил ее по дороге, когда увидел, какие козыри я достаю из рукавов. Сейчас она хотя бы под защитой людей Вадима.

Я замолкаю. Руслан тоже. Тишину прерывает только стук дождя о машину. Видимости почти нет, дорогу освещают только фары. Но скорость я не снижаю. Адреналин, которые

несется по крови, помогает отвлечься от мыслей, не покидающих меня последние несколько недель. Я пытаюсь от них избавиться. Загружаю себя работой. Решаю проблемы. Тягаю железо в зале. Но они все равно иногда прорываются. А мне сейчас нельзя отвлекаться, не тогда, когда «игра» вышла на новый уровень.

— Что там с Лисовцом? — напоминаю Руслану, и слышу его тяжелый вздох, после которого следует скрип кресла.

— Сейчас ты загнал его в угол. Дочурка — его слабое место. Но думаю, он все равно попытается выбраться из ловушки, в которую попал по твоей милости.

— Генеральный?

Руслан усмехается.

— Ты же не думал, что он выдаст его имя?

Пожимаю плечами.

— Попытка не пытка.

— Что дальше? Есть запасной план? И про какое видео ты говорил за столом?

— По поводу видео можешь не переживать. И из-за Лисовца тоже. Этим займется Вадим. А вот план... — я стучу большим пальцем по рулю, прижимаю телефон плечом к уху и вдавливаю педаль в пол. — Придется ждать. Генеральный сам сделает следующий шаг, когда поймет, что его пешка не удел.

— Вы с братьями затеяли опасную игру, — будто наяву вижу, как Руслан качает головой, прежде чем зажать пальцами переносицу. — Ты же понимаешь, если вы загоните зверя в угол, он кинется на вас?

Мои губы растягиваются в улыбке.

— Как раз на это я и рассчитываю.

Пустота дороги и kloкочущий дождь еще сильнее разгоняют в моей крови адреналин. Генеральный давно сует мне палки в колеса. Из-за него я потерял несколько важных контрактов. Братья тоже с ним столкнулись. А личность его до сих пор остается скрыта. Но на этот раз он повысил ставки, подключив к нашей игре шейха. Это была его ошибка.

— Ева... — Руслан напоминает о себе, как раз в тот момент, как я заворачиваю. Машина виляет, но мне удается выровнять ее. Вот только телефон падает между сиденьем и дверцей машины. Поэтому приходится съехать на обочину и остановится, чтобы доставать его.

Когда я выпрямляюсь, свет фар от машины, едущей по встречке, ослепляет. Жмурюсь и прикладываю телефон к уху.

— Я сам разберусь со своей женой, — снова завожу машину, но на этот раз решаю не гнать. Тем более еще одна машина проезжает мимо. — Лучше продолжай поднимать связи. Нам нужно узнать личность генерального. Не просто же так он скрывается в тени. Что-то за этим кроется.

Выруливаю на дорогу и готовлюсь встроиться в поток машин, которых вот-вот должно стать больше.

— Хорошо, но еще раз предупреждаю, если ты причинишь боль Еве... — Руслан говорит слишком серьезно, и я улыбаюсь.

Еве нужен будет кто-то, кто сможет защитить ее, когда я сдержу свое обещание.

— Знаю-знаю, ты оторвешь мне яйца, — я вздыхаю. — Руслан, нам нужно разобраться с генеральным, как можно скорее. Он перешел черту, угрожая жене шейха, а потом еще раз, пытаясь похитить их двоих. Все только чтобы сорвать сделку. Следующий шаг точно будет

серьезнее.

Меня это достало! Нужно разделаться с ним раз и навсегда!

Наш с братьями любимый со студенчества Саша бар находится в самом центре города, но при этом скрыт от посторонних глаз во дворе домов. Чтобы добраться до него, мне приходится объехать ни одну пробку, но все равно я появляюсь первым.

Прошло больше полугода, когда я последний раз был в баре «Мулата», но ничего не поменялось. Те же балки, свисающие с потолка так низко, что приходится склонять голову, лишь бы не удариться о них лбом. Те же деревянные столы, отделанные под старину, со стульями, которые явно шли в комплекте. Те же винные бутылки везде: в баре, на стенах и даже на столах, только покрытые остывшим свечным воском.

Людей немного. Но приглушенное освещение не скрывает никого.

Мужчина в черных брюках и сером свитере у бара явно перебрал с алкоголем, если судить по шатанию и тому, как нога его постоянно соскальзывает с подножки барного стула. Двое недоедающих студентов в растянутых свитерах устроились за столиком в углу возле бара. Они что-то бурно обсуждают, сильно жестикулируют. Кофе в белоснежных чашках давно выпит, ничего другого парни не заказывают, зато разложили на столе тетради, а на спинке одного стула висит тубус для чертежей. Пара: щупленький парнишка в костюме на пару размеров больше и русоволосая девушка в блузке с цветами, застегнутой на пуговицы прямо до горла, — расположились за столиком у стены недалеко от входа и явно находятся на неудачном свидании. Лица парня не вижу, но поджатые губы девушки и руки, сложенные на груди, четко обрисовывают ситуацию. Красное вино на дне бокалов не спасает положение.

Я выбираю столик на четверых в дальнем углу. Пересекаю зал и, предварительно бросив телефон на стол, сажусь. Место выбираю, с которого просматривается весь бар и хорошо видна входная дверь. Откидываюсь на жесткую спинку стула и прикрываю глаза. В голове стучит, виски колит, но я засовываю мысли боль подальше, при этом набрасывая идеи, с кем еще можно связаться, чтобы решить проблему. Вот только не успею соединить все нити плана воедино, как улавливаю звук приближающихся шагов и распахиваю глаза.

Светловолосый парень в черных джинсах и футболке, на которой красуется бейдж «Никита», останавливается у стола. Здоровается и протягивает мне меню.

— Добрый вечер. Оставьте, — указываю подбородком на стол. — И сразу принесите виски. Чистый.

— Есть определенные предпочтения? — парень кладет меню на стол.

— Принесите лучшее, что у вас есть, — музыка с басами давит на виски. — И потише сделайте.

Парень кивает и уходит за барную стойку. Новенький, что ли? Раньше я знал всех работников, но, видимо, ничто не вечно. Но да ладно, осталось одно дело, которое требует моего срочного вмешательства. Беру телефон, и отправляю письмо, которое уже давно висит в черновиках. Одновременно улавливаю, как музыка становится тише.

Скрип двери привлекает внимание. На мгновение напрягаюсь, но тут же расслабляюсь, когда вижу Сашу со спортивной сумкой в руке. Он обводит взглядом бар, замечает меня и пересекает зал.

— Брат, — Саша протягивает руку.

Я, приподнимаясь, тут же ее пожимаю. Он бросает сумку на стул напротив меня, туда

же летит косуха, которую он стягивает с плеч, оставаясь в серой футболке, обтягивающей его тело, и спортивных штанах. Прежде чем занять место рядом со мной, Саша тоже кладет телефон на стол. Экран тут же загорается, брат бросает на него взгляд и качает головой. Его волосы завязаны в хвост. На мной взгляд, они слишком отросли. Но не мне судить.

— Работа? — я приподнимаю бровь.

— Да, — Саша закатывает глаза, я хмурюсь. Раньше он не реагировал так на работу, и сообщения не игнорировал. А судя по тому, что его экран гаснет, а Саша так и не притронулся к телефону, точно что-то не так.

— Генеральный? — приподнимаю бровь.

— Дело не в этом, — Саша тянется к меню, но в последний момент передумывает, откидываясь на спинку стула. — Точнее не совсем. Есть проблемы с поставками по его милости, но я разобрался. Надеюсь, новых не возникнет. Хотя бы в ближайшее время.

— Нужно заканчивать с ним, — сжимаю челюсти и осматриваю брата, чья щетина уже начала превращаться в бороду. — А ты зарос.

— Есть такое, решил не тратить время, которого и так нет, — Саша тянется к подбородку и поглаживает его. — Но да, ты прав, пора избавиться от этого.

Я усмехаюсь. Вадима я вижу нечасто, а Сашу еще реже. Мы отделились, когда я записался в армию и уехал на службу. Вадим пошел по моим стопам. Саша же решил повторить путь нашего отца. Надо отметить, что у него отлично получается. Вот только, главное, чтобы он не закончил также.

— Зачем ты нас так резко выдернул? — Саша бросает взгляд на телефон, экран которого опять загорается, и поджимает губы.

Что так может вывести из равновесия самого спокойного человека из всех, кого я знаю?

Но не успеваю ни задать вопрос, ни ответить, грохот сотрясает помещение, и я перевожу взгляд на вход.

Вадим в безразмерной черной толстовке влетает в бар, быстро сканирует пространство и несется к нам. По дороге задевает бедром стул, но не останавливается, пока не достигает нашего столика.

— Что, блядь, это такое? — он бросает третий телефон на стол, а мне даже не нужно смотреть на экран, чтобы понять, о чем речь.

— Видео, — я пожимаю плечами. — Отправь Лисовцу, если начнет дергаться. Не остановится, распространит.

Вадим выглядит, как черт. Волосы взлохмачены, брови нахмурены, глаза бешеные. Под ними залегли глубокие тени, которые кажутся еще темнее из-за заостренных скул и сжатых челюстей. Брат несколько долгих мгновений сверлит меня взглядом, после чего шумно выдыхает.

— Вот скажи, ты — идиот? — он плюхается на единственный свободный стул. — Думал, если там нет твоего лица, я тебя не узнаю?

— Ничего я не думал, — тру пальцами глаза, в которые будто песка насыпали. — Дело сделано. Теперь уже нет смысла об этом говорить.

— Нет, ты точно идиот, — Вадим неверяще смотрит на меня. — У тебя что ли людей в подчинении мало? Не мог отправить кого-то? О чем ты думал? Уж точно не о Еве!

— Не лезь в наши с Евой отношения, — цежу я сквозь зубы.

Глаза Вадима сужаются. На лбу появляется глубокая морщинка.

— Она знает, да? — Вадим пристально смотрит на меня. Ищет ответ на моем лице, и

находит. — Точно знает! — он взмахивает руками, а морщинка на его лбу становится глубже. — Тебе мало одного раза, ты решишь повторить? Тогда у тебя хоть оправдание было — номинально ты был свободен. А сейчас? — глаза Вадима распахиваются. — Поэтому она попросила Артема о помощи! Жаль, что она ко мне не пришла, я бы сам ей помог. И тогда ты ее точно не нашел бы!

Я подрываюсь с места и через стол нависаю над братом.

— Еще раз повторяю, не лезь в наши с Евой отношения, — я чеканю каждое слово. Любой другой бы стушевался, увидев меня в таком состоянии, но не Вадим. Он лишь вскидывает брови, упирается ладонями в стол и поднимается.

Мы сверлим друг друга взглядами, пока еще одна тень не нависает над нами.

— Все, брейк. Расходимся, — Саша разводит нас своими огромными руками и ждет, пока мы оба не возвращаемся на свои места. Но сам не садится, он поднимает телефон Вадима и нажимает на экран. Секунда, две. Его глаза расширяются. Всего на мгновение. После чего он стискивает зубы, едва заметно качает головой, нажимает на кнопку блокировки и кладет телефон экраном вниз.

Саша опускается на свое место. Он ничего не говорит, но я вижу осуждение на его лице. Зато Вадим, похоже, решил сегодня высказать мне все.

— Скажи, это тебе в армии мозги отбили? Или ты после того, что случилось с родителями стал таким придурком?

Я тяжело вздыхаю и складываю руки на груди.

— Может, закроем тему?

— Ну уж нет! — Вадим повторяет мою позу. — Ты и без того бесчувственный чурбан. Я понятия не имею, что Ева в тебе нашла. Похоже, она жесть как сильно любила тебя, раз терпела все это время. А ты... За что ты с ней так?

— Выбора не было, — рычу я. — Эта молочка запала на меня. Других игнорировала. А времени становилось все меньше, сам знаешь. Я принял решение. Ева не должна была узнать.

— Это самое идиотское оправдание, которое я слышал! — телефон Вадима звонит на столе, и он берет его, но только, чтобы отклонить вызов. — Ты мог бы обратиться ко мне. Вместе мы что-нибудь придумали бы. Но ты, как обычно, поставил дело выше чувств своей жены. У тебя совсем мозгов нет?

— Ставки слишком высоки, — в груди начинает закипать.

— Оправдывайся теперь! — Вадим сжимает телефон в ладони, странно, что тот не превращается в металлолом. — Что собираешься делать? Зная Еву, она вряд ли тебя простит. И если честно, я ее понимаю.

— Хватит! — я бью кулаком по столу, привлекая внимание немногочисленных посетителей бара.

Кстати, о баре. Где мой виски?

— Вадим, — Саша не любит вмешиваться в чужие разборки, но на этот раз не остается в стороне. — Остановись.

— Нет, пока он не выслушает меня, — Вадим окидывает Сашу тяжелым взглядом, прежде чем посмотреть на меня. — Ева — единственное хорошее, что есть в твоей жизни. Пока ты не встретил ее, я боялся найти тебя в том же состоянии, что и ты родителей когда-то. Когда появилась Ева, ты будто смысл обрел. Приумерил пыл, перестал лезть на рожон. А что теперь? Разведетесь? Ты опять начнешь записываться на самоубийственные миссии? И в

какой-то момент не вернешься? Ведь смысла возвращаться домой у тебя больше не будет.

Я стискиваю челюсть, но не тушуюсь под испытывающими взглядами братьев. Саша хоть и молчит, но я-то знаю, что он на стороне Вадима. Когда я записался в армию, он был подростком. Мой уход — очень повлияло на него. Хоть он никогда мне ничего не говорил и не высказывал претензий. Но тогда у меня не было выбора. А что сейчас?

Вадим прав. Я и без него все знаю. Но уже ничего не исправить, зачем лишний раз мусолить тему, когда у нас есть другие более серьезные проблемы?

— Я разберусь с Евой, — выдавливаю из себя и, наконец, ловлю взглядом бармена, который с опаской поглядывает в нашу сторону. Приподнимаю бровь. Он тут же понимает намек: кивает, после чего начинает возиться с бутылками.

— Не разберешься, — плечи Вадима опускаются, он ослабляет хватку на телефоне. — Не уверен, что с таким вообще можно разобраться. Боюсь, что, в итоге, мы тебя потеряем.

Вадим взволнованно смотрит на меня, и я расслабляюсь. Пожар в груди начинает затихать. Брат переживает, это понятно. Особенно, если вспомнить, через что мы прошли и из какой жопы он меня вытащил.

— Я обещаю тебе, — кладу руку на плечо Вадиму, сильно сжимаю, — вам обоим, вы не потеряете меня раньше времени. Но для этого нам нужно разобраться с генеральным.

Вадим напрягается. Саша тоже. Но никто ничего не говорит. Бармен приносит виски и принимает заказ у братьев — воду для обоих.

— Я так понял, нам нужен новый план, — Саша вытягивает руки и закладывает их за голову.

— Да, Лисовца мы убрали с дороги, но генеральный все еще остается в тени, — я делаю глоток виски.

Обжигающая жидкость стекает по горлу, позволяя мне отвлечься от мыслей, которые и раньше пытались прорваться через умело выстроенную стену. А после того, как Вадим их озвучил, начали просачиваться через пробитые им щели.

— У нас есть еще одна проблема, — Вадим бросает на меня настороженный взгляд.

— Какая? — я замираю.

— Артем пропал.

«Ева, ты мне должна!»

Я бросаю телефон на кровать и спускаюсь по стене на пол. Обои с цветочками уже бесят. Они несут за собой беззаботность, а у меня в жизни полный раздрай. Зарываюсь руками в волосы и прислоняюсь лбом к коленям.

Не могу больше! Не могу!

Ладно бы только Артем написывал. Но еще и папа не оставляет меня в покое. Звонит несколько раз в день. Я не отвечаю, но он не сдается. Как он еще маму на меня не натравил? Она явно не в курсе происходящего, потому что иначе уже примчалась бы и прочитала лекцию о проявлении строптивости в семейных отношениях. Хорошо, хоть Дима решил меня не одолевать. Если бы еще и он доставал меня, и не дай Бог появился на пороге, я точно сошла с ума бы.

Все, что мне сейчас нужно — спокойствие. У меня и без них всех есть проблемы, с которыми нужно разобраться. Принять решение, меняющее жизнь.

Трель телефона раздается из вороха одеяла. Стону. Ну твою же мать! Поднимаюсь на ноги, и игнорируя гаджет, иду в ванную. Включаю холодную воду, набираю ее в ладони и обдаю лицо. Только после этого чувствую себя более или менее живой, зато, когда смотрю на себя в зеркало, начинаю в этом сомневаться. Лицо бледное и почти сливается с белой плиткой на стенах ванной. Под глазами залегли тени — результат того, что я уже пару дней, как просыпаюсь посреди ночи и не могу уснуть. Губы покрылись шелушинками из-за постоянных покусываний. Волосы собраны в небрежный пучок, безразмерная футболка, которая непонятно как оказалась в моих вещах, доходит мне почти до колен, скрывая шорты для йоги — совсем не похоже на привычную меня.

Отдаленная трель смолкает, и я тянусь к белому пушистому полотенцу, висящему на крючке у зеркала. Только взять его успеваю, как вздрагиваю, потому что телефон снова начинает звонить. Вздыхаю и вытираю лицо. Еще раз смотрю на себя. Краски, кажется, ко мне в ближайшее время не вернуться, но хотя бы чувствую себя посвежевшей. В животе бурлит, и я кладу на него ладонь. С утра я ничего не ела. От одной мысли о еде мутило. До этого я могла только лежать на кровати и размеренно дышать. Но похоже мне стало легче. Да так, что желудок сводит от проснувшегося аппетита.

Выхожу из ванны и, не смотря на телефон, направляюсь к двери. Открыть ее не успеваю, как Лиза с блестящими глазами и растрепанными волосами распахивает ее передо мной.

— Ты чего трубку не берешь? Я тебе звоню-звоню. Думала, уже что-то случилось.

Лиза прижимает ладонь к груди, на которой красуется белая блузка, и протяжно выдыхает.

— Прости, я думала, это папа, — отхожу в сторону, чтобы не быть снесенной, когда Лиза врывается в комнату. Ее красные лодочки стучат по паркету, укороченные джинсы обтягивают бедра.

— Ты так ему и не отвечаешь? — Лиза оглядывается через плечо, когда тянется за телефоном и берет его с кровати.

— Нет, — я пересекаю комнату и забираю телефон из ее рук. Не хватало еще, чтобы в самый неподходящий момент пришло сообщение с незнакомого номера. — Так, что ты

хотела?

— Собирайся! — Лиза разворачивается на каблуках и упирается руками в бока. — Мне не нравится, что ты опять заперлась дома. Пойдешь со мной, сможешь проверить помещение, которое уже должны были подготовить для бала. Мне нужен взгляд со стороны. Мой уже замылился.

— О не-е-ет, — тяну я, делая настолько страдальческое выражение лица, насколько могу. — У меня нет сил.

Желудок бурлит в самый неподходящий момент, и Лиза опускает взгляд на мой живот, прежде чем снова посмотреть на лицо, нахмурившись.

— Кстати, об этом, — она приподнимает бровь. — Почему ты не спускаешься к нам с Абду на завтрак? Люди Вадима наконец-то провели проверку повара. И я очень этому рада, она готовит великолепно. У нас сегодня были прекрасные яйца Бенедикт.

От одного упоминания яиц желудок сводит и меня снова начинает мутить.

Я ненадолго задерживаю дыхания, после чего долго выдыхаю. Руки дрожат, кожа покрывается мурашками, а лоб испариной. С силой стискиваю телефон в ладони, и в самый неподходящий момент он издает писк.

Лиза, конечно же, слышит звон, и когда она смотрит на телефон, я завожу руки за спину.

— Прости, в последнее время себя не очень хорошо чувствую. Но в следующий раз я обязательно попробую те яйца, которые ты так сильно расхваливаешь, — тяжело сглатываю.

Лиза сужает глаза и складывает руки на груди.

— С тобой все в порядке? — хоть девушка и выглядит настороженной, но в пристальном взгляде легко считывается волнение.

— Да-да, — улыбаюсь я и стараюсь выглядеть как можно более искренней. — Ты говорила о поездке. Через сколько мне нужно быть готовой?

Лиза еще несколько мгновений напряженно разглядывает меня, после чего расслабляется.

— Давай через час встретимся внизу, — она протягивает руку и поглаживает меня по плечу. — С тобой точно все хорошо? Выглядишь немного изнеможенной.

— Д-да, — я прокашливаюсь. — Конечно, все хорошо. Давай, тогда через час встретимся. Помогу, чем смогу.

Лиза еще раз окидывает меня недоверчивым взглядом.

— Ты уверена?

— Да, конечно, — улыбаюсь я и смотрю за плечо Лизы.

За окном тучи затягивают небо, почти такие же накрыли и мою жизнь.

— Тогда жду тебя через час, — Лиза уходит, оставляя меня одну, а я, наконец, смотрю на экран телефона, который все это время жег мою руку.

«Ты сделала свой выбор».

— Привет, невестка, — я отрываю взгляд от ступеней, на которые смотрела в страхе оступиться, ведь сдуру надела высоченные каблуки, и вижу Вадима.

На фоне белого холла в черном, хоть и идеально сидящем, костюме, Вадим слишком сильно выделяется. Он стоит, заложив руки за спину, и напоминает своих подчиненных: рация в нагрудном кармане, наушник в ухе. Другой охраны не видно вовсе.

— Что ты здесь делаешь? — я искренне ему улыбаюсь. — У тебя люди закончились?

— Очень смешно, — Вадим посылает мне одну из своих самых лучезарных улыбок,

после чего подходит к лестнице и подает руку.

— На какой горе рак свистнул, раз ты решил стать джентльменом? — я кладу руку в его ладонь и спокойно спускаюсь.

Вадим хватается за грудь с левой стороны и страдальчески кривится.

— Ай, ты ранила меня без пистолета. Как тебе это удалось? Признайся, у тебя слова состоят из металла? — он отпускает мою руку, когда убеждается, что я могу стоять без его помощи, и отходит. — Лизе нужно было срочно уехать, мне выпала честь доставить принцессу на бал.

— Ты забыл? Бал завтра, — я посмеиваюсь, подтягивая джинсы, которые раньше были слишком узкими, а сейчас начали слетать. Жаль, что ремня в моих вещах не нашлось.

— А по поводу «принцессы» не будешь отрицать? — Вадим смотрит на несуществующие часы на руке. — Мы опаздываем, кстати. Карета хоть в тыкву не превратится, но все же лучше поторопиться.

— Не правда, я спустилась на пятнадцать минут раньше, чем мы с Лизой договаривались, — я оглядываюсь и понимаю, что охраны действительно нигде не видно. Обычно этот дом напичкан людьми. Особенно странно наткнуться на охранника ночью, когда идешь попить воды. — А где все?

— Говорю же шейху с женой нужно было срочно уехать. Людей я отправил с ними. Здесь только несколько человек осталось, — Вадим кладет ладонь мне на поясницу и кивает на дверь. — Поехали.

Я хмурюсь, но, когда Вадим подталкивает меня вперед, начинаю двигаться к выходу.

Хорошо, что я решила последовать примеру Лизы и надела джинсы, а блузку вовсе заменила на свитер, потому что как только Вадим открывает для меня дверь, порыв ветра чуть ли не сбивает меня с ног. Морось покрывает капот джипа Вадима каплями, а асфальт потемнел.

— Дойдешь до машины или зонтик поискать? — Вадим внимательно осматривает пространство вокруг дома.

Сначала кажется, что он волнуется из-за дождя, но то, как его взгляд цепляется за любую тень, отбрасываемую деревьями, наводит на нехорошие мысли. Не вовремя вспоминаю о словах Димы по поводу прицела на фотографиях Лизы и до меня только сейчас доходит, что ситуация куда серьезней, чем представлялось изначально. Я в последние несколько дней так сосредоточилась на себе и своих переживаниях, что совсем забыла об угрозе, которая нависла над Лизой.

— Все в порядке? — произношу я с полувопросительной, полуутвердительной интонацией. Хочу узнать у Вадима подробности по поводу происходящего, но не успеваю, он снова подталкивает меня вперед.

Как только я делаю шаг из укрытия в виде дома, несколько прядей сразу липнут к лицу, а кожа тут же покрывается влагой, совсем как машина. Опускаю голову, сжимаюсь и быстро иду к джипу.

Естественно, у самого джипа натыкаюсь на какой-то камешек. Оступаю, и точно полетела бы вниз, но Вадим не дает мне упасть, подхватив сильными руками за талию. Перед глазами проносятся воспоминание о Диме, который когда-то также поймал меня. Грудь сжимается, сердце пропускает удар. Качаю головой в попытке вытрясти из нее ненужные мысли.

Он сделал свой выбор.

Как только чувствую, что устойчиво стою на ногах, отодвигаю руки Вадима, которые по силе напоминают Димины, и бормочу благодарность. Вадим окидывает меня тревожным взглядом, после чего улыбается уголками губ и открывает переднюю пассажирскую дверцу.

Я забираюсь внутрь и как только дверь за мной захлопывается, тут же хочу выпрыгнуть обратно. Из-за сладковатого запаха в машине меня начинает тошнить. Задерживаю дыхание, но понимаю, что долго так не продержусь, поэтому спускаюсь чуть ниже, пристегиваюсь, кладу голову на подголовник и начинаю размеренно дышать.

— Ты в порядке? — Вадим занимает водительское место и неотрывно смотрит на меня.

— Не очень хорошо себя чувствую, — что там говорят — лучше сказать часть правды, чем соврать? — Не обращай внимания. Скоро все пройдет.

Вадима не так легко обмануть. Каким бы беззаботным зачастую он не казался, его инстинкты всегда берут верх. Если, конечно, он сам не решает их не слушать. И похоже, сегодня удача на моей стороне. Потому что вместо того, чтобы устроить мне допрос с пристрастием, Вадим еще какое-то время смотрит на меня и отворачивается.

Но, когда он заводит машину, и она дергается, я понимаю, что меня ждет еще та поездочка. Размеренное покачивание не очень хорошо сказывается на моем желудке, который со вчерашнего дня не получал ничего, кроме воды.

Не проходит и десяти минут езды, как к горлу подкатывает тошнота. Желудок скручивается. Испарина покрывает тело. Глубокое дыхание не помогает. Совсем.

— Останови машину, — сдавленно произношу я.

— Что? — Вадим на мгновение открывается от дороги.

— Останови, говорю!

Он тут же сворачивает на обочину. Я сразу же отстегиваюсь. И, прежде чем, машина успевает полностью остановиться, выскакиваю наружу. Вот только мне не удается сделать и пары шагов, как меня выворачивает.

Выпрямляюсь, и понимаю, что наконец могу нормально дышать. Ветер и дождь остужают разгоряченную кожу. По телу проходит дрожь, но на этот раз от облегчения. В ногах чувствуется небольшая слабость, но лучше она, чем тошнота.

Прикрываю глаза и подставляю лицо дождю. Каблуки тонут в земле, а ветер проникает под плотную вязку свитера. На плечи ложится что-то, после чего становится теплее, а капли перестают попадать на лицо. Мне не нужно открывать глаза, я и без того знаю, что передо мной нависает Вадим и с беспокойством смотрит на меня.

— Ты заболела? — его звучит непривычно серьезно.

— Все нормально, — киваю и открываю глаза.

— Тебя укачало? — Вадим стоит передо мной в одной рубашке и хмурится. Выглядит под стать тону голоса. В последний раз я видела его таким только в погребке.

— Можно и так сказать, — отступаю, каблуки при каждом шаге проваливаются в землю, но, по крайней мере, я не валюсь с ног.

Зато пиджак, который Вадим накинул мне на плечи, соскальзывает. Я ловлю его в полете. Это становится отличным поводом опустить глаза, лишь бы не видеть лицо, на котором начинает проявляться понимание.

— Ева...

Я качаю головой.

— Пойдем в машину, холодно, — жалобный голосок всегда спасал меня и на этот раз работает отлично.

Вадим, чуть повременив, подходит ко мне и помогает сесть обратно в машину. На этот раз запах не тревожит мой желудок, но я все равно опускаюсь чуть ниже и кладу голову на спинку сиденья, чтобы избежать неприятностей. Вадим запрыгивает в машину, но двигатель не заводит. Осматривает меня с ног до головы. Я не тушуюсь под его взглядом, сил и без того нет.

— Ты ведь беременна? — Вадим взлохмачивает волосы, запуская в них пальцы, и не дожидается моего ответа. — Дима знает?

Я едва заметно мотаю головой, и, конечно же, от Вадима это не скрывается. Неудивительно, ведь он почти что пригвоздил меня к сиденью взглядом.

— Ты должна ему сказать, — голос Вадима спокойный, без приказных ноток, но я все равно напрягаюсь.

— Я ему ничего не должна, — хоть по телу растекается слабость, голос полон силы.

Вадим вздыхает, откидывается на спинку сиденья, затылок кладет на подголовник и прикрывает глаза. С минуту мы сидим в тишине, которую разрывает только синхронное, тяжелое дыхание и шум дождя.

— Я знаю, почему ты пришла к Артему за помощью. И что сделал Дима тоже, — голос Вадима почти скрывается за звуком встречи капли с металлом и стеклом. Я замираю. Появляется мысль выйти из машины и добраться до дома самостоятельно, но я быстро отбрасываю ее — не в моем состоянии.

— Знаешь? — я впиваюсь пальцами в бедра.

— Пару дней назад узнал, — Вадим резко подрывается на месте и заводит двигатель. — Как раз хотел поговорить с тобой. Но сначала давай съездим в больницу. Мне не нравится, что тебя только что вывернула и ты слишком бледная.

Он выруливает на дорогу так быстро, что я едва успеваю схватиться за кресло, чтобы не завалиться на бок. Сердце грохочет в груди, когда я замечаю, что стрелка спидометра приближается к сотне. Хоть дорога пустынная, но дождь все же уменьшает видимость.

Вадим крепко держит руль. Его движения выверенные, взгляд, исподлобья, не отрывается от дороги. Но я все равно тянусь к нему и кладу руку на бицепс.

— Мне не нужно в больницу, — чувствую, как его мышцы перекачиваются под пальцами и отпускаю.

— Тебе только что было плохо, — желваки ходят на лице Вадима.

Я же усмехаюсь.

Он так переживает. Представляю, как он будет изводить свою девушку, стоит той забеременеть. Вадим хоть и кажется беззаботным придурком, но, на самом деле, очень опекающий. Поэтому, чтобы немного отвлечь его, решаю пойти на хитрость.

— Давай поговорим, раз ты хотел, — снова смотрю на спидометр. — Только снизь скорость, пожалуйста.

Вадим бросает быстрый взгляд на меня, после чего стрелка спидометра опускается вниз. Выдыхаю и прикрываю глаза. Через мгновение распахиваю их, когда собираюсь с силами для предстоящего разговора.

Вадим сильно стискивает руль. Его челюсти стиснуты. Я даже успеваю подумать, что разговора не будет, когда слышу тяжелый вздох Вадима. Он не отрывает взгляда от дороги. Наконец, тихо, словно слова причиняют ему боль, произносит:

— Ты знала, что Дима нашел наших родителей застреленными на полу кухни того дома, в котором ты сейчас живешь?

Я теряю дар речи. Буквально. Впиваюсь в Вадима взглядом. Но он молчит. Ведет машину и молчит. Кадык дергается. Создается ощущение, что ему даже глотать тяжело, не говоря уже о словах.

— Думаю, вряд ли, — он трет лицо ладонью, прежде чем снова взяться за руль обеими руками. — Я тоже был там в тот день, но Дима перехватил меня до того, как я успел войти на кухню. Прямо в двери перехватил, той самой — потайной. Саша вообще дома не было, слава Богу. Он у друга вроде остался. Ему не пришлось видеть полицейские мигалки, переживать допрос с пристрастием от наших «добрых» дядь милиционеров и, конечно, он не провожал взглядом черные мешки, в которые закинули тела родителей.

Вадим отрывает одну руку от руля и вытаскивает бумажник из кармана брюк. Бросает его мне на колени. Я хмурюсь, не решаясь притронуться к черной коже.

— Открой, — Вадим на мгновение отводит взгляд от дороги и смотрит на меня. — Не бойся, он не кусается. Там фото.

Сажусь ровно. Поправляю сначала пиджак Вадима, который съехал с плеч, а потом ремень — он слишком сильно впивается в шею. Пытаюсь отодвинуть его, но он все-равно возвращается к раздраженному месту. Проскальзывает мысль отстегнуться. Но понимаю, насколько это безрассудная идея, поэтому забиваю на дискомфорт и дрожащими руками тянусь к бумажнику. Пальцами крепко в него вцепляюсь — на коже остаются вмятины. Тяну время, не решаясь открыть. Не покидает ощущение, что после увиденного моя жизнь изменится. Вот только я и так вишу над пропастью на тонкой ниточке, которая должна вот-вот протереться о камень, какая разница, что поможет сделать после последний надрыв.

Набираю в легкие воздух и открываю бумажник. Сразу натываюсь на фотографию в маленьком прозрачном отделении. Мне не нужно вытаскивать ее, я и так вижу, что на ней изображено. Потертости, мелкие трещины на фотографии не мешают. Светловолосая женщины и темноволосый мужчина на фоне белоснежного дома, обнимают трех мальчишек. Один из них совсем маленький — только его голова влезла в кадр, средний лучезарно улыбается и почему-то стоит без рубашки, а самый высокий хмурится и чем-то недоволен, если судить по поджатым губам и рукам, сложенным на груди.

— Он всегда был таким, — выдыхаю и провожу пальцем по маленькому Диме.

Из Вадима вылетает смешок.

— Он никогда не любил фотографироваться, поэтому, когда я увидел, как на свадьбе он «позирует» и даже не возмущается, понял, что ты та, которая сможет его утихомирить.

На джинсы падает слеза и впитывается ткань. Прикасаюсь к щеке, после чего смотрю на пальцы — влажные. Я даже не почувствовала, как заплакала. Зато боль в груди отчетливо ощущается. Сердце сжимается. Каждый вдох отдается режущей болью.

Шмыгаю носом и захопываю кошелек.

— Если бы все было так, как ты говоришь, он бы мне никогда не изменил, — голос твердый, несмотря на слезы, которые льются по щекам.

Смотрю вверх, пытаюсь их остановить, но они, заразы, вырвавшись наружу, не хотят прекращать течь. Закрываю рот рукой, подавляю всхлип. Плохо получается, Вадим все равно бросает на меня мимолетный взгляд.

— Мне остановиться?

Не уверена, о чем именно он спрашивает: о машине или рассказе. Но ответ все равно будет один и тот же.

— Нет, — мотаю головой, пытаюсь размеренно дышать.

Не помогает, очередной всхлип все же вырывается. Вадим лишь качает головой и сжимает руль так сильно, что он скрипит под его натиском. А я не понимаю, что происходит, почему не могу утихомирить эмоции, когда раньше так легко засовывала их в самый дальний угол души и запирала на семь замков. Вот только, похоже, они нашли ключ и больше не собираются сидеть в маленькой коморке. Им нужна свобода. Делаю судорожный вдох, откидываюсь на сиденье и крепче сжимаю бумажник, будто он — моя последняя связь с реальностью.

— Так, что там с родителями? — напоминаю я Вадиму, искаженным от слез голосом, и стираю свободной рукой влажные дорожки со щек.

Мне показалось или Вадим вздрогнул? В любом случае, когда я перевожу на него взгляд, он все также сидит прямо, уверенно ведет машину и не отводит глаз от дороги. Он будто окунается в воспоминания, потому что место жизнерадостного мужчины занимает робот, который безэмоционально ведет машину.

— Думаю, ты знаешь, что папа в девяностые занимался добычей нефти. Он начинал с самых низов. Был молодым пацаном-сиротой, готовым взяться за любую работу. И, насколько я знаю, своей упорностью и трудолюбием привлек внимание одного чувака при власти, у которого не было детей. Он взял шефство над отцом, всему обучил, передал часть дел. В общем, папа был ему как сын, — Вадим перехватывает руль, а я понимаю, что затаила дыхание. Шумно выдыхаю и поднимаюсь повыше в кресле, не сводя с Вадима глаз. — Я не знаю всей истории, но в какой-то момент их пути разошлись. Тот мужик, я даже его не знаю, — он горько усмехается, — короче, мы его ни разу не видели. Папа успел перенять у него не только опыт, но и связи. После чего открыл свою компанию. И именно она стала его погубелью, вроде же так говорят в мыльных операх?

Вадим прячется за своей привычной маской задорного парня, натягивает улыбку, поворачивается ко мне и подмигивает.

— Не заморачивайся, ладно? Все давно в прошлом, — он говорит беззаботно, но я-то вижу, как сжимаются его челюсти и белеют костяшки пальцев. — Короче, от родителей избавились, компанию отняли, дом забрали.

Я не могу сдержать потрясенный вздох, пальцами его сильнее впиваюсь в бумажник Вадима. Он словно становится для меня единственной опорой, которая позволяет мне оставаться снаружи, а не окунуться в ту боль, которой пронизаны слова Вадима. Хоть и пытается это скрыть.

— Мы с братьями едва на улице не оказались. Других родственников у нас не было, мама с папой в детдоме познакомились, — телефон Вадима пиликает, и он тянется за ним в карман. — Чтобы нас, как отца с мамой, в детдом не отправили, Дима, которому было всего восемнадцать, записался в армию, получил общежитие и взял над нами опеку, — Вадим хмурится, глядя на экран, после чего кладет телефона себе на колени и снова сжимает руль обеими руками. — Я хвостиком бегал за Димой, поэтому, наверное, и пошел по его стопам.

Короткая улыбка появляется на губах Вадима. У меня же перед глазами появляется восемнадцатилетний Дима: внешне такой же сильный, суровый, негибачаемый, а внутри... Ему пришлось запереть эмоции, засунуть их настолько глубоко, чтобы они не дали ему сломаться, погнуться. На его плечи легла ответственность, и он сделал все от него зависящее, чтобы сохранить семью. То, что от нее осталось...

Глаза наполняются слезами, но я держусь. Кусаю губу, и держусь. Также, как когда-то держался он.

— Когда Саша решил поступать в университет, Дима вообще отправился добровольцем в горячую точку, чтобы помочь тому отучиться, — Вадим на мгновение прерывается, делает глубокий вдох, пытается натянуть на лицо улыбку, но она тут же спадает. Глубокие морщинки появляются в уголках его глаз. — Я не буду рассказывать, через какой ад Дима прошел. Я был там и все видел. Поэтому понимаю, почему он вынес оттуда не только шрам на груди, хотя эта пуля чуть его не убила, но и, кажется, потерял способность выражать любые эмоции. Так я думал, пока не увидел у брата на лице еле заметную улыбку, когда ты сказала «да». Он не отводил от тебя глаз, смотрел так пристально, стоя в арке из цветов, во дворе того самого дома. Тогда я подумал, что вот она — любовь моего брата, которая может пробить вокруг его сердце. Хотя сомневаюсь, что Дима себе в этом когда-нибудь признавался.

Молчу. Дышу? Не уверена. Так сильно сжимаю челюсти, что больно. Тело будто что-то сковывает. Сердце стучит настолько громко, что перебивает шум дождя. Силы покидают меня. Все, что я могу делать — смотреть на брата мужа, сжимать бумажник с их детской фотографией и задаваться всего одним вопросом.

— Тогда почему он со мной так поступил? — тихие слова сливаются с биением сердца.

Хорошо, что Вадим меня услышал. Он пожимает плечами.

— Потому что идиот, — его телефон на этот раз звонит, Вадим сильнее сводит брови, глядя на экран. Но, прежде чем ответить, бросает короткий взгляд на меня. — Вряд ли у него самого есть ответ на этот вопрос. Но ты спроси, — он прикладывает телефон уху. — Да? Что случилось? Понял!

Вадим резко выворачивает руль и разворачивается обратно.

— Это была всего лишь ложная тревога, — приглушенный голос Лизы звучит из-за запертой двери в ванну. — Сигнализация сработала, потому что кто-то забыл запереть заднюю дверь, и бездомная кошка забежала в бальный зал.

— Откуда взяться кошке в Гостином дворе? — я подбираю под себя ноги, откидываюсь на спинку кровати и обвожу взглядом погром в комнате, которая уже стала моей.

Как такая хрупкая девушка, как Лиза, могла устроить такое? Сначала она привезла ко мне в комнату металлический рейл для одежды, с висящими на нем вечерними нарядами. У меня, конечно же, появилось несколько вопросов, главный из них: «Зачем?». Но спросить ничего я не успела, сначала услышала отдаленный стук каблуков, а потом в распахнутую дверь вошли три девушки в черных брюках и расклешенных шелковых маечках. Они принесли с собой огромные коробки, которые по указанию Лизы поставили на пол. Девушки сразу же покинули комнату, но вслед за ними в комнату вошли другие с коробками поменьше. Ситуация повторялась еще несколько раз, пока на полу не осталось свободного места. Чтобы пройти, приходилось ногой отодвигать очередную коробку или вытащенное из нее содержимое, в виде туфель, украшений, косметики и тому подобному. В потоке людей, я даже не заметила, как кто-то притащил зеркало в пол.

По милости Лизы моя комната превратилась в базу по приготовлению к балу. А я даже сопротивляться не стала. Просто забралась на кровать и отдала всю власть Лизе, которая решила, что без ее участия мне не создать гармоничный образ. В чем-то, если честно, она оказалась права — мысли были забиты совершенно другим.

Поэтому я полностью доверилась Лизе и через пятнадцать минут мой наряд висел на дверце шкафа в черном футляре и ждал своего часа. С Лизой же все оказалось не так просто. Она устроила передо мной дефиле с примеркой. Синее длинное платье с золотой вышивкой и глубоким вырезом, закрытом плотной сеткой, было забраковано сразу же. Черное атласное Лиза отмела, когда увидела, что на разрезе бедра проглядывает пояс от чулок. И еще несколько шикарных платьев тоже пошли в топку по разным причинам. Пока, в итоге, для Лизы мы не выбрали длинное бордовое шелковое платье с длинными рукавами и лифом, инкрустированным бриллиантами, а также замшевые лодочки в тон ему. После чего девушка со словами «там свет лучше» ускакала в ванну делать себе макияж, и естественно не обошлось без вопроса от меня «А что с визажистом?». Но оказалось Лиза когда-то в своей жизни успела пройти курсы визажа и больше никому не доверяет в этом плане. Заодно и мне макияж пообещала сделать, который скроет синяки под глазами.

С тех пор я сижу смиренно уже минут сорок и жду своего часа на экзекуцию... кхм... на макияж и слушаю рассказ о том, что же случилось в месте, арендованном для бала.

— Короче, чтобы там не было, люди Вадима никого не нашли, кроме кота. Иди сюда, — Лиза выглядывает из ванной. Я успеваю заметить ее смоки-айс и локоны, уложенные в высокую прическу прежде, чем она снова скрывается в ванной. — И стул тащи.

Я тяжело вздыхаю и выбираюсь с насиженного места. Сегодня хотя бы чувствую себя лучше, чем вчера. По крайней мере, поесть смогла. Поэтому руки не трясутся, когда я за спинку поднимаю тяжелый деревянный стул и несу его в ванную.

— Ставь его сюда, — Лиза машет рукой в районе своей попы, обтянутой черными легинсами, перекладывая на тумбе, в которую встроена раковина, косметику.

Я лишь качаю головой, но слушаюсь. Ставлю стул перед зеркалом, после чего Лиза разворачивается ко мне с кистями между пальцами. И чем-то напоминают мне Росомаху, если бы тот был визажистом.

— Садись! — она делает шаг в сторону, давая мне место для маневра.

Я снова вздыхаю, но все же не противоречу. Усаживаюсь на стул, поднимаю голову и ловлю пристальный взгляд Лизы, оттененный черным карандашом. На фоне белой безразмерной футболки ее макияж смотрится немного странно.

— Ты уже придумала, что со мной сделаешь? — я оглядываюсь и замечаю платье, висящее на вешалке на створке душа.

— Под твой наряд подойдет что-то более нежное. Но хочется немного стервозности добавить. Как насчет стрелок? — Лиза приподнимает мою голову за подбородок и вглядывается в лицо.

— Предоставляю тебе полную свободу действий, — я удобнее устраиваюсь на стуле и расслабляюсь.

Лиза широко улыбается и резко разворачивается к своим орудиям пыток.

— Тебя никто за язык не тянул, — ее плечи сотрясаются, после чего она разворачивается с несколькими тюбиками и с запакованным спонжем. — Потом не жалуйся.

Где-то через час Лиза наносит последние штрихи пушистой кистью на моем лице и отходит в сторону. Я смотрю в зеркало на... себя?

Волосы затянуты в высокий пучок, только несколько завитых прядей огибают лицо. Кожа идеально ровная. Контуринг сделал скулы еще острее. На щеках появился румянец, хоть и искусственный. На глазах, как и обещала, Лиза нарисовала стрелки. Идеально ровные, между прочим. У меня никогда такие не получилось. Они подчеркнули мои миндалевидные глаза и сделали карий цвет более ярким. А губы оказались ярко-красными.

У меня приоткрывается рот. Перевожу взгляд с себя на Лизу.

— Тебе нужно свой салон открывать! — я в шоке смотрю на нее.

Лиза отмахивается и разворачивается ко мне спиной, перебирая свои принадлежности.

— Когда-то я об этом думала, но родители отправили меня учиться на переводчика. Сказали, что «всякую блажь оплачивать не будут», — в ее голосе скользит грусть. — Я потом сама, конечно, все оплатила и почти исполнила свою мечту, но встретила Абду... — Лиза судорожно вздыхает, после чего резко разворачивается ко мне с широкой улыбкой на лице. — Так, давай переодеваться. Нам скоро выезжать. Машина будет ждать внизу.

Я поджимаю губы, но все же встаю со стула. Вот только прежде, чем уйти, беру Лизу, которая уже повернулась к своему платью, за руку и разворачиваю к себе.

— Если ты расскажешь о своей мечте Абду, я уверена, он тебя поддержит, — моя улыбка немного неловкая.

— Все не так просто, — Лиза опускает глаза и вздыхает. — Ладно. Сейчас не время об этом говорить. Я потом все как-нибудь тебе расскажу. А пока, — она высвобождает свою руку, поворачивает меня за плечи и подталкивает к выходу. — Иди одевайся, хочу на тебя посмотреть.

На этот раз я подчиняюсь. Если Лиза не хочет о чем-то говорить, то лезть ей в душу я точно не стану. Тем более, когда у самой внутри полный раздрай. Я все еще не понимаю, что мне делать с Димой и новостью о ребенке, поэтому предпочитаю выбросить все из головы и заняться сборами.

Я выбрала наряд совсем не похожий на меня саму, поэтому, когда Лиза выходит из

ванны в своем шикарном платье, немного тушуясь под ее восхищенным взглядом.

— Дима охренеет, когда тебя увидит, — Лиза идет ко мне и обходит вокруг. — А эта спина точно сведет его с ума.

Я бросаю на себя взгляд в зеркало через плечо и сразу замечаю оголенную до пояса спину. Бронзовая от природы кожа сильно контрастирует с белой атласной тканью вечернего комбинезона с широкими штанами, которые издали напоминают юбку. Топ вообще больше похож на два перекрещенных на груди куска ткани, которые держаться на шее только с помощью золотой цепи и оголяют живот.

Я бы сама вряд ли решилась надеть что-то подобное, но все делала Лиза. И если честно, я за это готова ее расцеловать. Только благодаря ей, мой образ можно считать идеальным — осталось только обуть белоснежные лодочки, которые ждут своего часа, стоя недалеко от меня. Я решаю не мучить их в ожидании.

— Ты же знаешь, что у нас с Димой... м-м-м... — надеваю сначала одну туфлю, на Лизу намеренно не смотрю, потом вторую. — ...не все в порядке.

— Я знаю, что между вами что-то произошло. Подробности мне, конечно, никто не рассказывал, зато я слышала один разговор.

Я так резко поднимаю голову, что в глазах на мгновение темнеет. Хорошо, что это быстро проходит, и от меня не скрывается хитрое выражение лица девушки.

— Ты же знаешь, что Абду не будет заключать сделку с человеком, который не состоит в счастливом браке?

Я неуверенно киваю, а Лиза бросает на меня лукавый взгляд, после чего разворачивается и начинает перебирать коробки в поисках какой-то конкретной.

— Так получилось, что я подслушала один интересный разговор, когда мой муж напомнил об этом условии твоему, — она наконец находит то, что искала и выпрямляется с маленькой бархатной коробочкой, открывает ее и протягивает мне золотые серьги-цепочки. — Дима ответил Абду, что в таком случае не сможет заключить сделку. Потому что для него твои желания важнее, и, если ты захочешь развестись, он препятствовать не будет.

В машине не нахожу себе место.

Абду и Лиза поехали на одном мерседесе, а меня посадили в другой. Я сначала не поняла, кого назначили моим водителем, но, когда увидела Славу, стоящего у машины, холодок прошелся по коже. И не потому его шрамы на лице его вдруг испугали, а из-за того, что перед глазами пронеслись воспоминания из погребка. Хотя я не видела, как он избивал Артема, его сбитые костяшки сказали мне о многом.

Поэтому, как только я увидела его у машины, придерживающегося для меня дверь, сразу же затормозила, и, конечно же, заработала тревожный взгляд от Лизы. Вот кого, а ее беспокоить не хотелось. Тем более дома я услышала разговор охраны, что моя машина должна ехать сразу за автомобилем шейха. А также по две машины за и перед нами. Послав Лизе успокаивающую улыбку и набрав в легкие воздуха, я забралась в теплый салон. На Славу старалась не смотреть. Он закрыл за мной дверцу, после чего занял водительское место. Нервозность подуспокоилась, стоило на переднее пассажирское сиденье сел другой охранник, но все-же до конца не исчезла.

Она пронесется потоком по телу, когда я в который раз ловлю взгляд Славы в зеркале заднего вида. Он сразу отводит глаза, а мне в очередной раз приходится убеждать себя, что

это все моя паранойя. Вот только вопрос «Что он здесь делает?» не покидает. Вряд ли Дима послал его приглядеть за мной. Не может он быть настолько жестоким.

Дима...

Он вообще не оставляет мои мысли. Я до сих пор не могу решить, говорить ему о моей беременности или лучше молча развестись, уехать куда-нибудь, желательно ближе к морю, и жить спокойно. Сомнений нет, что, если Дима узнает о ребенке, то не отпустит. Я снова окажусь в ловушке несчастливого брака, запертая в доме, который когда-то создавала для своей семьи. Все благие намерения мужа, озвученные шейху, пойдут прахом. Мне же придется смириться с вечно ставящим меня на второе место мужем. И возможно, закрывать глаза на его измены оправданные работой.

Теряюсь в рое мыслей, смешанных с постоянным беспокойством из-за Славы. Все сильнее сжимаю белоснежный клатч, который притащила для меня Лиза из своей комнаты. Кристаллы впиваются в подушечки пальцев, немного отрезвляя. По крайней мере, я откидываюсь на спинку сиденья и позволяю себе следить за ночными огнями города.

В какой-то момент, движение становится настолько медленным, что я могу в подробностях рассмотреть фасады старинных двухэтажных зданий, постепенно погружаемых в темноту. А вот постоянные остановки, за которыми следуют недолгое движение, не очень хорошо действуют на мой желудок. Он в очередной раз опасно сжимается. Я поглаживаю живот и одновременно мысленно благодарю организм за то, что тошнота не подкатывает горлу во время очередного резкого торможения.

Узнаю место. Мы почти подъехали. Количество машин зашкаливает. Гости во всю прибывают. Вдыхаю и прикрываю глаза.

Не знаю, сколько еще мы то начинаем двигаться, то тормозим — теряю счет времени и даже в какой-то момент успеваю задремать, но когда холодный ветер окутывает мое тело, сразу же распахиваю глаза.

Дверца машины открыта. Инструментальная музыка, смешанная с шумом голосов, врывается в салон машины. А передо мной рука...

По телу прокатывается дрожь. Понимаю, что по правилам приличия должна принять предложение водителя. Оглядываюсь — второго охранника нет. Блин. Набираю в легкие побольше воздуха и быстро вкладываю похолодевшие пальцы в протянутую ладонь.

Слава помогает мне выйти из машины, и я сразу же выдергиваю руку.

Оказываюсь в атмосфере праздника: огни покрывают старинное здание, софиты освещают не только ковровую дорожку, у которой собрались журналисты, но и проходятся по машинам, подъезжающим ко входу; мужчины в смокингах, женщины в вечерних нарядах повсюду. Охраны столько, что куда не глянь, наткнешься на мужчину в черном костюме и наушником в ухе. Интересно, где Вадим?

Пробегаю глазами по людям, встречаюсь взглядом на Лизу. Рядом с ней стоит шейх в белом традиционном костюме, больше напоминающим длинную рубашку, с покрытой головой черном костюме и держит ее за руку. Он разговаривает с женщиной. Дрожь пробегает по позвоночнику, как только вижу мощную фигуру в черном смокинге, и усиливается, когда мужчина оборачивается. Он сканирует пространство, задерживается на Славе, хмурится, поджимает губы, и только после этого смотрит на меня. Скользит по мне взглядом. Медленно. Сверху вниз. И обратно. Наши взгляды встречаются.

Секунда, две и Дима идет ко мне, по пути, снимая пиджак. Он остается в рубашке. Тоже черной.

Я и не понимала до этого момента, как на самом деле продрогла — температура успела прилично опуститься, холод покусывает кожу, пока тепло тела Димы, которое не успело выветриться из дорогой ткани, не окутывает меня.

— Ты хорошо выглядишь, — он коротко улыбается и протягивает мне руку.

Я смотрю на открытую ладонь и понимаю, что не испытываю ни отвращения, ни страха, как совсем недавно, когда вкладываю в нее пальцы. Кожа грубая, теплая. Сердце сильно колотится. Кажется, вот-вот выпрыгнет из груди.

— Спасибо, — мой голос охрип. — Кхм... Ты тоже.

Дима не отводит от меня глаз. Складывается ощущение, что он хочет запомнить каждую черточку на моем лице, так пристально он смотрит. Его большая ладонь крепко, но несильно сжимает мою руку, аромат мускуса и хвои вызывает противоречие в моем желудке — он очень не вовремя бурлит.

Дима тут же опускает взгляд на мой живот и сводит брови:

— Ты голодна?

Хочу сказать нет «нет», но зарубаю это желание на корню.

— Немного, — робко улыбаюсь. А могло бы вывернуть прямо на его туфли, иначе точно пришлось бы объясняться. Глубоко вздыхаю и сразу же жалею об этом, тошнота подкатывает к горлу.

— Пойдем внутри, там уже должен был начаться фуршет, перекусишь перед банкетом, — Дима тянет меня к красной дорожке. Я бросаю на нее взгляд и на меня тут же накатывает паника. Не понимаю откуда появляются мысли о том, что тошнота подкатит к горлу в самый неподходящий момент, но на этот раз меня вырвет, что, естественно, снимут камеры. Тяну Диму за руку.

— Мы можем туда не идти? — я указываю подбородком на ковровую дорожку, по которой идут шейх с Лизой. Уверена, вспышки камер ослепляют их. Осознание, что скоро могу оказаться в центре внимания, заставляет меня умоляюще посмотреть на Диму.

Он долго смотрит и кивает.

— Пойдем, — муж ведет меня в противоположную сторону, маневрируя между людьми и спокойно проходя мимо охраны.

Я покорно иду за ним, но чувство дискомфорта не оставляет меня. Оно скользит по коже будто по ней бегают множество насекомых и своими маленьким лапками щекочут кожу. Оглядываюсь и понимаю, что зря.

Слава не просто смотрит на меня. Он прожигает взглядом мою спину. В его глазах я улавливаю огонек ненависти.

— Сюда забежала кошка? — задаю самый нелепый вопрос из возможных.

Дима придерживает для меня дверь и ждет, пока я переступлю порог. Хоть каблуки на этот раз не сильно высокие, у меня все-таки получилось по дороге разочек подвернуть ногу. Хорошо еще ничего не повредила. Но с того момента Дима внимательно следит за каждым моим шагом и крепко держит за руку, пока ее не пришлось отпустить, чтобы открыть тяжелую старинную дверь.

— Ты знаешь об этом? — Дима ждет, пока я без эксцессов войду, только после этого сам переступает порог, и я слышу щелчок замка.

Мы оказываемся в каком-то темном коридоре, поэтому я достаю телефон из клатча и свечу на немного обшарпанный паркет. Коридор довольно узкий, и конца его не видно — фонарик у телефона не очень сильный. Холодок волной прокатывается по коже. Перехватаю

клатч и телефон одной рукой, а свободной — ищу Диму сзади. Но как только чувствую прикосновение к пояснице, вздрагиваю. Сердце пускается вскачь, пока сильные пальцы не обхватывают мою ладонь, лишь тогда оно замедляет ход. Еще один фонарик освещает пространство вокруг.

Следую за Димой, окруженная его запахом и чувствую... спокойствие. Дыхание ровное, как и сердцебиение. Даже то, что коридор все не заканчивается, не беспокоит меня. С каждым шагом я чувствую уверенность. Плечи выпрямляются, и под ноги я не смотрю. Дима выходит чуть вперед и мне этого достаточно, чтобы не бояться свернуть себе шею, наступив на какую-то выбоину в полу.

Я двигаюсь за мужем, пока он не толкает дверь в конце коридора, и мы не попадаем на бал.

Яркий свет режет глаза, которые привыкли к темноте. Инструментальная музыка звучит громче, чем на улице. Людей намного больше. Они везде: за столиками у стен, на танцполе и вокруг него, общаются небольшими группками. Я также замечаю людей на балконах второго и третьего этажа. Музыкантов вижу в последнюю очередь. Их закрывает толпа, окружившая невысокую сцену посреди танцпола.

Стеклянный потолок напоминает ресторан, куда водил меня Дима. В груди что-то неприятно покалывает, но тут же отпускает, когда муж заводит меня в толпу. Он легко маневрирует между людьми. Также, как и на улице. А иногда люди сами уступают ему дорогу, скорее всего, замечая грозный взгляд. Мы пересекаем танцпол, не задерживаясь у сцены, и идем в противоположную сторону от входа.

По дороге ловлю несколько заинтересованных пристальных взглядов как мужских, так и женских. Но не останавливаюсь ни на ком, потому что ощущаю безопасность. Иначе это чувство, которое согревает изнутри сложно назвать. Оно такое знакомое. Словно выглядывает откуда-то изнутри, напоминая о своем существовании. Хочу его задушить, специально начинаю вспоминать о поступках мужа, но ничего не получается. Сейчас Дима напоминает себя прежнего: сильного, властного, защищающего. Раньше рядом с ним я всегда могла расслабиться.

Как все так могло измениться?

Дима подводит меня к фуршетному столу, который тянется по всей дальней стене. У меня тут же скручивает желудок, но не из-за тошноты. Здесь, скорее, дело в голоде. Кажется, моя маленькая ложь все-таки оказывается правдой. Когда я смотрю на обилие канапе, разного рода нарезки, десерты, желудок вновь начинает урчать. Бурлит так громко, что, не смотря на музыку, Дима бросает обеспокоенный взгляд на мой живот.

Официант в черных брюках, белой рубашке и галстук-бабочки предлагает мне шампанское, но я качаю головой. И тут же ловлю вопросительный взгляд мужа.

— Не хочу пить на голодный желудок, — невинно улыбаюсь, хотя внутри натянута хуже струны. Когда я научилась так правдоподобно врать? И, похоже у меня неплохо получается, если судить по тому, что Дима недолго смотрит на меня и отворачивается.

Сужаю глаза, наблюдая за тем, как он берет тарелку и накладывает туда всякую всячину: канапе с вялеными томатами и салями, тарталетки с икрой и рыбой, несколько видов сыра, овощи, и парочку шоколадных пироженок. После чего кладет на тарелку горстку шпажек и возвращается ко мне.

— Держи, — он сует тарелку мне в руки.

Мне приходится умудриться, чтобы не уронить ее, ведь в одной рукой я все еще держу

клатч и телефон, у которого до сих пор горит фонарик. Хорошо, что руки заняты, или я точно ударила бы себя по лбу. Дима-то свой телефон давно в карман положил.

Я даже к еде прикоснуться не могу, и Дима это, конечно, замечает. Он забирает все, что мне мешает.

— Ешь, — указывает подбородком на тарелку, пока выключает фонарик и кладет телефон в клатч. Но не отдает его мне, а сжимает его в руке, пронзительно смотря на меня. Приподнимает бровь, как бы говоря: «И чего ты ждешь?».

Жар приливает к щекам. Чувствую себя ребенком, которого «строгий папа» заставляет поесть, прежде чем отпустить гулять. Но как только смотрю на еду, желудок снова урчит. Считаю содержимое тарелки слишком быстро, предусмотрительно оставив рыбу и икру на самом краю тарелки. Один взгляд на них вызывает отторжение, и это я еще не слышу запах.

— Еще? — Дима разглядывает меня так пристально, словно пытается прочесть мои мысли.

Скрываюсь за маской безразличия и мотаю головой.

Музыка становится громче, но не мешает. Слабость растекается по телу. Единственное желание сейчас — развалиться на каком-нибудь стуле и немного отдохнуть.

Но у Димы другие планы. Он забирает у меня тарелку, ставит на поднос, проходящего мимо официанта, и протягивает мне руку:

— Потанцуй со мной.

Я не двигаюсь. Такое чувство, что вообще прирастаю к месту. Смотрю на открытую ладонь так, будто от моего решения зависит наша дальнейшая жизнь. Всматриваюсь в глаза Димы и, как обычно, не вижу эмоций — только пустоту, но почему-то на этот раз она меня не вызывает отторжения. Она ощущается родной что ли. Прежде чем успеваю подумать, вкладываю пальцы в протянутую ладонь. По телу проносится дрожь, когда они оказываются в своеобразной ловушке.

Дима двигается в сторону танцпола, все еще неся мой клатч, а я вовремя вспоминаю еще об одном неудобстве.

— Подожди, — сжимаю

Дима снова ведет меня на танцпол. По залу разливается нежная мелодия. Я улавливаю скрипку и флейту. Несколько пар уже кружат в вальсе, когда Дима останавливается посреди танцпола, разворачивается и притягивает меня к себе. Одна его горячая, шершавая ладонь ложится мне на спину, а вторая — сильнее сжимает мою руку. Я едва успеваю коснуться его плеча, как он делает первый шаг, а потом еще один. Дима подстраивается под мелодию, а я следую за ним.

— Я не знала, что ты умеешь танцевать вальс, — шепчу я, и чувствую, смешок у себя в волосах.

— Мы многого друг о друге не знаем, — Дима крепче прижимает меня к себе.

Жар его тела проникает в меня. Аромат хвои и мускуса больше не вызывает тошноту. Рука на спине прожигает кожу. Я подстраиваюсь под его ритм, полностью отдаюсь его воле и забываю обо всем... почти.

Воспоминания проникают в опустевший разум. Они картинками пролистываются перед глазами и вызывают один вопрос, который рвется наружу. Я не могу держать его в себе. Больше не могу.

— Почему? — срывается с губ. — Почему ты так поступил со мной? С нами?

Напряжение сковывает тело. И если честно, даже не пытаюсь скрыть его. Мне надоело

прятать эмоции. Они наполняют меня, занимают каждую клеточку тела и причиняют такую боль, какую раньше я никогда не испытывала. Она колет, режет, разрывает изнутри. Одновременно с этим объятия Димы лечат. Если он сейчас отпустит меня, оставит одну, я не выберусь. Не смогу. Но в то же время, мне нужно получить от него ответ. Он нужен мне, чтобы наконец вздохнуть, чего я не могла сделать с того момента, как обо всем узнала. Хотя я прекрасно понимаю, что ответ, скорее всего, излечит и разрушит меня одновременно.

— Неправильно расставил приоритеты, — грубый голос раздается у уха, я вздрагиваю. — Для меня всегда важна была лишь цель, и для ее достижения можно было использовать любые средства. Только я забыл, что они могут ранить других людей.

Глаза наполняются слезами. В груди режет так, что не могу сделать вдох. Даже попытка причиняет боль.

Оступаю. Дима подхватывает меня и крепче обнимает. Я льну к нему, прижимаюсь лбом к его плечу и судорожно вздыхаю. Мы продолжаем двигаться. Я просто вторю его движениям. Он ведет в танце так уверенно, что хочется следовать за ним, следовать, следовать...

— Знаю, что причинил тебе боль, — Дима отпускает мою руку и кладет вторую ладонь на спину. Мне ничего не остается кроме, как обнять его за шею. — Я не хотел.

Вскидываю голову и смотрю на него. Больше не сдерживаю слез, которые катятся по щекам. Дима останавливается посреди танцпола. Он не отводит от меня глаз. Больше ничего не говорит, только поднимает руку и большим пальцем ловит очередную слезинку. Этим вызывает еще больший поток слез. Закусываю губу, чтобы не разрыдаться в голос. Но от Димы даже не пытаюсь их скрыть. Мне нужно поделиться с ним болью, все это время разрывающей меня. Нужно, чтобы он почувствовал, что сделал со мной. Нужно, чтобы понял. Не могу больше держать все внутри. Не теперь, когда во мне растет его еще одна жизнь.

Ребенок... Ради него я должна быть сильной. Возможно, будет лучше уехать от Димы. Вот только смотрю на него сейчас и понимаю, что не смогу. Ему нужно сказать. Несмотря на последствия, он должен знать, что станет отцом. Только мне тоже кое-что нужно... обещание, слово генерала.

Очередная слеза скатывается по щеке, которую Дима стирает.

— Прости меня, — его пальцы сильнее впиваются в мою спину. Музыка прекращается, в зале разливаются аплодисменты. — Спасибо за последний танец.

Он делает шаг назад, отпуская меня.

Руки падают вдоль тела. Я смотрю на Диму и понимаю — это конец. Он все решил. За нас обоих. Снова. Даже не спросил, чего хочу я. Место печали занимает гнев. Слезы тут же высыхают, остаются только влажные следы на щеках. Нет. Так не пойдет. Сначала мы поговорим, а потом я уйду. На своих условиях. Тянусь к Диме, собираюсь сделать шаг, когда чувствую пальцы на запястье.

— Вот ты где? — Лиза останавливается рядом со мной. — Я уже думала, тебя похитили, — ее голос полон сарказма и понятно на кого он направлен.

Я не реагирую на ее выпад. Смотрю на Диму, который в свою очередь отводит от меня глаз. Он ничего не говорит, но я все понимаю. Его решения не поменять. В груди сжимается. А может оно к лучшему?

Музыка снова разливается по залу, Лиза что-то говорит, куда-то меня тянет, но я не двигаюсь. Кажется, что если сделаю хоть шаг, то рухну в пропасть. Ту самую, над которой висела последнее время. Качаю головой. Нет, нет, нет. Нужно выкинуть эти мысли из головы. Хватит самобичевания. Если Дима решил оставить нас... меня, неважно, пусть катится лесом. Если он не собирается бороться, нам точно не по пути. Если вместо того, чтобы исправить то, что натворил, он решает отступить...

— Позвольте вас познакомить, — английская мужская речь врывается в мысли, и я невольно перевожу взгляд.

Сразу же замечаю Абду, который приобнимет Лизу за талию. Он бросает на нее нежный взгляд и получают такой же в ответ. Вот оно семейное счастье, о котором я так мечтала.

— Добрый вечер, — бархатный голос привлекает мое внимание. Я окидываю взглядом его обладателя: высокий мужчина, немного худощавый в белоснежном смокинге, с русыми, зачесанными назад волосами, длинным носом и тонкими, растянутыми в хищной улыбке губами. Со стороны он кажется дружелюбным, но мне почему-то хочется сделать шаг назад, а лучше спрятаться за чью-то спину. Это ощущение усиливается, когда его с прищуром глаза задерживаются на мне и еще больше сужаются. Кажется, будто меня во что-то слизкое и вязкое окунули. Но я стойко принимаю его взгляд и вздергиваю бровь, когда он, сначала осмотрев меня с ног до головы, доходит до лица.

Кривая ухмылка мужчины становится похабной. Она явно послана, чтобы смутить меня, но я как стояла ровно, так и стою. Только немного дергаюсь, когда чувствую знакомую грубую ладонь у себя на спине, и горячее тело, в которое меня буквально впечатывают.

Незнакомец переводит взгляд на моего мужа, и хоть ухмылка ненадолго спадает с его лица, но быстро возвращается. И Дима получает взгляд, наполненный вызовом.

Пальцы Лизы, которые все еще сжимают мое запястье, сильнее впиваются в кожу — не одна я это заметила.

— Джентльмены, даже я чувствую напряжение, которое исходит от вас, — хриплый смех Абду направлен на то, чтобы разрядить обстановку. Но Дима не собирается расслабляться. Мне не нужно смотреть на него, чтобы понять — он прожигает незнакомца взглядом. — Может, я сначала познакомлю вас, прежде чем вы вцепитесь друг другу в глотки?

Шутливый тон Абду и присутствие Димы помогает мне немного расслабиться. Высвобождаю запястье из хватки Лизы и завожу руку за спину. Нахожу ладонь Димы у себя

и накрываю ее. Дима сразу переплетает наши пальцы. Стеной нависает надо мной и не отводит глаз от потенциального соперника.

Они словно в гляделки играют, только ставки, куда выше обычных. Я чувствую себя призом в их игре. Хорошо, что первым сдается незнакомец. Он выставляет ладони перед собой и делает шаг назад.

— Прошу прощения, если я чем-то вас задел, — он засовывает руки в карманы брюк. — У меня даже мыслей подобных не было.

— Дмитрий, — Абду выходит вперед. — Позвольте представить — Михаил Афанасенко. Владелец сети отелей «Мариол». Насколько мне известно, что он является акционером еще нескольких компаний, но мне пока не удалось узнать, каких именно, — укор в словах Абду не скрывается от меня, даже с учетом того, что он говорит на иностранном языке. — Думаю, у нас все впереди. А это Дмитрий Волков, генерал армии Российской Федерации, и его жена, Ева.

Ловлю презрительный взгляд Михаила, брошенный на мужа. Я бы даже сказала, что в нем проскользнуло отвращение, но не могу быть до конца уверена, потому что мужчина быстро натягивает на себя маску дружелюбия, подкрепленную улыбкой, показывающей белоснежные зубы. Он протягивает Диме руку, которую муж с неохотой пожимает, но сразу не отпускает. Замечаю, как уголки губ Михаила подрагивают, а кожа вокруг пальцев Димы побелела.

Невольно усмехаюсь, хорошо, что музыка громкая и скрывает мою реакцию от присутствующих. Зато Дима все слышит. И Лиза, скорее всего, тоже.

Еще мгновение муж сжимает руку Михаила, после чего отпускает и грохочет:

— Приятно познакомиться.

Надо отдать Михаилу должное, он даже не морщится, хотя больше ни о какой улыбке и похабных взглядах речи не идет. Он испытывающее смотрит на Диму, будто пытается донести какую-то мысль, которую я не могу уловить. Сама невольно жмусь к мужу. Не могу понять почему, но интуиция кричит держатся от этого Михаила подальше. Поэтому, когда Абду начинает говорить и до меня доходит смысл его слов, внутренне содрогаюсь.

— Дмитрий, — Абду бросает на мужа настороженный взгляд, в его голосе нет даже намека на проблемы, но по прищуренным глазам, я понимаю — что-то не так, — можем поговорить? Вадим с Александром ждут нас. Думаю, Михаил будет не против составить компанию девушкам.

— Конечно, никаких проблем, — фальшивая улыбка Михаила, которая снова появляется, меня совсем не прельщает.

— Ты не против? — тихий голос Абду, обращенный к Лизе, доносится до меня, когда музыка на мгновение замолкает.

Я вздрагиваю, когда вижу кивок девушки. Хотя не уверена, что она вообще слышала мужа. Ее взгляд направлен куда-то вдаль. Слежу за ним и не вижу ничего особенного: танцующие пары, разговаривающие люди, охрана у стен. Останавливаюсь на молоденькой девушке, чем-то напоминающей Лизу: такая же худенькая, со светлыми волосами, но короткое ярко-синее платье точно не может принадлежать жене шейха.

— Если что-то пойдет не так, подойди к любому охраннику, — шепот Димы раздается прямо у уха, и меня обдает жаром. — Ева, слышишь меня?

Я медленно перевожу взгляд на мужа и киваю. Выгляжу, скорее всего, немного напугано с расширенными глазами и приоткрытым ртом, но не по той причине, о которой

думает Дима. Его пальцы так сильно сжимают мои, что чуть не ломают их. На самом деле, меня пугает не этот скользкий мужик, а собственная реакция на мужа. Но сейчас не то время и уж точно не подходящее место, чтобы обсуждать наше будущее. Поэтому я просто более уверенно киваю и пытаюсь передать Диме взглядом, что ничего страшного со мной не случится.

Ему требуется чуть больше времени, чтобы отойти от меня. Последними он высвобождает мои пальцы, на мгновение снова сжимая их. Дима и Абду покидают нас, оставляя меня вместе со скользким типом и Лизой, все еще находящейся в прострации. Она явно следит за кем-то. Не проходит минуты, как она втягивает воздух и поджимает губы.

— П-прошу прощения, — Лиза даже не смотрит на нас с Михаилом. — Мне нужно ненадолго отлучиться, — и прежде, чем получает хоть какой-то ответ, широкими шагами пересекает танцпол.

Осознаю, что осталась наедине с малознакомым мужчиной. Пока он не успел ничего предпринять, в том числе пригласить меня на танец — дрожь проходит по телу, стоит представить как его руки коснутся меня, — бормочу «мне нужно выпить» и ухожу с танцпола вовсе. Затылком чувствую присутствие Михаила, вряд ли он отстает от меня хотя бы на пару шагов. Поэтому мне ничего не остается кроме, как набрать в легкие воздух, разворачиваюсь и смотрю на мужчину.

Он останавливает пробегающего мимо официанта, и снимает с его подноса два бокала с шампанским. Один передает мне. Я, нехотя, его беру. Сжимаю ножку бокала и подношу к губам, но не пью. В отличие от меня, Михаил одним глотком почти осушает бокал, шампанского остается только на доньшке.

— Е-е-ева, — Михаил словно пробует мое имя на вкус и пытается определить сочетается ли оно с шампанским. — Какое у вас прекрасное имя. В честь девушки, из-за которой Адама выгнали из рая. Никогда не боялись повторить судьбу своей предшественницы?

— Какие у вас странные вопросы, — я крепче впииваюсь пальцами в бокал, изо всех сил подавляя желание вылить содержимое на его идеально подобранный смокинг. — И нет, не боюсь. Я не настолько смелая или беспечная, выбирайте сами.

Музыка становится ритмичнее, перевожу взгляд на танцпол, и вижу пары, которые ускоряют свой темп. Длинные женские юбки развиваются при каждом шаге, и я задаюсь вопросом: «Как девушки и, конечно же, их партнеры не путаются в подолах?».

— Я бы не сказал, — Михаил проходит по мне тем же похабным взглядом, что и ранее, задерживается в районе оголенного живота, прежде чем поднять глаза. Он посылает мне многозначительную улыбку и приподнимает бровь, прежде чем понизить голос до едва различимого в звуках музыки шепота. — Вы точно смелее многих женщин.

Он будто не договаривает «беспечнее», но мне уже все равно. Не знаю почему, но перевожу взгляд на вход. Меня будто туда потянуло. Понадобилось всего мгновение, чтобы я понять почему. Любовница мужа в красном платье, едва прикрывающим попу, и с огромным декольте стоит у самого входа.

Не сразу замечаю, что она держит под руку «папочку», который тоже не поленился натянуть смокинг на тучное тело и о шляпе не забыл. А в руке у него оказалась трость. Наконечник не вижу, зато улавливаю свет, отразившейся от него. Он привлекает мое внимание всего на мгновение, после чего я снова смотрю на «Оленьку», которая явно чем-то недовольна. Она, хмурясь, обводит взглядом зал. Складывается впечатление, что считает

общество, которое собралось на балу, недостойным своего присутствия.

Михаил что-то говорит, но я его не слышу. В ушах стучит, шумит, свистит... не могу точно определить, что происходит в моей голове, но отчетливо понимаю — видеть эту вертихвостку точно не хочу. Отвожу от нее взгляд и начинаю искать пути к отступлению. Возникает мысль подойти к охраннику и попросить отвести меня к Диме, но я ее тут же отметаю, когда оборачиваюсь и вижу за спиной распахнутую дверь, прикрытую прозрачной тюлью. Уже делаю шаг, когда вспоминаю, что не одна.

— Простите, мне нужно подышать свежим воздухом, — бросаю быстрый взгляд на Михаила, который тоже сосредоточился на входной двери. Возможно, даже на «Оленьке» и на ее папаше, но этого мне узнать. И если честно, не сильно хочется. Главное я и без того вижу — Михаил поджимает губы, и те превращаются в маленькую белую нить. Вот только стоит ему услышать мои слова, он сразу же оборачивается ко мне.

— Я провожу, — Михаил делает шаг вперед, а я, одновременно с ним, отступаю назад.

— Нет, не нужно, — говорю грубее, чем хотелось бы. — Я хочу побыть одна.

Разворачиваюсь так быстро, что он успевает меня остановить. По пути задеваю кого-то плечом, на ходу бормочу извинения, но не останавливаюсь. Дохожу до двери. Вот только черт меня дернул бросить взгляд на входную дверь.

Сразу же встречаюсь с наполненным ядом взглядом крашенной блондинки, после чего ее губы растягиваются в ехидной улыбке. Я подавляю желание удариться лбом о ближайшую стену и ныряю за штору, надеясь, что «Оленька» не заметила, куда я исчезла. Или пусть у нее будет память как у рыбки — меня любой вариант устроит.

Как только я оказываюсь снаружи, холод покрывает оголенную кожу. Возникает желание вернуться обратно, но вспоминаю про любовницу мужа и решаю остаться. Поэтому вместо того снова окунуться в блаженное тепло и нарваться на публичный скандал, что-то мне подсказывает, с Оленькой его не избежать, я остаюсь на заднем дворе гостиного двора. Балкон, куда я вышла, больше напоминает мини-террасу на первом этаже, огороженную бетонными прутьями похожими на кегли. Перила из того же материала, поэтому, когда я их обхватываю, они холодят ладони. Наблюдаю за пустынной дорогой, что обычно довольно странно в Москве, но бал, устраиваемый шейхом, действительно важное мероприятие, чтобы перекрыть проезжую часть. Где-то вдалеке замечаю двух патрулирующих охранников, освещающих себе путь фонарями. В тишине до меня доносится шум радики, хотя я не помню, что бы она у людей Вадима была. Но, возможно, я просто не обращала внимания.

Мои плечи напряжены. Как и все тело. Я до боли в пальцах стискиваю перила... Почти не дышу. Жду. А «Оленьки» все нет. Проскальзывает мысль, что она не появится. Прикрываю глаза и подставляю лицо холодному воздуху, когда слышу слащавое:

— Вот мы снова встретились.

Ее голос можно сравнить только с царапающим стекло гвоздем. Точно также он влияет на мои нервы. Но я не вздрагиваю, не пугаюсь, даже сердцебиение не учащается. Только челюсти сжимаются, когда я распахиваю глаза и разворачиваюсь.

«Оленька» стоит, прислонившись к косяку. Она сложила руки на груди, при этом выпячивает грудь. Одна ее слишком черная бровь приподнята, а красные губы растянуты в предвкушающей расправу улыбке.

Я прижимаюсь ягодицами к перилам и повторяю позу «Оленьки». Если она думает, что потревожит меня своим появлением, заставит ревновать или что-то подобное, то она ошибается. На маленьких дурочек не обижаются. Зато поставить их на место всегда можно.

Поэтому спокойно стою и жду.

Ждать долго не приходится. Улыбка постепенно сползает с лица «Оленьки», ее лицо показывает ее истинную озлобленность. От ее превосходства, которое всеми силами девушка пыталась мне показаться, не остается следа, поэтому она выбирает единственную выигрышную для себя тактику — нападение.

Делает шаг и выплевывает прямо мне в лицо:

— Ничего не скажешь?

Я лишь усмехаюсь. Странно, что она ядом еще не брызжет. Но вместо этого тычет в меня своими сиськами, прожигает взглядом, а ручки упирает в бока. Это настолько комично выглядит, что мне приходится прикусить щеку, чтобы сдержать смешок.

— Ты же за мной пошла, а не я, — мой голос такой спокойный и даже немного скучающий, это даже удивительно. — Если тебя распирает от желания что-то мне рассказать, внимательно тебя слушаю.

Вздыхаю для пущей убедительности и склоняю голову к плечу.

«Оленька» точно улавливает мое безразличие, потому что ее лицо краснеет и вряд ли от смущения. Скорее, из-за гнева, который ее распирает. Я считываю его в глазах девушки, и мне даже жаль ее становится. Ровно до тех пор, пока она не открывает свой рот.

— Не только у Димы есть фотографии, — улыбка, которая появляется на лице «Оленьки», больше напоминает оскал. Она пытается выглядеть грозной или даже лучше сказать гордой, но, если честно, ее аргумент звучит так по-детски, что на этот раз у меня не получается сдержать смешок.

— И-и-и? — стараюсь убрать улыбку, но уголки губ подрагивают.

Это, конечно же, не скрывается от Оленьки. Она отбрасывает волосы с плеча назад, открывая мне лучший обзор на свою грудь. Но, к ее сожалению, я не мужчина, на меня такие «аргументы» не действуют.

— Я их распростирую. Там лицо твоего мужа отчетливо видно! — победная улыбка искажает ее лицо. Если раньше «Оленьку» можно было посчитать, хоть и слишком истеричной, но все-таки соперницей, то сейчас я вижу перед собой малолетнюю дурочку, которой точно не хватает мозгов.

— И кому ты этим сделаешь хуже? — я вздыхаю, но взгляда от ее глаз не отвожу. — Диме? Он — мужик. Из каждого чайника льется, что они полигамны. Мне? Я в этой ситуации окажусь жертвой. А вот ты... Ты свою репутацию не отмоешь. Не говоря уже о том, что попадешь под уголовную статью. Тебе это нужно?

Я стараюсь оттеснить «Оленьку» обратно к выходу, но она оказывается сильнее, и не двигается с места. Смотрит на меня словно бык на красную тряпку, только пара из носа для полной достоверности не хватает.

— Он все равно будет моим! — пищит она.

— Да, забирай, — расслабляюсь я. — Могу хоть завтра подписать документы на развод. Только сомневаюсь, что Диме такая маленькая шлюшка, как ты, нужна. Может, прекратишь бегать за женатыми мужиками и найдешь себе свободного?

До меня доносится рык. Не сразу понимаю, что исходит он от «Оленьки». Зато отчетливо чувствую, как она толкает меня в грудь. Если бы я упиралась в перило, скорее всего, перелетела бы через него и точно ударила бы чем-то жизненно важными. С моей-то удачливостью. Но благодаря тому, что я не расслабилась полностью, только хватаюсь за перила и остаюсь стоять.

Вот только «Оленька» замахивается. Я едва успеваю перехватывать ее за запястье. Ладонь «Оленьки» останавливается прямо у моего лица. Но у нее же есть вторая, которую мне тоже удастся задержать.

— Ты с ума сошла, — шиплю я ей прямо в лицо.

— Отпусти, — она дергает руками. — Отпусти, я сказала!

Неизвестно откуда у меня берутся силы. Держу любовницу мужа так крепко, что у нее не получается вырваться. Она машет головой, кричит на меня, пытается ударить ногой, и надо сказать, что почти достигает цели, но промахивается. Ее туфля врезается в бетонную «кегли», отчего «Оленька» начинает завывать. Иначе то, что вылетает из ее рта, сложно назвать. Она расслабляется, но я опасаясь ее отпустить. Мало ли что взбредет в голову безбашенной потаскушке. Поэтому стою ровно и наблюдаю, как слезы катятся из ее глаз. Такими крупными каплями, что даже напоминают искренними, но почему-то я сомневаюсь.

Руки затекают, и как только «Оленька» чувствует слабость сразу же вырывается и с боевым кличем пытается броситься на меня, на этот раз всем телом. Я даже в сторону отступить не успеваю, как замечаю цепкие пальцы, пытающиеся ухватиться за мои волосы. Задерживаю дыхание, готовлюсь к боли и, возможно, не только из-за выдранных волос, но и падения на асфальт. Вряд ли у меня получится удержать нас обеих. Вот только ничего из этого не происходит.

На балкон врывается двое охранников и оттаскивают взбалмошную потаскушку от меня. Она кричит, вопит, брыкается. И все равно пытается дотянуться до меня. Но один из охранников крепко держит ее за талию. У мужчины силы явно больше, чем у меня. Поэтому он спокойно ждет, пока особа выдохнется, и стоит этому произойти, перебрасывает ее через перило. Я и не видела, что туда подошел еще один охранник.

Только он оказался не таким проворным. «Оленька» выскользывает из его рук и несется, непонятно куда. Хотя убежать ей далеко не удастся — слышится хруст ее каблука. Девушка подворачивает ногу и с очередным воем шлепается на задницу. Охранник подходит к ней, закидывает ее на плечо и куда-то уносит.

Мои брови поднимаются все выше и выше.

Рядом раздаются удаляющиеся шаги. Не обращаю на них внимания, наблюдая за скрывающемся за поворотом парочкой. Зато нецензурщина, слетающая с женских губ, слышится еще долго.

— Ева, можем поговорить? — вздрагиваю, когда слышу знакомый голос.

Если «Оленьку» я ждала и готовилась к встрече с ней, то его я не думала здесь увидеть. Медленно поворачиваю голову и смотрю на Славу.

— Не подходи ко мне, — жмусь в перила.

— Я ничего тебе не сделаю, — он показывает мне свои ладони. — Просто хочу поговорить.

Перевожу взгляд с его рук на лицо и обратно. Откуда-то перед глазами появляется картинка, как эти руки сжимаются на моей шее. Сердце начинает скакать вслед за мыслями, а я... я перестаю соображать. Разворачиваюсь, перебрасываю ноги через перила и спрыгиваю. Хорошо, что мы на первом этаже, поэтому чувствую только боль в ступнях, вместо какого-нибудь перелома.

Отхожу на пару шагов, бросаю взгляд через плечо и вижу, что Слава не двигается. Теперь, когда между нами появилась преграда, чувствую себя более уверенно.

— Зачем ты меня преследуешь? — я разворачиваюсь и понимаю, что зря.

Слава в миг перемахивает через перила и идет ко мне.

Тоже начинаю двигаться — спиной вперед, чтобы не упускать его с вида.

— Мне нужно только поговорить. Мне нужна эта работа. Я не хочу, чтобы между нами были недомолвки.

Нервный смешок вырывается из меня.

— Ты хоть сам слышишь, как дико это звучит? Ты не на меня работаешь, а на моего мужа, — мои каблуки негромко стучат по асфальту, но я надеюсь, привлекут внимание. Или лучше закричать?

— Это правда, — Слава не останавливается, его шрамы в тусклом свете кажутся еще более страшными. — Мы просто поговорим, правда.

Набираю в легкие как можно больше воздуха...

— Что здесь происходит? — еще один мужской голос, на этот раз незнакомый, заставляет меня протяжно выдохнуть.

А приближающиеся быстрые тяжелые шаги дают возможность немного расслабиться.

Слава останавливается. Я тоже. Охранник подходит к нам.

— Что происходит, я спрашиваю? — его голос грубый, я бы даже сказала ледяной.

— Гостю нужно помочь вернуться обратно на бал, — Слава бросает на меня обвиняющий взгляд, после чего переводит его на охранника. — Я могу сделать это сам.

— Я сделаю, — ответ четкий, напоминает военного.

В окне на втором этаже загорается свет и падает на нас. Поднимаю взгляд, но задерживаюсь, замечая шрам, выглядывающий из-под ворота рубашки охранника. Моментально вспоминаю его — туалет.

— Простите, но мне нужно отдать долг.

Чувствую давление на шею.

Тьма накрывает, слышу звук какой-то возни, а в голове проносятся всего два слова: «Дима, ребенок».

Темнота... Она такая тягучая, вязкая, затягивающая. Зовет к себе. Нет, взывает. Просит остаться там, где спокойно. Не дает мне выбраться. Держит холодными пальцами мои руки и пытается пробраться под кожу, чтобы хотя бы так на меня повлиять. Но есть кое-что, что противостоит ей — боль. Она отдается в висках и разносится от головы по телу. Задевая каждую клеточку, высвобождает меня из объятий тьмы и тянет обратно к свету.

Открываю глаза и сразу же закрываю их. Веки тяжелые, не хотят подчиняться. Но я не сдаюсь, пробую снова и снова, пока взгляд не фокусируется. Первое, что вижу — белую, бездушную стену. Только через мгновение, когда замечаю лампочку, обернутую в стеклянный плафон, понимаю, что смотрю на потолок. Перевожу взгляд дальше и замечаю обои, немного выцветшие, но рисунок в виде тянущихся лиан все еще можно рассмотреть. Слежу за одной, пока не натыкаюсь на сервант — красно-коричневый, старинный. Такой раньше стоял в каждой квартире: на полках советские, обветшалые книги; за стеклом сервиз и хрустальные рюмки с бокалами; еще несколько отделений закрыты деревянными дверками.

Пытаюсь подняться, чувствую слабость и падаю обратно. Слышу скрип. Мгновением позже понимаю, что дело в диване, на котором я лежу. Делаю пару глубоких вдохов, собираю последние силы и быстро сажусь. Перед глазами темнеет, поэтому хорошо, что я сижу, просто откидываюсь на спинку дивана и жду, пока свет снова вернется ко мне. Это происходит постепенно, но, в итоге, я прихожу в норму. Замечаю солнце за окном, оно только восходит, придавая небу оранжевые оттенки. У меня в голове появляется вполне резонный вопрос: «Где я?». А за ним второй: «Что случилось?».

Стоит этим мыслям сформироваться, вспоминая сразу же возвращаются ко мне. Подрываюсь на ноги, совсем забыв о слабости. Она тут же проносится по ногам к стопам, которые утопают в бело-бордовом ковре с узором из цветов, знакомом всем с детства. Сажусь обратно, перевожу дыхание и уже медленнее встаю.

Напротив окна вижу выкрашенную белой краской дверь. Двигаюсь к ней. По пути цепляюсь за собственную ногу, спотыкаюсь, но все-таки мне удается устоять, оперевшись рукой за компьютерный стол. На нем лежат провода, но ни ноутбука, ни стационарного компьютера. За столом даже кресла нет. Только несколько грязных кружек из-под кофе и штук пять тарелок, стопочкой стоящих друг на друге. Между ними замечаю недоеденную корку хлеба, От этого вида меня чуть ли не выворачивает. Хватаюсь за живот и поглаживаю его.

Тихо, малыш, скоро мы выберемся. Обещаю. А пока посиди спокойно, ладно?

Дохожу до двери и дергаю ручку. Ну, конечно!

Пробую еще раз. Бесполезно. Хочется сползти по двери, обнять колени и раскачиваться из стороны в сторону, при этом жалея себя. Но мысли о ребенке придают силы. Вместо того, чтобы сдать иду к окну. На этот раз куда увереннее, чем в прошлый.

Вот только там меня тоже ждет разочарование. Упираюсь ладонями в подоконник и смотрю вниз — этаж четвертый, не меньше. Выбраться точно не рискну, а дом напротив находится слишком далеко, чтобы позвать на помощь. Может, соседи? Тянусь к ручке на окне, благо они новые, пластиковые, а не деревянные. Открываю, выглядываю. Холод сразу же проходит по коже, посылая по ней волну мурашек, но я не реагирую. Смотрю сначала

на боковые окна, потом вниз и даже наверх заглядываю. Но никого не вижу. Ни один человек не высунулся, чтобы покурить. И любопытных бабок не видно. Хотя, о чем это я? Они обычно на первом этаже или на лавочках тусуются. Кстати, о них... Ищу глазами подъезд, но вместо привычных, всегда занятых лавочек, вижу облезлые тонкие ветки с редкими листьями, отдаленно напоминающие сирень. За ними ничего рассмотреть не получается. Чуть больше высовываюсь, пытаюсь найти хоть какой-то просвет и едва не вываливаюсь из окна, когда чувствую руки на талии.

Меня затаскивают внутрь, отталкивают от окна и захлопывают его.

— Ты с ума сошла?

Грозный голос посылает по позвоночнику волну мурашек. Сначала вижу массивную спину, обтянутую белой, немного потертой футболкой. Что-то плоское скрывается под ней, засунутое за пояс. Не успеваю определить, что именно. Мужчина разворачивает, и я смотрю в глаза с суженными зрачками.

Едва узнаю его. Лицо еще больше осунулось. Щетина превратилась в бороду. Синяки почти сошли с кожи, зато под глазами стали больше.

— Артем?

Его имя, слетевшее с моих губ, звучит как приговор. Сразу же вспоминаю ту тонну сообщений, на которую не ответила. И моментально жалею, что была такой глупой, никому о них не сказав. Теперь смотрю на человека, которого когда-то считала другом, и понимаю, что он совсем не тот, кого я когда-то знала. Кроме потрепанного внешнего вида в его глазах плещется настоящее сумасшествие. По-другому бегающий взгляд, которым он осматривает комнату, назвать не могу. Артем хоть и выглядит до сих пор мощным, но его истощение не скрыть. Достаточно посмотреть на джинсы, которые держатся только на ремне.

— Вот скажи, ты — идиотка? — его взгляд останавливается на мне. — С четвертого этажа сигануть собиралась?

Я непонимающе смотрю на него. До меня только сейчас начинает доходить, как я, торчащая в окне, могла выглядеть со стороны. Но смотря на Артема, понимаю, что класть хотела на его чувства или что он там мог себе подумать. Не верится мне, что Артем испугался за меня. Зато вопросов у меня к нему накопилось немало.

— Ничего я не собиралась делать, — складываю руки на груди. — У меня к тебе встречный вопрос: какого хрена ты творишь?

Не успеваю даже моргнуть, как Артем подлетает ко мне и толкает на диван. Я смотрю на него ошалелыми глазами, а когда он нависает надо мной и до меня доносится его зловонное шипение, стараюсь слиться с обивкой.

— Если бы ты выполнила свою часть сделки, мне бы не пришлось ничего делать! — Артем отталкивается от спинки дивана, после чего начинает расхаживать передо мной.

Что-то мне это напоминает. Я ловлю флешбэки с нашей встречи в туалете — антураж другой, а остальное все то же.

— Ты хоть понимаешь, как подставила меня? — Артем говорит с надрывом, его голос наполнен нескрываемым обвинением, а кулаки он то сжимает, то разжимает. — Я должен был предоставить данные еще вчера, а теперь меня на счетчик поставили!

Из-за мельтешения Артема у меня начинает кружиться голова. Прикрываю глаза и делаю глубокий вдох, прежде чем снова посмотреть на него.

— Хорошо, что запасной план был. А то из-за таких друзей, как ты, я бы давно валялся где-нибудь в подворотне или в лесу в яме, которую сам же и выкопал бы, — Артем

останавливается, смотрит на меня, кривится и снова начинает расхаживать. — Теперь, главное, чтобы твой мужинек не подвел. Может, ты все-таки ему хоть немного дорога, и он передаст мне нужную информацию.

— Что ты имеешь в виду? — хмурюсь, с опаской поглядываю на Артема, пока сама чуть приподнимаюсь и удобнее устраиваюсь на диване.

— Я уже говорил тебе, мне нужна сумма, которую минобороны предложили шейху, — Артем останавливается, проводит рукой по волосам, но вместо того, чтобы отпустить их, сжимает в кулаке и тянет. — Остался последний шаг, и я буду свободен. Я так хочу, чтобы это закончилось.

— Насколько я знаю, сделка не состоится, — блефую, потому что не могу быть точно уверена. — Мне Лиза сказала, что возникли проблемы.

Условие шейха и для меня звучит немного бредово, поэтому решаю не озвучивать его. Но сказанного достаточно, чтобы заставить Артема замереть, глядя на меня. Суженные зрачки, заостренные скулы и взлохмаченные волосы придают ему еще более бешенный вид. Невольно жмусь в спинку, когда он подлетает ко мне.

— Ты уверена? — пристально всматривается в мои глаза.

Киваю. Вписуюсь в ладони, наблюдая за мыслительным процессом на его лице. Морщины на лбу постепенно разглаживаются, брови поднимаются, глаза начинают блестеть. Торжествующая улыбка появляется на его лице.

Артем быстро пересекает комнату, распахивает дверь и выходит. Подрываюсь. Бегу к двери, но она захлопывается прямо у меня перед носом, и я слышу звук, поворачивающегося замка.

Ладонью со всей силы бью по выкрашенному куску деревяшки, не дающему мне выбраться из ловушки, забывая о чувстве самосохранения. Если бы Артем услышал и вернулся... Но ничего не происходит. Я так и стою, впиваясь взглядом в дверь и чувствуя жжение на ладони. Поджимаю пальцы на ногах, замерзшие без обуви, и пытаюсь глубоко дышать. Но это мало успокаивает.

Мысли о том, что я не выберусь из заварушки, в которую сама же себя втянула, начинают закрепляться в голове. Вот зачем мне было обращаться к Артему? Перед глазами то и дело пролетают картинки, что он может сделать со мной, если не получит желаемого. Я всеми силами отгоняю их, но то и дело вижу, как мои пальцы рвут ворс на ковре, как боль, сковывает мое тело и как кровь брызжет во все стороны. Не знаю, откуда это взялось. Скорее всего, воображение играет со мной в злые игры. Но от увиденного, становится, так страшно, что холод проносится по телу.

— Дима, найди нас, — шепчу себе под нос, кладу ладонь на живот и смотрю в окно. — Если я когда-нибудь была тебе нужна, пожалуйста, найди.

Слышу щелчок, поворачивающегося замка, после чего дверь в комнату распахивается. Передо мной появляется Артем — злой как черт. Черты лица заострены, взгляд дьявольский, брови сведены к переносице, а кулаки сжаты.

— Ты мне соврала!

Делаю шаг назад. И еще один. Артем наступает на меня. Он напоминает мне медведя, который готов разорвать свою жертву.

— О чем ты говоришь? — бросаю взгляд за его плечо.

Дверь открыта... открыта. Но как до нее добраться? Артем загораживает собой проход и предугадает любой мой маневр, стоит только дернуться.

— Сделка заключена, — слова звучат также как два гвоздя, вбиваемых в крышку моего гроба. — Заключена! — кричит он.

— Э-э-этого не может быть, — осматриваю комнату в поисках чего-то тяжелого. Как назло, ничего не нахожу. — Лиза...

— Да, что твоя Лиза знает? — Артем замахивается, я сжимаюсь. В последний момент он запускает руку в свои волосы. — Ты хоть представляешь, что они со мной теперь сделают?

— К-кто? — оглядываюсь — нет, прыгать с окна не вариант.

— Коллекторы, бандиты, называй, как хочешь! — Артем впивается в меня взглядом.

— При чем тут они? — хмурюсь, словно не улавливаю какую-то деталь.

— При чем? — Артем кричит. Я сжимаюсь, делаю очередной шаг назад, бедрами натыкаюсь на подоконник и понимаю — бежать больше некуда. Хорошо, что Артем пока не пытается придвинуться. — Я проигрался в пух и прах, а долги нужно отдавать!

— Проигрался? — я прикусываю язык, когда понимаю, что сказала это вслух.

— Азартные игры, — Артем трет пальцы, будто в них что-то есть и ему чего-то не хватает. — Еще в универе подсел. Я же хорош в математике, вот и считал карты. Пока меня не поймали.

Артем вздыхает и смотрит на экран телефона.

— Генеральный сегодня должен был деньги перевести. Я бы сообщил сообщу ему сумму, он выиграл бы тендер. Идеальный план. Я бы расплатился с долгами, а так... — Артем уже двумя руками вцепляется в волосы и вырывает их. — Они из-под земли меня достанут. Мне не сбежать!

Он выгибается, смотрит на потолок и... кричит так, что я хочу закрыть уши. Садится на корточки. Жазимает голову между рук. Я же вижу возможность и не могу ей не воспользоваться. Медленно, боком начинаю передвигаться ближе к серванту, спиной почти касаюсь его, с Артема взгляда не отвожу. Стараюсь дышать через раз. Ладони потеют, но у меня есть цель — проскользнуть в просвет между Артемом и сервантом. Почти достигаю ее, остался последний шаг, а потом нужно будет бежать, бежать со всех ног, когда...

Рядом с моей головой появляется рука.

— Куда собралась? — голос Артема звучит прямо у моего уха, посылая неприятные мурашки по коже.

Я резко дергаюсь в сторону двери, пытаюсь проскользнуть под «преградой», но чувствую руку на талии. Артем вжимает меня в себя. Упираюсь ладонями в его грудь, пытаюсь отодвинуться, но он сильнее и взбешен до безумия. Или не только это?

— Ты — мой последний шанс, — горячее дыхание обдаёт мое ухо и заставляет поежиться. Артем кусает мочку, вызывая у меня тошноту. Отворачиваю голову, но не помогает. Он проводит языком по моей щеке и направляется к губам.

Я резко поворачиваю голову в другую.

— О чем ты говоришь? — мой голос больше похож на писк.

Пытаюсь увернуться от назойливых губ. Сердце собирается вырваться из груди. К горлу подступает тошнота.

— Если твой муженек не заплатит сумму, которую я ему озвучил, то мы хотя бы развлечемся с тобой, — Артем сжимает свободной рукой мою грудь, а я задыхаюсь.

Вместо отчаяния, чувствую силу. Отталкиваю его и со всей силы врезаю ему между ног.

Артем ловит ртом воздух, хватается за свое хозяйство, но не падает, только сгибается.

Мне этого достаточно, я выскальзываю из ловушки его тела и со всей возможной скоростью мчусь к выходу.

Вот только и двух шагов не успеваю сделать — Артем толкает меня в спину. Я падаю носом в пол. Из меня выбирает дух. Выдохнуть не могу. Даже попытка приносит невыносимое жжение в груди. Но не сдаюсь. Преодолеваю боль, делаю вдох и начинаю ползти, цепляюсь руками за ворс ковра. Бесполезно, Артем наваливается на меня. Придавливает к полу, так что не могу пошевелиться, не говоря уже о том, чтобы продолжать двигаться.

— Кажется, ты хочешь поиграть раньше, чем твой муженек даст ответ.

Руки Артема начинают шарить по моему телу. Уже жалею, что выбрала этот наряд. Голая спина дает ему лучше из возможных пространств для маневра. Кожей чувствую все: жар его тела, дыхание, прикосновения. Через мгновение его грубые руки впиваются в талию.

— Знаешь, а ты всегда казалась мне сексуальной, — он хрипит у меня над ухом, пальцами проникая под ткань штанов.

Я начинаю извиваться, пытаюсь вырваться, вот только больше напоминаю себе кошку, которая пытается бороться с тигром, придавившим ее лапой. Но я не сдаюсь. Не могу. Я сейчас не одна. Мне нужно бороться за нас обоих. Руками нащупываю тело на себе, царапаю. Слышу шипение. Оно быстро прерывается, когда зубы впиваются мне в шею. Так сильно, что я не могу сдержать крик. Боль от укуса волнами расходится по телу, и я добавляю к ней еще одну. Кусаю губу, чтобы не доставить этому козлу еще больше удовольствия.

— Я всегда знал, что ты — дикая, — Артем усмехается и одной рукой проникает под ткань моих штанов. — Только носом воротила ото всех. А когда твой генерал появился на горизонте, для тебя вообще все существовать переставали.

Он сжимает мою ягодицу так сильно, что точно останутся синяки, после чего пальцами проникает дальше, касается ткани стринг...

Нет. Нет. Нет. Нет. Нет.

Я пытаюсь оттолкнуться от пола. Ворочаюсь. Брыкаюсь. Это мало помогает, но хотя бы ненадолго его останавливает.

— Чего сопротивляешься? — хриплый шепот Артема пугает еще больше. — Уверен, у твоего генерала после плена не стоит, хоть настоящего мужика попробуешь.

Он забирается под ткань трусиков, тянется дальше, когда...

— Отпусти ее, — я никогда не слышала настолько страшного голоса.

Вроде бы спокойный, но несет в себе такую угрозу, что замираю не только я. Артем тебе. Он даже руку из моих штанов вытаскивает. Хотя с меня не слазит.

Я поднимаю взгляд и вижу... Диму. Во вчерашнем костюме, все еще без пиджака, рукава рубашки закатаны до локтей, волосы взъерошены. Видно, что не спал. Делаю вдох, чувствую такое облегчение, что словами не передать. Оно не только внутреннее. Вес Артема пропадает с меня. Я не успеваю обрадоваться свободе, как чувствую его руку, сжимающую горло.

Артем тянет меня на себя. Я пытаюсь сопротивляться, но пальцы сжимаются сильнее. Ловлю взгляд Димы. Он коротко качает головой. Я тут же замираю и позволяю Артему поднять меня с пола. Сначала становлюсь на колени, потом на ноги. Все это время не отрываю взгляда на мужа, который также пристально смотрит на меня.

Спиной чувствую мощную грудь, грубые пальцы все еще смыкаются на моем горле, но мне больше не страшно. Пытаюсь всем своим видом передать Диме, как благодарна, что он

пришел за мной. За нами.

Взгляд Димы не просто суровый, а жестокий. В нем считывается жажда расправы, крови. И направлен он на Артема, который спрятался за моей спиной. При этом Дима выглядит абсолютно расслабленным, только сжатые кулаки выдают, что он в любой момент готов сорваться с места. Сдерживаю от активных действие его только я, которую используют в качестве живого щита.

— Как ты узнал, где я? — голос Артема дрожит. Дрожит! Зато пальцы сжимаются еще сильнее. Мне еле могу сделать вдох, и с каждым разом он дается мне все сложнее, болезненнее.

— Тебя это сейчас волнует? — Дима вскидывает бровь и делает шаг в комнату.

Артем тянет меня назад. Ноги путаются, я чуть ли не падаю, но пальцы, обернутые вокруг моего горла, становятся хорошим стимулом устоять.

— Ты прав, не это, — хоть я не вижу Артема, но мне кажется, что он оглядывается, в этот момент, Дима делает еще один шаг вперед. Он на секунду отрывает взгляд от моего похитителя и бегло осматривает меня. Наши глаза встречаются. Всего на мгновение, но я вижу его эмоции: он переживает. — Деньги привез?

Артем сильнее притягивает меня к себе. Я краем глаза замечаю угол комнаты — отступать больше некуда.

— Да, они в машине, — Дима кивает на выход. — Можем вместе пойти, и я тебе все отдам. Только Еву отпусти.

— Я идиот, по-твоему? — Артем не только мое горло сильнее сжимает, но и талию перехватывает.

На животе чувствую что-то холодное, опускаю взгляд, но ничего не вижу из-за мужской руки. Зато от Димы этот предмет не скрыт. Муж опускает взгляд и так сильно сводит брови к переносице, что между ними не остается просвета. Вены на его руках становятся видны отчетливее. А сам он напрягается.

— Так, где деньги? — в голосе Артема слышна ухмылка.

— Видишь? — Дима раскрывает ладони перед собой. — Нет? Говорю же, деньги в машине.

Он опускает руки и постукивает подушечками пальцев по бедру. Это совсем не похоже на него, поэтому и привлекает мое внимание. Дима вытягивает один палец. Не понимаю, что это значит, но взгляда не отвожу. Когда же Дима вытягивает второй палец, осознаю — отсчет.

— В игры со мной играть вздумал? — в голосе Артема истеричные нотки слышны, он удобнее перехватывает меня, на мгновение расслабляя хватку. Другого шанса может не быть, поэтому, не дожидаясь третьего пальца, бью Артема пяткой по голени и дергаюсь вперед.

Почти освобождаюсь, но Артем хватает меня за руку и тянет обратно на себя.

— Дима, — кричу я, и тянусь к нему.

Вместо того, чтобы схватить меня за свободную руку, он пронесится мимо. Артем тут же отпускает меня. Я чувствую толчок в спину и лечу на диван. Только не долетаю, падаю на деревянный подлокотник. Животом. Боль. Режущая боль пронесится по телу. Застылает глаза красной пеленой. И на этот раз полностью лишает дыхания. Сползаю на пол. В голове шумит. Почти не слышу звуки вокруг: удары, разбитое стекло, мат. Я как не дышала, так и не могу. Из последних сил подтягиваю руки к животу и обнимаю его.

Нет, только не это.

В груди жжет, когда я наконец втягиваю в себя крупницы воздуха, которые только усиливают боль. Живот скручивает, и я чуть ли не заваливаюсь на пол.

Перспективы попасть под горячую руку маячат над головой. Я собираю остатки сил, чтобы перекатиться и прижимаюсь спиной к злосчастному дивану.

Вот только, как оказывается, зря я волновалась. Артем, связанный своей же порванной майкой по рукам и ногам, лежит полу в осколках стекла и извергает поток ругательств. Неподалеку лежит нож, на его лезвии видны разводы от крови.

Дима обшаривает карманы Артема. Достает немного налички, ключи и пакетик с белым порошком. Муж фыркает, бросает все на пол. Его движения кажутся мне немного скованными, но не это сейчас меня больше всего волнует.

— Дима... — слабо зову я. Когда он оборачивается, смотрю вниз на свои ноги. Белая ткань брюк пропитывается кровью.

Бал, генерал

— Что случилось? — Вадим в своем любимом черном костюме и с выражением лица «готов решать проблемы» стоит у окна за кожаным диваном. Он оборачивается стоит нам с Абду зайти в кабинет.

Саша развалился в кресле рядом с диваном, кивает, когда видит нас. Он, как обычно, завязал волосы на затылке и заодно расстегнул все пуговицы на пиджаке, будто тот ему мешает.

Пришлось пройти несколько запутанных коридоров, чтобы добраться до административных помещений Гостиного двора. Кабинет находится в самом конце здания. Но сейчас я понимаю, почему Абду собрал нас здесь. Удаленность будет способствовать тому, что ничто сказанное здесь не выйдет за пределы кабинета.

— Ваша проблема с генеральным обострится, — Абду обходит диван и кресло, садится за стол, ставит на него локти, переплетая пальцы.

Я тоже не задерживаюсь в дверях. Ковер заглушает звук моих шагов, когда я пересекаю комнату и усаживаюсь на диван. Тянусь к журнальному столику напротив. Беру графин с янтарной жидкостью. Наливаю на самое дно виски и откидываюсь на спинку. Сзади слышу шуршание. Краем глаза замечаю руки, на искусственной коже дивана.

— «Кошку» нашли? — Саша все-таки снимает пиджак и бросает его на подлокотник.

— Это кто-то из наших, гарантирую, — голос Вадима наполнен сталью. — Иначе, не представляю, как они могли обойти все камеры видеонаблюдения, которые мы установили. Их расположение уже поменяли, охрану усилили, но что-то меня беспокоит. Кажется, кто-то прощупывал «слабые места» в охране. Пока я не найду крысу, не успокоюсь, — он обходит диван и садится рядом со мной. — Твой рапорт уже одобрили?

— Какой рапорт? — Саша сводит брови к переносице.

— Ухожу в отставку, — кручу в руках стакан, наблюдая, как свет переливается в янтарной жидкости. — Уступаю место глубоко и, главное, счастливо женатому приемнику, — делаю глоток, виски жжет горло, помогая заглушить волнение из-за Евы, которую я оставил с этим скользким говнюком. Хорошо хоть жена шейха с ними, и охрана на каждом шагу. Но все равно от одной мысли о ней с этим..., кулаки сами сжимаются. — Документы утром подписали. Поставка вооружение начнется в течение нескольких месяцев.

— То есть, ты заполучил контракт первым из нас? — Вадим отрывает от спинки дивана, чтобы взглянуть мне в лицо. — А тендер?

— И тебя просто так отпустили? — брови Саши поднимаются выше.

— Тендер — отвлекающий маневр. После увиденных контрактов, он был необходим, — пожимаю плечами. — И да, отпустили. У них был выбор: либо я, либо контракт с шейхом. Я же всего лишь винтик в огромной машине. Мной можно пожертвовать.

На самом деле, решение уйти со службы далось мне куда проще, чем я думал. Работа отняла у меня слишком многое. Я лишился чувств. Чуть не умер. Причинил жене такую боль, которую она вряд ли сможет забыть. Но может, у меня все-таки получится все исправить? Поэтому я легко сделал этот выбор — в пользу семьи.

— Вы сейчас не то обсуждаете, — Абду привлекает всеобщее внимание. — Пока информация о подписанном контракте не распространилась, генеральный может сделать

шаг. И непонятно, на кого он будет направлен. К Лизе приставлены охранники, которым я доверяю.

Перед глазами сразу появляется образ Евы. Белый наряд на ней не оставляет пространства для воображения. Вижу слезы, стекающие по ее щекам. У меня внутри все сжимается. А если...?

— Мне нужно идти, — ставлю стакан на стол, в тот момент, когда телефон Абду звонит. Он, взглянув на экран, отвечает. Недолго слушает, после чего сразу же называет наше местоположение.

В голове появляется всего лишь одно слово «поздно».

Подрываюсь с места и уже хочу пойти искать Еву, но Вадим хватает меня за руку. Смотрю в ответ жестко, обещая скорую расправу... Сжимаю кулаки, напрягая мышцы...

— Брат... — Вадим встает напротив меня.

В этот момент, дверь распаивается, и мы оба устремляем взгляды на нее.

На пороге стоит тот самый скользкий Михаил. Он заходит внутрь, освобождая место двоим охранникам и Славе, у которого на лице вдобавок к шрамам появился заплывший глаз и шишка на лбу.

— Мои люди нашли его вырубленным на улице, — Михаил прислоняется спиной к стене и складывает руки на груди.

— Что случилось? — я выдергиваю руку из хватки брата и смотрю на Славу, который сжимается под моим взглядом, но смотрит мне в глаза.

— Ева... — он пошатывается, поэтому одному из людей Михаила приходится поддержать его. — Он забрал ее.

— Кто он? — мой голос звучит спокойно, что совсем не сходится с пожаром ярости, который расцветает в груди.

— Я не знаю... — Слава снова пошатывается, теперь и второй охранник подхватывает его под локоть. Замечаю движение рядом с собой, напоминающее кивок. После чего Славу проводят в кабинет. — Видел его однажды, кажется, среди охранников, — он заваливается на диван и прикрывает глаза.

— Проверить камеры видеонаблюдения, живо! — Вадим кричит в трубку рядом со мной. — Искать Еву, мою невестку.

Глаза застилает красная пелена. Сжимаю челюсти. По венам бурлит настоящая лава. Ева... Делаю шаг к выходу, но снова чувствую хватку на плече. На этот раз не жду, разворачиваюсь и заносу кулак.

Вадим уклоняется от удара и перехватывает мою руку.

— Успокойся, — он смотрит на меня. — В таком состоянии ты ей не поможешь. Дай сначала мне сделать свою работу, потом ты сделаешь свою.

Дышу глубоко, поверхностно. Все, чего я хочу — сорваться с места, найти эту тварь, которая посмела тронуть Еву, и разорвать на куски. Мысли занимает жажда крови, и я уже представляю, как буду откручивать голову ублюдку, у которого пока нет лица. А если он хоть пальцем прикоснется к Еве... Скриплю челюстями. Здоровое зерно в словах брата все же есть. Оно заставляет меня остаться на месте. В глазах Вадима вижу что-то похожее на сомнение.

— Говори, — цежу сквозь стиснутые зубы.

— Брат, ты должен знать... Ева беременна.

Квартира похитителя, Ева

Дима в два широких шага преодолевает разделяющее нас расстояние. Резко садится на

корточки. Вглядывается в мое лицо — но скорее всего, побелело. Переводит взгляд на ноги.

Быстро поднимает на руки. Не смотрит на Артема. Проходит мимо. Нецензурная брань слышна сквозь вату в ушах. Выносит меня из комнаты... из квартиры.

Из-за боли перед глазами все расплывается. Не могу ни на чем сосредоточиться. Утыкаюсь носом в грудь Димы. Окунаюсь в его запах. Боль такая, что стону.

— В доме нет лифта, — доносится до меня голос Димы. — Прости.

Не понимаю, о чем он, пока... Дима начинает быстро спускаться по лестнице. Агония волной проносится по телу. С губ срывается стон. Скручиваюсь как могу. Хватаюсь за рубашку мужа, как за единственную опору.

— Потерпи, моя хорошая, — Дима крепче прижимает меня к себе, но темпа не сбавляет.

Кажется, даже ускоряется. Я так сильно тяну его рубашку, что слышу треск.

Дима слетает на первый этаж так быстро, как может. А я кажется даже не дышу, пока Дима плечом не толкает подъездную дверь, и мы не оказываемся в прохладе осени. До меня сразу доносится завывание ветра, прерываемое звуками торможения и воями сирен.

Я даже не пытаюсь оторвать лицо от груди мужа. Он несет меня куда-то, я слышу чьи-то голоса, имя мужа, но Дима не останавливается. Пересекает то ли двор, то ли улицу, пока на секунду не задерживается.

— Что там? — узнаю голос Вадима.

— Этого заберите. Ты в машину. Живо! — в Диме включается генерал. Никто с ним не спорит

Я открываю глаза как раз в тот момент, когда Дима запрыгивает вместе со мной на заднее сиденье джипа, кладет меня на колени, после чего машина срывается с места.

Колесо тут же натывается на какую-то выбоину. Мы вместе с машиной подпрыгиваем. Шиплю через стиснутые зубы. Стараюсь подтянуть колени к животу, но из-за этого становится еще больнее. Поэтому остаюсь лежать в той же позе, что и до этого. Дима сильнее прижимает меня к себе. Наклоняется ко мне. Зарывается носом в мои волосы и тихонько раскачивает.

— Ребенок? — слышу его шепот.

На мгновение забываю о боли, и, конечно, она проносится по телу очередной волной. Приходится протяжно выдохнуть, чтобы хоть немного отпустило.

— Вадим? — губы еле шевелятся.

— А кто еще? — смешок раздается возле моей головы. — Потерпи, хорошо? Мы скоро приедем.

Мне удастся лишь кивнуть, после чего хватка Димы вокруг меня усиливается. Он ничего не говорит, только держит меня. Такое чувство, что передает силу, что есть у него. Когда машина останавливается, аккуратно выбирается и сам несет меня в больницу.

Его командирский голос мобилизует персонал больницы быстрее, чем любой сигнал тревоги. Все начинают бегать, суетиться, задавать вопросы. Я же не могу вымолвить ни слова. Дима отвечает за меня. Через какое-то время кладет меня на каталку. Но руку мою не отпускает.

Я сразу подтягиваю ноги к себе, за что получаю нагоняй от уже другой пожилой медсестры. Плевать! Эта поза помогает утихомирить разбушевавшуюся, спазмами сжимающую живот боль.

Дима держит меня за руку до самых операционных, но туда его не пропускают. Он

рычит на персонал, но все равно получает ответ «нет». Отступает только тогда, когда ему напоминают о том, что время идет.

На мои глаза наконец-то наворачиваются слезы, и я не отвожу взгляда от Димы, пока дверь не отделяет меня от него.

Больница, Генерал

Закрытая дверь разрывает наш с Евой зрительный контакт. Я остаюсь один в длинном коридоре. Невидящим взглядом смотрю туда, где раньше была Ева.

Это я ее толкнул. Я!

Перед глазами проносится тот миг, когда моя ладонь встретила со спиной Евы, и она полетела в сторону. Я не видел, что было дальше, сосредоточился на обдолбанном придурке, совсем забыв о жене. Опять. Да, что я за муж такой? И отец?!

Резко разворачиваюсь, прислоняюсь спиной к стене рядом с той самой дверью и сползаю вниз. Цепляюсь пальцами за волосы. Снова прокручиваю воспоминания перед глазами. Теперь вижу глаза Евы, когда она посмотрела, сидя на полу в окровавленных штанах. На ее лице было столько боли, что я сам там чуть не сложился пополам. Она даже не сравнится с той, которую я причинил ей своей изменой. В квартире Артема агония и возможная потеря будто пожирала Еву изнутри. Она выглядела такой бледной. Такой беззащитной. Такой ранимой. А в машине, когда Ева пыталась сжаться в комочек, чтобы ей хоть немного стало легче, думал начну рвать на себе волосы. Не говоря уже о том, когда мне пришлось ее отпустить в операционную одну.

В кармане звонит телефон. Не думая, отвечаю на звонок:

— Где Ева? И почему она не отвечает на мои звонки? — звонившего узнаю сразу. Этот командирский тон долго снился мне в кошмарах.

— Ева в больнице, — произношу безжизненным голосом. Мгновение слушаю тишину.

— В какой? — Алексей Корнеевич всегда отличался способностью собраться в сложной ситуации.

Когда называю адрес, слышу короткие гудки. Не сомневаюсь, что отец Евы будет здесь в ближайшее время. Этот мужик слишком деятельный, чтобы сидеть на месте. Кстати, об этом.

Резко встаю на ноги и иду к посту медсестер. Молоденькая девочка со светлыми, выглядывающими из-под шапочки волосами сжимается, стоит мне нависнуть над ней, перегнувшись через стойку.

— Мне нужен главный врач, — произношу тихо, но вкладываю в голос всю силу. Медсестра вздрагивает и дрожащей рукой указывает направление. Ее глаза бегают, точно ищут пути отступления. Больше от нее я ничего не добьюсь. Поэтому отталкиваюсь от стойки в поисках другой «жертвы».

Через час для Евы подготавливают ВИП-палату, назначают одного из лучших врачей. Я не жалею о своем поведении, Еве не нужен какой-то тьюфак, который будет бояться лишнее действие сделать, когда речь идет не только о жизни моей жены, но и о ребенке.

Ребенок... Как я мог не понять? Бледность, тошнота, Ева явно что-то от меня скрывала — все же признаки были на лицо. Мы были женаты почти два года, никогда не предохранялись, но ничего не получалось. А тут, когда из-за меня все к чертям полетело...

Вздыхаю и сажусь на лавочку напротив той самой двери, в которую увезли Еву. Белый пустынный коридор угнетает и наводит на не самые приятные мысли. Новостей никаких

нет. Я уже готов начать молиться, чего не делал со времен службы в горячей точке. Тогда я решил, что Бог меня оставил. Но может Еве и малышу он поможет? Они же ни в чем не провинились.

Ставлю локти на бедра, кладу голову на ладони и стараюсь глубоко дышать, чувствуя полнейшую беспомощность, впервые со времен плена. Я готов все крушить, ломать, если бы это только помогло. Я бы даже свою жизнь отдал, лишь бы с Евой и ребенком было все в порядке. Господи, пожалуйста, пусть с ними двумя будет все в порядке.

Вадим прав, я идиот! Какой же идиот! Как я мог быть настолько слепым? Что я сделал со своей семьей и, главное, ради чего?

Конечно, остается еще более важный вопрос: «Как мне все исправить?».

Издали слышу быстрые тяжелые шаги, а за ним быстрый стук каблуков. Совсем не удивляюсь, когда чувствую руку на плече, которая тянет меня вверх. Стискиваю зубы, впервые почувствовав боль из-за рания, но тут же отбрасываю ее. Не сопротивляюсь, встаю и смотрю прямо в глаза отцу Евы.

— Что ты сделал с моей дочерью? — ревет он мне в лицо.

Не отвечаю. Не могу. Не сейчас. Все мои мысли заняты Евой. Бросаю взгляд на дверь, которая так и остается закрытой. Ева там слишком долго...

— Отвечай, — Алексей Корнеевич встряхивает меня. Не реагирую.

— Леша, — слышу я нежный, взволнованный голос. Из-за спины мужчины выходит миниатюрная женщина, которая так напоминает Еву, только старше. Она окидывает придирчивым взглядом меня. — Посмотри на него. Он явно переживает больше тебя. Вряд ли это его вина. А это что? — смотрит на пол и хмурится. Прослеживаю ее взгляд и вижу кровь, которая капает с моих пальцев и собирается у ног. Неважно.

Пальцы на моей руке расслабляются. Алексей Корнеевич всматривается в мое лицо, после также опускает взгляд на пол. Эти двое выглядят хорошо вместе. Миниатюрная женщина, азиатского происхождения, в черном платье и с волосами, затянутыми в высокий пучок, и сильный мужчина в строгом сером костюме, на которого она явно может положиться.

Такими могли бы быть мы с Евой, если бы я все не испортил...

Дверь в операционную распахивается, и мы втроем поворачиваемся к ней. Тучная женщина выходит в коридор, снимает маску и оглядывает нас.

— Родственники Волковой? — мы втроем киваем. — С пациенткой все в порядке. Нам удалось ее стабилизировать. Теперь ей нужен покой и постоянное наблюдение врачей. Сейчас направляем ее в реанимацию, но скоро переведем в палату, после чего вы сможете ее увидеть.

— А ребенок? — я стискиваю челюсти. Не дышу.

Писк противный, проникающий в сознание, хорошо мне знаком. Как и запах медикаментов, смешанный с чем-то сладким, цветочным. Мне не хочется просыпаться, потому что я уже знаю, что меня ждет: холодные стены, куча уколов, горечь таблеток. Но одна мысль заставляет меня распахнуть глаза.

Палата на этот раз выглядит по-другому: бежевые стены, столик с двумя стульями у окна, большая кровать с двумя тумбочками рядом, на одной из которых стоит ваза с розами, телевизор на стене напротив, только капельницы и дополнительные мониторы указывают на то, где я нахожусь.

Я не успеваю толком осмотреться, как дверь распахивается. На пороге появляется медсестра в голубой форме, с черными волосами, завязанными в гульку и прикрытыми шапочкой. Она перебирает какие-то бумажки и, только подойдя к моей кровати, поднимает взгляд.

— О, вы проснулись, — краснеет. — Я сейчас позову врача.

Медсестра быстро разворачивается и почти добегает до двери, когда я ее окликаю:

— Подождите, — голос хриплый, но этого достаточно, чтобы девушка замерла. — А что... что с ребенком?

Я лежу в кровати и толком пошевелиться не могу. Чувствую холод, сковывающий тело.

— Я позову врача, он все объяснит, — медсестра даже не оборачивается, прежде чем выбежать из палаты, как пуля.

А у меня желудок ухает вниз.

Нет. Нет. Этого не может быть.

Поднимаю слабую, дрожащую руку и кладу ее на живот.

Мальш...

Я даже толком осознать ничего не успеваю, как дверь снова открывается. На пороге вместо желанного врача с ответами появляется Дима. На нем черные спортивные штаны, такого же цвета футболка, волосы влажные, в руках еще одна ваза с розами.

Он не сразу замечает, что я наблюдаю за ним. Проходит в комнату и где-то посередине замирает, когда видит мой взгляд, направленный на него.

Я никогда не видела, чтобы человек двигался так быстро.

Раз, и Дима оказывается возле кровати, ставит цветы на тумбочку возле нее и же тут же сжимает мои пальцы, лежащие на животе. Вглядывается мне в глаза. Он будто хочет найти там ответы о моем состоянии, но об этом может сказать ему только врач. А вот Дима может ответить на мой вопрос.

— Ребенок? — голос слабый. Так страшно услышать ответ.

— В порядке.

Облегчение, такое сильное, волной накатывает на меня и полностью затапливает меня. Я наконец могу расслабиться, но ненадолго, потому что только сейчас замечаю кусок марлевой повязки, выглядывающий из-под футболки мужа.

— Что это? — пытаюсь дотянуться до Димы второй рукой, но она падает на половине пути на кровать.

— Пустяки. Не переживай и не напрягайся, — Дима нежно пожимает мои пальцы и

легко улыбается. Я тут же напрягаюсь. Улыбается? — Ты как? Что-то болит? Пить хочешь?

Когда речь заходит о воде, я сразу чувствую жажду. Она дерет горло. Я тянусь к нему, но Дима перехватывает мою руку и кладет на кровать.

— Не двигайся. Сейчас дам тебе воды, — взгляд мужа наполнен тревогой, когда он смотрит на мою шею. Но длится это всего мгновение, прежде чем Дима отпускает мои руки и начинает возиться у тумбы. Я не вижу, что он делает — лежу не очень удобно. А чтобы повернуться или приподняться, нужно приложить немало сил, которых у меня сейчас нет.

Слышу, как Дима наливает воду, ставит, скорее всего, графин, и только после этого Подходит ко мне. Приподнимает меня, садится немного сзади и маленькими глотками дает пить. Когда стакан оказывается пустым, Дима также аккуратно укладывает меня на подушки, ставит стакан на тумбу и встает рядом.

— Дима? — зову немного окрепшим голосом. Муж берет меня за руку, прежде чем заглянуть мне в глаза. Они такие же темные, под ними залегли слишком глубокие тени. И лицо бледнее обычного. — Что это? — я указываю подбородком на повязку на плече.

Дима тяжело вздыхает.

— Ты же не забудешь, да?

Я качаю головой.

— Артем пырнул меня ножом там в квартире. Ничего жизненно важного не задел. Но рана глубокая.

Я задерживаю дыхание. Воспоминания отправляют меня в тот момент. Словно наяву перед глазами появляется нож, валяющийся на полу среди осколков, чувствую режущую боль, не дающую мне пошевелиться, слышу ругань.

Мотаю головой, чтобы избавиться от навязчивых мыслей, не позволяя себе углубиться в прошлое. Снова вижу Диму, который, нахмурившись, испепеляет меня взглядом. Улыбаюсь. Вот такой Дима мне хорошо знаком. Открываю рот, чтобы задать следующий вопрос, но в палату снова входят.

На этот раз пожилая пухлая женщина в белом халате и бейджем с именем Валентина Петровна. От нее я узнаю, почему медсестра боялась мне даже слово сказать, и что мой муж запугал весь персонал больницы, обещая жестокую расправу, если со мной или ребенком что-то случится.

Я поднимаю взгляд на Диму, он только пожимает плечами. Выглядит как сама невинность, при этом глаз от меня не отводит.

Оказывается, только Валентина Петровна согласилась «рискнуть карьерой» и заняться моим случаем. Также она сообщила, что мне очень повезло — ребенка удалось сохранить только чудом. И теперь всю оставшуюся беременность мне придется быть под наблюдением. А еще Валентина Петровна через часик пообещала забрать меня на узи и осмотр, после чего настоятельно попросила успокоить буйного папашу.

Я изо всех сил пытаюсь сдержать улыбку, поджав губы. Но она все равно появляется на моем лице. Конечно же, я киваю, чтобы доктор могла спокойно уйти. По дороге к двери улавливаю ее бормотание: «Когда он был один, еще сносно, но двое...».

Не успеваю спросить, что это значит, Валентина Петровна скрывается за дверью. Дима тут же занимает ее место, которое благородно уступил чуть раньше. Я немного подвигаюсь на кровати — силы постепенно возвращаются, — и хлопаю по освободившемуся месту. Дима сначала внимательно смотрит на меня, потом на кровать, и только после этого садится рядом, захватывая в плен своих пальцев мою руку.

— Ты же теперь не дашь мне развод? — говорю я первое, что приходит в голову.

Дима напрягается. Его взгляд темнеет, брови сдвигаются к переносице.

— А ты его хочешь? — он замирает словно статуя.

Я опускаю глаза, потому что не могу выдержать его взгляд.

— Я не хочу снова пережить...

— Не переживешь, — Дима прерывает меня так быстро, что я невольно снова смотрю на него.

Он искренен! Не отводит взгляда. Хоть и хмурится, но не скрывает свои эмоции. Я вижу его глаза, наполненные беспокойством. Дима настолько крепко сжимает мои пальцы, что я чувствую легкую боль. Но не жалею, у меня в голове крутятся аргументы, которые требуют немедленного опровержения.

— Твоя работа...

— Ее больше нет, — Дима прожигает меня взглядом.

— К-как? — сердце начинает быстро колотиться.

— Я написал рапорт об отставке, — Дима пожимает плечами. — Его в срочном порядке одобрили, чтобы заключить сделку с шейхом на его условиях «счастливая семья» и все такое...

— Но... но... — не нахожу слов. Они застревают в груди.

— Ева, ты должна кое-что понять, — Дима сильнее разворачивается ко мне. Снова бросаю взгляд на его повязку и до меня доходит, что он нес меня, когда сам был ранен. — Я принял это решение еще до того, как узнал о ребенке, — он бросает короткий взгляд на мой живот. — Понял, что не хочу больше такой жизни. В постоянной гонке. Когда я тебе изменил...

Я вздрагиваю, и это не скрывается от Димы. Он сильнее сжимает мою руку, словно боится, что потеряет меня.

— Я буду называть ошибки своими именами, прости, — он еще больше хмурится, но не замолкает, а я не перебиваю — его и без того сложно вывести на разговор, лучше выслушать до конца. — Когда я тебе изменил, то не думал. У меня на первом месте стояла работа — это правда. Ты не должна была узнать. Я не хотел причинить тебе боль. Но узнала...

— Ты же говорил, что изменял «с самого начала», — отвожу взгляд, чувствуя как в груди начинает открываться рана.

— Я не хотел тебе врать, — голос Димы спокойный, я чувствую, как сильно его пальцы сжимают мои. — Никогда не врал. Мы еще тогда не были женаты. Не так давно познакомились, меня отправили на задание и...

— Не надо! — зажмуриваюсь. — Только не говорили, что ты выбрал работу вместо меня, — закусываю губу. Сильно. Надеюсь, хоть немного уменьшить душевную боль. Не выходит.

— Я не оправдываюсь. Сейчас точно не буду этого делать. Просто хочу, чтобы ты все знала. — Дима набирает в легкие воздуха, а я снова смотрю на него. Мне нужно знать, что он скажет. Часть моей души умерла в тот день, когда я обо всем узнала. И почему-то, кажется, что, возможно, есть хоть небольшой шанс ее воскресить.

— Наверное, то, что ты обо всем — лучшее, что могло быть в нашей ситуации, — Дима потирает шею. — Наш брак не просто превратился в рутину, он изначально был таковым. Заключен не по тем причинам, но это не значит, что я тебя не любил...

Перестаю дышать.

— Любил. По-своему. И только после измены понял, что недостаточно, — он ненадолго закрывает глаза, после чего распахивает их. — Но я всегда заботился о тебе. Когда увидел твои слезы, ту боль, которую причинил тебе, что-то сломалось во мне. Пробилась броня, которую я тщательно выстраивал годами. В тот момент я понял, что ты ускользаешь от меня, а я не могу тебя остановить. Если бы ты пришла к отцу и рассказала обо всем, и он бы на пушечный выстрел не подпустил к тебе.

Открываю рот, чтобы возразить, но Дима прикасается указательным к моим губам.

— Не подпустил бы, поверь мне. Я на его месте также поступил бы, — Дима улыбается уголками губ, после чего его лицо приобретает снова серьезное выражение. — Я пытался оставить тебя рядом на своих условиях. Долго действовал неправильно. Причинял тебе большую боль, пока не понял до чего довел тебя — из-за меня ты оказалась в больнице. В первый раз, — он горько усмехается. — Тогда я осознал, что мне нужно отойти в сторону и дать тебе принять решение самой. В тот же день начал искать себе замену на службе. Что-то в моей жизни шло не так, и лучше все поменять сразу, чем терять время.

— Зачем ты это все мне говоришь? Почему сейчас? — все-таки не выдерживаю. В груди и так колит, сердце сжимается при каждом его слове. Мне нужно понять причину. Если она не та, я не уверена, что вынесу это

— Знаешь, я бы правда тебя отпустил. И отпущу, наверное, если попросишь...

Мои глаза наполняются слезами. Как бы я не пыталась удержать их, одна слезинка скатывается по виску на подушку. Дима это, конечно же, замечает.

— Эй, — он кладет ладонь мне на щеку и поглаживает большим пальцем. — Не нужно плакать, ладно?

— Ничего не могу с этим поделать, — шмыгаю носом. — Просто продолжай говорить. Мне нужно услышать.

Дима какое-то время пристально смотрит на меня, словно оценивая, стоит ли доверять моим словам, и, в итоге, решает продолжить.

— Так вот, если ты попросишь, я отпущу, уйду в сторону и позволю тебе строить жизнь самостоятельно, — он вытирает пальцем очередную слезинку, которая срывается с ресниц. — Не скажу, что будет просто сдержать свое обещание. Но если это та цена, которую нужно заплатить за свой поступок, то я готов ее принять.

Я прикусываю губу, чтобы сдержать всхлип. Вместо этого, икаю. Дима на это лишь качает головой.

— Но если ты готова дать нам шанс, то я дам тебе другое обещание, — он нависает надо мной и смотрит мне прямо в глаза. — Я обещаю тебе, что никогда не поставлю чьи-либо интересы выше твоих и нашего ребенка. Вы всегда будете для меня на первом месте. Даю тебе слово генерала. Хотя уже и отставного.

— Ты же понимаешь, что разрушенное доверие вернется не сразу, если вообще вернется, — произношу я сквозь слезы.

— Понимаю, но готов сделать для этого все.

Эти слова становятся для меня последней каплей, поток слез уже не остановить. Они начинают литься, литься и литься. Дима тут же снимает обувь, забирается ко мне на кровать и прижимает к своей груди, отчего я рыдаю еще сильнее. Его едва слышные «прости», подкрепленные поглаживаниями по голове, подливают масло в и так нескончаемый поток слез. Проходит время, прежде чем я немного успокаиваюсь. Кажется, заходила медсестра, но под грозным взглядом Димы тихо прикрыла дверь с другой стороны.

— Я дам вам шанс, — вытираю остатки слез. — Всего один! Если ты снова придешь мое доверие, это будет конец! — мой голос твердый и смотрю я прямо в глаза Диме.

— Никогда! — он тоже говорит серьезно, после чего целует меня в лоб.

Вечером, когда мы с Димой вдвоем лежим на кровати в моей палате и смотрим какую-то смешную передачу по телевизору, в коридоре раздается громкий приказной голос. Я даже вздрагиваю, когда слышу его. Все, потому что узнаю.

— Что там? — опасливо смотрю на дверь.

— Похоже, твой отец вернулся.

— Как провела время с мамой? — Дима встречает меня у порога, стоит мне зайти в дом.

— Ты ждал меня? — ставлю бумажные пакеты на пол, а когда вижу приподнятую бровь мужа, вздыхаю. — Все хорошо. Получила множество советов, в том числе ненужных.

Дима раскрывает объятия, и я тут же ныряю в них. Прижимаюсь к сильной груди и расслабляюсь. Ноги гудят, по телу разливается слабость. Хоть живот еще не сильно заметен, но я стала быстро уставать, что мне совсем не нравится.

— Мама помогла выбрать одежду для ребенка. Хочешь посмотреть? — я немного отстраняюсь, наклоняюсь к пакетам...

— Потом, сначала прими ванну, — Дима так быстро поднимает меня на руки, что взвизгиваю и едва успеваю обхватить его за шею.

Муж несет меня на второй этаж по коридору в нашу спальню, а я жмусь к нему. Прошло три месяца с момента похищения, и я не узнаю Диму. Мало того, что он действительно ушел с работы и старается проводить время со мной, хотя иногда запирается в кабинете, чаще всего с Вадимом, так еще он стал невероятно опекающим. Дима все такой же молчаливый, не очень любит делиться своими мыслями, зато с удовольствием слушает меня. Иногда я несу настоящий бред, готовя или занимаясь в саду, что удивляюсь, как у него уши еще не завяли. Но нет, он не только улавливает каждое мое слово, но и отвечает, когда нужно.

А еще Дима часто носит меня на руках. Эта привычка появилась, когда Валентина Петровна сказала, что мне нельзя перенапрягаться. Что-то мне подсказывает, что она сделала это специально, но уточнять я не стала. Меня все устраивает.

Дима заносит меня сначала в нашу спальню, а потом в ванную. Только в ней он ставит меня на ноги и отпускает. Разворачивается и уже хочет включить воду в ванной, когда я обнимаю его со спины, прижимаясь к ней щекой.

— А может душ... вдвоем? — произношу робко, все еще стесняясь высказывать свои желания вслух. Но после долгого разговора о желаниях с мужем, когда он однажды поймал меня на том, что я опускаю глаза и кручу пальцы, стараюсь побороть робость.

Дима на мгновение замирает, после чего разворачивается, всматривается в мое лицо и хрипло произносит:

— Ты уверена, что не сильно устала?

Я быстро-быстро киваю, и замечаю, как уголки губ мужа дергаются. Щеки тут же обдает жаром, но я не успеваю спрятать лицо в его груди, как на меня обрушиваются горячие губы.

Сразу же забываю обо всем. Цепляюсь за плечи Димы, прижимаюсь к его телу. Он обхватывает меня своими огромными руками и еще сильнее вжимает в себя. Его язык проникает мне в рот, и я теряюсь в поцелуе. Ногтями впиваюсь в футболку мужа. Пытаюсь оставить следы на нем. Мне его мало. Так мало.

Дима разрывает поцелуй и отстраняется от меня. Хочу уже возмутиться, но не успеваю даже пискнуть, как моя блузка оказывается порвана. Маленькие пуговицы скачут по полу, ткань падает у ног.

С джинсами дела обстоят сложнее. Сначала Диме приходится повозиться с ремнем. Потом стащить с меня прилипшую ткань оказывается еще той задачкой. Но, в итоге, я

переступаю через них и оказываюсь о одном нижнем белье, которое по мановению рук мужа, летит на пол.

Дима раздевается полностью намного быстрее меня. Сразу цепляюсь взглядом за новый шрам у него на груди, он уже выцветает, только кое-где проглядывают розовые стежки. Хотя Дима уверял, что ничего страшного не случилось, но я случайно услышала разговор медсестер, что рана оказалась серьезной и кровотечение было сильным. Если бы ему вовремя не оказали помощь, у меня могло быть мужа. До сих пор в голове не укладывается, как он нес меня с такой раной.

Не могу остановить себя, тянусь к шраму и провожу по нему пальцем. Глаза наполняются слезами, в горле появляется ком. Дима замирает, впивается в меня взглядом. Опускаю голову, но он за подбородок поднимает ее.

— Ну чего ты? — Дима притягивает меня к себе и целует в лоб. — Все же хорошо.

— Знаю, — я всхлипываю, крепче прижимаясь к нему. — Это все гормоны.

Грудь Димы вздрагивает, когда он усмехается.

— Сейчас их утихомирим.

Прежде чем я успеваю сообразить, что происходит, Дима подхватывает меня под попу и отрывает от пола. Я обнимаю его ногами, чтобы не упасть. Всем телом чувствую горячую кожу. Член упирается мне между ног. По телу проносится дрожь. Единственное, о чем я могу думать — он внутри меня. Ерзаю и слышу шипение у уха.

— Потерпи немного, — голос Димы хриплый, наполненный желанием.

Я снова двигаюсь, чувствуя, как головка члена трется о влагище. Дима втягивает воздух через стиснутые зубы и несет меня в душ. Прежде чем войти внутрь, он включает воду и проверяет температуру. Я в это время покрываю мелкими укусами его шею, отчетливо ощущая, как пальцы на моих ягодицах напрягаются.

Дима нежно целует меня, как только мы встаем под теплые струи. Он прижимает меня к еще не успевшей согреться стене, собой загораживая воду. Но все что меня беспокоит это губы, сминающие мои, руки, сжимающие ягодицы. Я всем телом ощущаю его мощь, власть и хочу ей отдаться. Кожа будто наэлектризована. Любое прикосновение вызывает желание. А когда Дима рукой сжимает мою грудь и скручивает сосок, одновременно с этим впиваясь зубами в шею, кричу. До хрипа. Внизу живота разгорается такой пожар, что кажется я вот-вот в нем сгорю. Пытаюсь тереться о мужа, достать до члена, но у меня мало места для маневра. Власть в его руках. И он мне это отчетливо показывает.

— Пожалуйста, дай мне, — с моих губ срывается мольба. Руками глажу его плечи, впиваюсь в них ногтями, царапаю. — Мне нужно...

Наконец-то Дима слышит мою просьбу, двумя руками поднимает выше, удерживая под поду, и усаживает на член. До упора.

Стон срывается с моих губ, шипение с его.

Дима замирает. Я тоже. Мне нужно мгновение, чтобы привыкнуть к его размерам, и он это знает. Откидываю голову. Затылком прислонюсь к влажной стене. Подставляю лицо каплям. Тёплая вода еще больше воспаляет кожу. Теперь я горю не только внутри, но снаружи. Дима медленно поднимает меня, оставляя внутри только головку, а потом резко опускает. Перестаю соображать.

Мне нужно все. Мне нужно больше. Мне нужен он.

Упираюсь в его плечи, пытаюсь двигаться, но Дима позволяет перехватить инициативу. Дима так крепко сжимает мои бедра, что мне становится немного больно. Всего на секунду,

в следующее мгновение все растворяется в удовольствии, когда Дима снова приподнимает меня и насаживает на свой член. А потом повторяет это снова и снова.

Но мне мало. Недостаточно медленных, равномерных, хоть и глубоких толчков.

Хочу больше. Жестче. Быстрее.

— Сильнее, — полупросьба-полуприказ срывается с моих губ.

Дышу часто, пальцами сжимаю плечи мужа, чувствуя, как его член глубоко входит в меня.

— Ребенок... — хриплый шепот Димы доносится до ушей.

Открываю глаза и вижу его проникновенный взгляд. Он тоже хочет, но сдерживается, переживает.

— Ребенок будет в порядке, — смотрю в его глаза. Мои губы изгибаются в полуулыбке. — Если ты не дашь его маме, то, что ей необходимо, вот тогда он взбунтуется вместе с мамой.

Дима усмехается, качает головой, выходит из меня и ставит на ноги. Я уже хочу возразить, когда он разворачивает меня лицом к стене. Едва успеваю упереться ладонями во влажную плитку — муж снова входит в меня, но на этот раз иначе.

Как я хотела: глубже, жестче, резче.

По коже проносится электричество, низ живота сжимается. Задыхаюсь.

Ступни скользят по поддону, стоит Диме выйти и снова войти. Он хватает мои бедра. Крепко держит, когда начинает вдавливать в меня. Я ловлю ртом воздух, чувствуя, как по телу проносится жар. Он такой сильный, пылающий, сжигающий изнутри. Кожа покрывается мурашками, внизу живота все скручивается в узел. По телу проносится дрожь. Мотаю головой. С губ срываются стоны. Ногтями пытаюсь зацепиться за плитку, но они соскальзывают.

Дима все еще держит меня одной рукой, когда второй гладит по ягодице, сжимает ее, отпускает и... шлепает.

Кричу. Мышцы сжимаются вокруг члена. Жжение разносится по коже. Не успевает даже немного утихнуть, когда я чувствую второй шлепок, а затем толчок. Кусаю губы, язык, щеку изнутри. Ягодица горит.

Шлепок.

Жар распространяется по телу, не только внутри, но и снаружи.

Шлепок.

Закрываю глаза и толкаюсь навстречу Диме. Кожа по-настоящему горит. В ушах звенит. Каждая мышца напрягается.

Дима касается подушечками пальцев моего клитора. Теряюсь в ощущениях.

Он нажимает, я замираю. Задерживаю дыхание.

Дима начинает кружить по клитору, и я взрываюсь в удовольствии. Жар становится огнем. Сгораю в нем. Дрожу сильнее. И если бы Дима не подхватил меня, я точно распласталась бы на полу в душе.

Чувствую еще несколько коротких толчков, которые усиливают мою дрожь, после чего Дима замирает, а горячая сперма разливается во мне.

Муж тянет меня на себя, я спиной прислонюсь к его груди. Дима обнимает мои плечи своими огромными руками. Я расслабляюсь, отдаюсь его силе. Мы стоим под теплыми струями. Тяжело дышим. Прикрываю глаза, чувствую слабость во всем теле. Дима упирается подбородком в мое затылок и еще сильнее сжимает меня. Наше дыхание постепенно

успокаиваться, после чего Дима выходит из меня. Немного отстраняется. После чего разворачивает меня к себе. Смотрит мне в глаза. Молчит. Долго. Но я вижу все, что он хочет передать. Мягко улыбаюсь. Касаюсь пальцами его щеки, покрытой щетиной. Тянусь к нему. Оставляю быстрый поцелуй на его губах. Он сильнее сжимает мою талию, выдыхает и улыбается.

— Люблю тебя, — произносит он и нежно целует.

Генерал

— Ты когда приступишь к своим обязанностям? Уже полгода прошло.

Меня всегда поражала наглость брата. Вадим развалился в кресле напротив меня и смеет еще претензии предъявлять. В моем же кабинете.

Я склоняю голову к плечу, пригвождая его к креслу своим фирменным взглядом, от которого солдаты тут же вставали по стойке смирно. Вадим, конечно, не подрывается с места и даже не дергается, но, по крайней мере, руки перед собой в жесте «я сдаюсь» вытягивает.

— Ладно-ладно, пока моему племяннику годик не исполнится, я буду дергать тебя только по самым важным делам, — он усмехается. — Считай что ты в декрете вместе с Евой.

Я качаю головой.

— Кстати, — все веселье сходит с лица Вадима, я тоже напрягаюсь. — Генеральный снова объявился. Но на этот раз, я, кажется, выяснил, кто он. Мне нужно только подтверждение получить.

— Когда будешь уверен, не забудь мне сказать, — сжимаю кулаки.

У меня с генеральным свои счеты. Похищение Евы я ему точно не прощу.

Артем запел как соловей, стоило ему за решеткой оказаться. Конечно, пытался хорохорится, но один намек на выбор мною сокамерников развязал ему язык.

Мы узнали все, начиная с того, как генеральный вышел на любителя азартных игр, и предложил сделку «информация о контрактах Вадима в обмен на закрытие долгов», заканчивая шантажом Евы.

Не хочу думать через что пришлось пройти моей жене из-за этого говнюка. Тем более основную ответственность за произошедшее несу я сам. Но все-таки сокамерников для Артема я выбрал. Самых «лучших».

Зловещая улыбка появляется на моих губах. Вадим отодвигается подальше от меня. Он сильно сжимает подлокотники кресла и кажется вот-вот подорвется с места. Но его телефон пиликает и развеивает гнетущую атмосферу. Брат смотрит на экран, поджимает губы, а через мгновение расслабляется. Широкая улыбка растягивается на его лице.

— Прости, брат. Я пойду. Мне тут одну занозу нужно снова поймать, — он так быстро вылетает из моего кабинета, что я даже слова не успеваю сказать.

Ну, да ладно. У меня есть куда более важные дела.

Встаю с кресла и тоже выхожу из кабинета, но вместо того, чтобы направиться к входной двери, иду к задней. Конечно же, нахожу Еву на террасе. Она сидит, освещаемая настольной лампой, в плетеном кресле с круглым животом, прикрытым пледом, и читает книжку. Ева даже не слышит моих шагов, пока я не подхожу совсем близко и не притрагиваюсь к ее плечу. Вздрагивает. Сразу же поворачивает голову, только когда видит меня, расслабляется и улыбается. А я хмурюсь. Думал, воспоминания о похищении оставили

ее, но, кажется, нет.

— Ты меня напугал, — Ева откладывает книжку, не забыв о закладке, после чего отодвигает плед.

Пытается подняться, но живот перевешивает, и она заваливается обратно.

— Я стала такой неуклюжей, — хихикает, прикусывая губу.

Люблю эту ее привычку.

Прежде чем она успевает предпринять еще одну попытку встать, я засовываю под нее руки и поднимаю. Ева обнимает меня за шею. Трется носом о мою грудь, словно кошечка. Член тут же дергается, но я не реагирую. Несу жену наверх..

Эта чертовка вместо того, чтобы лежать смирно, впивается ногтями в мою шею и легонько царапает. После чего легкими поцелуями проходится по моему подбородку.

— Ева, — произношу строго, а сам чувствую, как в венах начинает зарождаться огонь.

— Что Ева? — в ее голосе сквозит обида. — Я беременная, а не больная.

Качаю головой. Этот разговор между нами происходит уже неделю. И мне приходится задействовать всю силу волю, чтобы не поддаться искушению.

— Если бы это было так, то врач бы не запретила нам заниматься сексом, — говорю как можно мягче, когда ногой толкаю дверь в нашу комнату, быстро пересекаю ее и укладываю Еву на кровать. — Если что-то пойдет не так, Валентина Петровна меня со свету сживет.

Усмехаюсь, но по коже проходит холодок, когда я вспоминаю уничтожительный взгляд женщины. Ее бы в армию — все солдаты ходили бы по струнке.

— Давай ей позвоним. Попросим разрешения, — Ева умоляюще смотрит на меня, я глубоко вздыхаю.

— Завтра, — провожу подушечками пальцев по нежной щеке жены. — А сегодня в душ и спать.

Отталкиваюсь от кровати, иду ванную и включаю воду в душе, а когда возвращаюсь, замечаю, что Ева уже дремлет, каким-то чудом перекатившись на бок и положив ладошки под щеку.

В груди разливается тепло. Я улыбаюсь, прислоняюсь плечом к косяку и чувствую, что принял правильное решение, оставив службу... выбрав семью.

Больше книг на сайте - Knigoed.net